

Александр Титов

Выйти Из Игры

18+

Александр Михайлович Титов

Выйти Из Игры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73567003

SelfPub; 2026

Аннотация

Проснуться в чужом мире. Не помнить ни своего имени, ни того, как ты здесь оказался. Единственный закон – закон выживания: найди провизию, не стань добычей для местных, чей облик отмечен звериными ушами и хвостами.

Я хотела следовать этому закону, но мир с первых минут начал жить по другим правилам.

Призрачные таблички перед глазами, пугающие системные ошибки там, где их быть не должно.

Оказывается, всё вокруг – игра. С уровнями, возрождениями и кнопкой выхода.

Но у меня ее нет.

Для всех это – захватывающий цифровой мир. Для меня – единственная и жестокая реальность, из которой нет стандартного пути наружу. Меня считают сбоем, багом, аномалией. Чтобы вернуться, придется искать обходной путь там, где бывали немногие.

Мне предстоит узнать, кто я на самом деле: случайная ошибка системы... или нечто большее. И главное – выжить достаточно

долго, чтобы найти ответ и нажать на несуществующую кнопку
выхода.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	6
Глава первая – Что случилось?	7
Глава вторая – Ядовитый монстр	29
Глава третья – Фиолетовые узоры	38
Глава четвёртая – Легализация	55
Глава пятая – Громыха	79
Глава седьмая – Доверие экипажа	124
Глава восьмая – Доверие и дивиденды	165
Глава девятая – Парочка знакомых	187
Конец ознакомительного фрагмента.	205

Александр Титов

Выйти Из Игры

ДИСКЛЕЙМЕР

Данное произведение является художественным вымыслом. Все события и персонажи вымышлены и их любые совпадения с реальными людьми, событиями или организациями случайны. Данное произведение является отдельной историей. Книга предназначена исключительно для лиц старше 18 лет.

Глава первая – Что случилось?

>Загрузка системы...

>Ошибка загрузки...

>Неудовлетворительная связь с сервером...

>Обновление сети...

>Удачно

>Перезагрузка системы...

>Удачно

>Загрузка системы...

>Ошибка загрузки...

>Проверка...

>Ошибка. Система не может быть загружена в связи с неизвестной ошибкой.

>Тестирование...

>Поиск возможностей...

>Отрицание

>Возможности не найдены...

>Структурирование...

>Ожидание...

Некоторое время спустя...

>Повторная попытка запуска системы...

>Загрузка внутренней системы...

>Проверка безопасности...

>Угрозы не обнаружены...

>Запуск...

>Успех

>Проверка системы...

>Успех

>Физические функции...

>Успех

>Системные функции...

>Успех

>Проверка стабильности системы...

>Успех

>Проверка конфигураций...

>Успех

>Предупреждение: повреждены ячейки памяти. Данные утеряны. Загрузка невозможна....

>Сброс системы до стандартных настроек...

>Успех

>Финальная проверка...

>Успех

>Работа организма подтверждена.

>Загрузка...

>Успех

>Передача управления пользователю...

>Успех

>Начало записи дневника...

>Удачи, пользователь....

Что... Что происходит...? Как... Где... Кто я? И что это

за текст? Он как будто у меня в... Голове?

Резкий, мелодичный голос выдернул меня из оцепенения.

– Kira! The girl is awake! Bring the monitor here! (Кира! Девочка проснулась! Принеси монитор!)

Непонятный поток певучих звуков привнес чувства в мой мир. Под спиной чувствовалась твердая, но упругая синтетическая поверхность – матрас. Воздух веял прохладой и был явно напичкан спиртом для дезинфекции.

Я попыталась приподняться и открыть глаза, но вот резкая боль и я снова упала на подушку.

Всё вокруг было залито слепящим, размытым светом. Я зажмурилась, потом снова открыла веки, медленно, давая зрению привыкнуть. Сквозь водянистую пелену проступали очертания гладких, белых стен без единого шва. А прямо передо мной, склонившись, замерло странное существо.

– How are you? (Как ты?) – прозвучал вопрос. Звуки были плавными, но абсолютно бессмысленными для меня. Инстинктивно, горло выдавило хриплый шёпот:

– Прости, что ты сказала?

Я наконец смогла сфокусировать взгляд. Существо явно было женского пола, судя по мягким чертам лица. Она выразила неподдельное удивление. Её тёмные глаза широко раскрылись. Она отступила на шаг назад, приложила ладонь к стене. Та, словно живая, бесшумно отъехала в сторону, обнажив скрытую нишу. Оттуда она извлекла плоское устройство, похожее на стеклянную плитку, и бережно положила

его мне на колени. Поверхность устройства была идеально гладкой и холодной. В её центре замерцала вертикальная белая линия, пульсируя в такт моему учащённому дыханию.

– Что это? – снова вырвалось у меня, голос звучал чужим и слабым. В ответ на мои слова прибор мелко и приятно завибрировал. Девушка наклонилась, чтобы взглянуть на поверхность. На ней проступили ряды извилистых, незнакомых символов. Она улыбнулась уголками губ – доброй, ободряющей улыбкой, затем что-то быстро проговорила и снова посмотрела на «стекляшку». Устройство снова отозвалось вибрацией, и на этот раз на нём появились слова. Понятные слова.

«Работает таки это старье. Как тебя зовут, детка?»

Я уставилась на эти буквы. Алфавит был знакомым, но осмысления не происходило. Мысли путались, накатывала волна абсолютной потерянности. Со мной пытается говорить незнакомка, я не помню ничего, я в невесть где...

Тут в голове что-то щёлкнуло. Сон! Конечно! Вот же простое и логичное объяснение. Это просто невероятно странный, яркий сон. Стоит как следует ущипнуть себя – и я проснусь в своей, настоящей кровати, где всё знакомо и безопасно. Я изо всех сил ущипнула себя за предплечье. Резкая боль отозвалась нервным импульсом, но... ничего не изменилось. Белые стены не растаяли, странная девушка не исчезла. Только на коже осталось красноватое пятно. Существо что-то пролепетало, и я, подавленная, перевела взгляд

на прибор.

«У тебя всё в порядке?»

Какое-то смутное, почти телепатическое ощущение подтолкнуло меня к действию. Я медленно, будто против воли, кивнула. Она снова улыбнулась, и в её глазах мелькнуло облегчение.

«Как тебя зовут?»

Я открыла рот, но в горло заболело и голос сорвался на шёпот, полный искреннего ужаса от этого простого вопроса.

– Меня... зовут... Самой бы хотелось это знать...

Существо наклонило голову набок, словно пытаюсь расшифровать смысл моих слов по выражению лица.

«То есть ты хочешь сказать, что не знаешь, как тебя зовут?»

Я снова кивнула, на этот раз решительнее. Пустота внутри в ответ на этот вопрос была абсолютной, оглушающей. Действительно... А как меня зовут? В этот момент часть стены позади неё с лёгким шипением растворилась, пропуская внутрь ещё одно существо. Контраст был разительным. Если у первой на макушке красовались острые, подвижные треугольнички, а сзади за спиной лениво извивался пушистый, массивный объект песочного цвета, то вторая... У второй из волос торчали причудливые ветвистые отростки, напоминающие миниатюрные безлистные деревца, а сзади, вместо длинной пушистой змеи, беззаботно подпрыгивал маленький кремовый пушистый шарик.

– Mira! I'm here. How are things with the girl? (Мира! Я здесь. Как дела с девочкой?)

– I'm not sure everything is okay... She doesn't know her name. (Не уверена, что всё хорошо... Она не знает своего имени.)

– What do you mean she doesn't know? She looks like she's about twenty, how can she not know? (Что значит «не знает»? Она выглядит лет на двадцать, как она может не знать?)

– How would I know about this? The rapid response team dragged her from the Helva metro station. I have no idea what happened to her there. (А мне откуда знать? Группа быстрого реагирования вытащила её со станции метро «Хельва». Понятия не имею, что с ней там случилось.)

– Seriously? They didn't even tell me a word about the station! How can I trust the management when they won't share all the patient details with me? (Серьёзно? Они мне ни слова не сказали про станцию! Как я могу доверять руководству, если они не делятся всеми деталями о пациенте?)

– Kira! I'll kill you someday. The station, her past, and even eyewitness accounts are all written down in her file. Are you saying you haven't read it? (Кира! Я убью тебя однажды. Станция, её прошлое и даже показания свидетелей – всё записано в её деле. Ты хочешь сказать, ты его не читала?)

– Well... I... (Ну... я...)

Их быстрый, эмоциональный диалог быстро нарастал, переходя в перепалку. Становясь для меня все более странным

и пугающим. Чувство полной отстранённости, будто я наблюдаю за всем через толстое стекло, сменилось приступом клаустрофобии. Эти белые стены сливались в один единственный куб который так и давил не давая продыху.

– Эй... Ребят... – слабо вклинилась я в их спор. – О чём вы говорите? Мне... Мне немного не по себе...

– Huh? What did she say? (А? Что она сказала?) – спросило второе существо, та, с «рожками». Первая, перевела взгляд с неё на меня, и её уши тревожно прижались к голове.

– Ребят... – повторила я дрожащим голосом. – Мне страшно...

Первая девочка немедленно подошло ко мне. Опустилась на колени, положила голову на край моего матраса так, чтобы наши глаза были на одном уровне, и снова сунула мне в руки переводчик.

«Меня зовут Мира. А это Кира. Нас назначили наблюдать за тобой. Когда тебя сюда принесли, ты была без сознания, поэтому только сейчас мы можем пообщаться и решить все проблемы. Ты уж извини за наши с Кирой ссоры. Она глупая, поэтому у нас возникают споры...»

«Эй! Это я-то глупая?!» – возмущённо фыркнула Кира, её пушистый шарик дёрнулся, – «Тебе напомнить, что ты чуть не сломала планы супервайзера, потому что перепутала аптечку с бензиновой канистрой! А?»

– Kira! Enough! (Кира! Хватит!) – Мира встала и решительно направилась к подруге держа в руках переводчик, –

I'm trying to somehow solve the problem of the language barrier, and you're interfering here! And where is the monitor anyway? (Я пытаюсь хоть как-то решить проблему языкового барьера, а ты тут мешаешь! И где вообще монитор?)

Кира схватилась за голову, её «рожки» дрогнули, – Oh my God, I left it in the elevator! I'll be right back! (Боже мой, я его в лифте оставила! Я сейчас!) – она метнулась к двери и вылетела в коридор, оставив за собой лёгкий вихрь.

Мира вздохнула, и на её лице появилось выражение привычного долготерпения. Она вернулась и села на стул, который бесшумно выдвинулся из пола прямо у неё за спиной. «Прости ещё раз. Кира такая... Ладно. Проехали. Скажи мне, что ты вообще помнишь до того, как проснулась здесь?»

Я перевела растерянный взгляд с её лица на прибор и обратно.

– Вообще ничего. Странное чувство, честно говоря... Будто я только что родилась.

Она посмотрела на показания переводчика, потом откинулась на спинку кресла, устремив взгляд в потолок, будто ища там ответы.

– Мира... – осторожно начала я, – Скажи... Что здесь за язык такой? И... что это у тебя на голове и сзади? Это у всех... Ну... так?

«Эх... Язык у нас обычный. Нэра называется. На нём вся Терра говорит. А вот ты на этом фоне очень сильно выжеля-

ешься. Появилась из ниоткуда, говоришь на другом языке и, вот, в общем-то...»

– А эти штуки... – я неуверенно указала пальцем на её треугольные уши. Мой собственный палец, описывая дугу, невольно проследовал к своему виску. И наткнулся на... мягкую, бархатистую на ощупь кожу, заострённую кверху. Я замерла. Медленно, будто в замедленной съёмке, провела пальцами по контуру. Это небыло волосами. Это была... ушная раковина. Но не такая, как я ожидала. Она была крупнее, подвижнее. Я дёрнула за кончик и моё собственное ухо дёрнулось в ответ, послав в мозг волну непривычного, но отчётливого мышечного чувства. Холодная и тошнотворная паника тут же подступила к горлу. Я инстинктивно рванулась, пытаясь отстраниться в сторону, и в этот момент почувствовала их. Не видела – чувствовала. Шесть тяжёлых, пушистых масс за спиной, которые отозвались на движение корпуса непроизвольным, мурашащим вздрагиванием. Последняя ниточка самообладания порвалась...

– «Иииии вы бы видели это! Ха-ха-ха-ха!» – Кира, уже который час, размахивая руками, с упоением делилась с кучкой коллег подробностями «шоу» в палате. Мы находились в какой-то общей комнате отдыха, куда меня перевели после... инцидента.

– Кира... – сгорая от стыда, прошипела я, стараясь прижать к спине свои новые, непослушные конечности. Все шесть.

– А я почём могла знать, что так среагирую на эти уши с хвостами у себя самой! Ладно у других... Но я...

– «Не волнуйся, нормально всё» – успокаивала меня, сидевшая рядом Мира. На её лице под глазом красовался свежий фиолетовый синяк – памятный сувенир от моей истерики.

– «Нам в лабораторию и не такие буйные попадают, так что это просто считай боевая травма», – она указала на уши, но в её глазах не было обиды, лишь лёгкая усталость.

– Прости, Мира...

– «О нет, ничего страшного. Всякое бывает... А насчёт всего этого не переживай. После твоего состояния не удивительно, что ты не сразу их почувствовала. На самом деле они достаточно интересные. Уши позволяют лучше слышать, а хвосты... Ну, тут, конечно, я не знаток... Шесть штук – это многовато, сказать честно. Но свои плюсы есть везде... У тех же мифических лис тоже по шесть хвостов, и вроде ничего, нормально жили...»

– «Мира, что вы тут делаете? Разобрались с девочкой?» – внезапно раздался новый, низкий и немного резкий голос. К нам подошёл ещё один обитатель этого мира. Мужчина, судя по манере ходьбы. У него были такие же, как у Миры, треугольные уши, но хвост – один, длинный и прямой. Его зелёные глаза оценивающе скользнули по мне.

– «Привет, Элэй. Девочка побуянила чуть, вот сидим думаем. А она сама... В общих чертах они ничего не пом-

нит. Совсем. Придётся ей придумывать имя самостоятельно. Другого выбора я не вижу», – ответила Мира, и в её голосе прозвучала защитная нотка.

– «Да... Ситуация не из приятных... Ладно. В общем. Я вот зачем пришёл собственно... – он замолчал на несколько секунд, а потом продолжил, – Эта девчонка была последняя, кто удерживал нас здесь. База требует, чтобы мы переместились в комплекс "Эквор". Там уже для нас всё готово. Эхх... В том числе и пациенты...»

– «Что опять случилось-то? Такого наплыва пациентов за всё своё рабочее время не припомню», – нахмурилась Мира.

– «Да с кристаллидами опять пошла возня. Их территории идут с нашими в притык, а мы не можем все получить договор о союзе. Высшее руководство решило, что надо забрать у них пул квадросинтеза. И уже потом можно будет думать о союзе. Да и при том что им этот квадрик нахрен не сдался. Был бы способ договориться...»

В его словах звучала такая знакомая горечь безысходности, что я не удержалась.

– Всегда есть другие пути решения, – тихо, но чётко сказала я, глядя на переводчик в своих руках, – Просто вы их не нашли.

Элэй презрительно фыркнул.

– «Чего там тарабанит девчонка?»

– «Говорит, что пути решения есть. Просто их нужно найти», – перевела Мира.

«Пф. Нужно найти, нужно найти... А ты иди к ним и найди! Я уже третий год ищу, как видишь – не нашёл!»

– «Элэй! Она только вышла из комы. Дай ей понять, что происходит. Да и к тому же... Мы даже не знаем, как её звать. Давай поговорим об этом уже на месте, окей?» – голос Миры зазвучал твёрже.

– «Конечно, мамочка, как скажешь», – язвительно выпалил Элэй, его хвост нервно дёрнулся, – «Гребаная мамочка... Я тут супервайзер, Мира! И мне решать, о чём я буду говорить. Понятно?!» Не дожидаясь ответа, он резко развернулся и зашагал прочь, оставив в воздухе тяжёлый шлейф раздражения.

– «Никогда не любила его натуру...» – высказалась подошедшая Кира скривившись.

– «И не поспоришь...» – вздохнула Мира, – «Характер так себе».

Внезапно тишину разорвал громкий, механический голос, разносящийся по всем помещениям:

– Attention all laboratory personnel. Evacuation to planet Ekiria has been ordered. Code 1. Everyone is required to proceed to the spaceport. Convoy preparations have been initiated. (Внимание всего персонала лаборатории. Отдан приказ об эвакуации на планету Экирия. Код 1. Всем необходимо проследовать в космопорт. Подготовка конвоя инициирована.) В ту же секунду по всей лаборатории взвывла пронзительная сирена, а привычный белый свет сменился тревожным, пуль-

сирующим оранжевым.

– Мира? – спросила я, и в голосе прозвучала паника, которую я уже не могла сдержать, – Что происходит?

– «Ничего страшного. Элэй начал эвакуацию. Пойдём. Нам нужно сесть в корабли конвоя, и через пару дней мы будем в новом месте».

– Эвакуация? Разве она не должна быть экстренной?

– «У нас есть система кодов на все случаи. В данный момент у нас просто переселение, поэтому Код 1. Если бы было срочно, то был бы Код 3, а то и 4. Но такое только в случае угрозы жизни, что редко на таком расстоянии от фронта».

Под оглушительный вой сирен, в мерцающем оранжевом полумраке, мы бросились по бесконечным, похожим друг на друга коридорам. Воздух вибрировал от гула множества шагов и приглушённых голосов. Наконец мы ворвались в огромное ангарное помещение, уходящее ввысь так высоко, что потолок терялся в дымке от двигателей взлетающих звездолетов. Космопорт. Отсюда не было видно неба – его заслоняли махины звездолёты, один за другим отрывающиеся от пола с глухим рёвом двигателей. Воздух гудел, дрожал под ногами и пропах едкой смесью химического окислителя. Мира, не выпуская моей руки, потащила меня к одному из кораблей – не самому крупному, обтекаемой сигарообразной формы. Люк с шипением открылся, а затем так же шипя закрылся за нами, отсекая какофонию ангара. С лёгкой, глубокой вибрацией, отзывающейся в костях, корабль плавно

поднялся в воздух. Через круглый иллюминатор я увидела, как белая стена ангара поползла вниз, сменилась мельканием сооружений, а затем и вовсе исчезла, уступив место пронзительной синеве неба, которая быстро темнела, густела, пока за стеклом не воцарилась бархатная, звёздная чернота, усыпанная алмазной крошкой далёких солнц.

– Вау... – вырвалось у меня, – Никогда не видела ничего подобного!

Перед самым взлётом у меня из рук деликатно, но настойчиво забрали переводчик. Теперь мои слова повисали в воздухе непонятным звуком. Мира что-то сказала, погладила меня по плечу и указала на кресло, пристёгиваясь ремнями в своём.

Следующие несколько часов проходили на удивление спокойно. В невесомости, которая наступила после выхода на орбиту, было странно и непривычно, но не страшно. Я наблюдала, как наш корабль, вместе с десятками других, выстроился в чёткую геометрическую формацию – широкий диск, медленно вращающийся вокруг центра. Из раздаточного автомата мне выдали прозрачный напиток, похожий на шампанское, с лёгким ягодным привкусом. Я отхлёбывала его маленькими глотками, уставившись в иллюминатор на бесконечную, величественную тишину космоса. Всё было хорошо... Пока не стало плохо.

Спокойствие было обманчивым. Оно длилось ровно до тех пор, пока за бортом не вспыхнул первый ослепитель-

ный взрыв. Я вскрикнула, прижавшись к иллюминатору. В чистой черноте космоса, вдалеке от нашего строя, один из кораблей вдруг превратился в медленно расползающийся оранжевый шар, разбрасывая во все стороны обломки, сверкавшие в свете далёкой звезды. Ни грома, ни гула. Только жуткая, леденящая тишина наблюдателя за гибелью.

Потом вспыхнул второй. И третий. Вокруг меня поднялась суматоха. Мира вскочила с кресла, её уши прижались к голове в смертельном ужасе. Кира что-то кричала, тыча пальцем в экран на стене, на котором мелькали непонятные символы и диаграммы. По всему кораблю завывали уже другие сирены – не предупредительные, а боевые, резкие и пронзительные. Свет сменился на кроваво-красный. За стеклом появились враги. Но не корабли в привычном понимании, а причудливые, ломаные структуры, словно выточенные из гигантских кристаллов чёрного кварца, аметиста или вовсе из обсидиана. Они не летели – они появлялись, выскальзывая из искажений пространства, и с них били тонкие лучи чистого света. Где луч касался корпуса терранского корабля, металл не взрывался, а рассыпался, превращаясь в облако сверкающей пыли, которая тут же замерзала в вакууме.

Наш корабль дёрнуло, будто от удара громадного хлыста. Меня отбросило от иллюминатора на противоположную стену. Воздух наполнился запахом гари и палёной изоляции. С ревом включились аварийные двигатели. Мы кувыркались, падали, мир за иллюминатором бешено вращался, мелькая

взрывами, кристаллическими убийцами и бездной.

– Hold on! They're targeting the engines! Brace for impact! (Держитесь! Они целятся в двигатели! Приготовьтесь к удару!) – заорал чей-то голос из репродукторов. Я не понимала слов, но панический тон был универсален.

С ужасом смотрела на огненные цветки как вдруг внезапный, оглушительный удар потряс корпус. Весь свет погас, сменившись тусклым свечением аварийных ламп. Искры посыпались с потолка. Нас больше не толкало. Мы просто падали. Быстро. Очень быстро. Я видела, как планета в иллюминаторе, раньше бывшая далёким сиреневым шариком, стремительно росла, превращаясь в океан фиолетовых и лиловых пятен, затем в рельеф, и наконец – в сплошное мелькание гор и лесов. Последнее, что я помнила перед новым ударом, который потряс всё моё существо и выбил сознание, – это Миру, пытающуюся прикрыть меня своим телом, и полное отчаяния мурлыканье...

Боль была моим первым возвращением к жизни. Острая, ноющая, разлитая по всему правому боку. Я лежала на чём-то мягком и влажном похожем на мох? В нос ударил резкий, свежий запах хвои, земли и... дыма. Горящего металла и пластика. Я открыла глаза. Надо мной колыхались огромные ветви деревьев незнакомого вида, с фиолетовыми листьями. Небо было странного лавандового оттенка. Я попыталась пошевелиться и застонала. Всё тело кричало протестом. Но, к моему удивлению, ничего не было сломано. Хвосты перепу-

тались и были придавлены, но тоже целы. С трудом поднявшись на локти, я огляделась. Картина была апокалиптической. Наш корабль, вернее, его обгорелая, смятая передняя часть, врезалась в склон холма, прочертив за собой по лесу длинную, уродливую рану из сломанных деревьев и вывернутой земли. Вокруг, среди дымящихся обломков, лежали неподвижные тела. Моё сердце упало. Мира. Кира. Стиснув зубы, я подползла к ближайшей фигуре. Это был незнакомый мужчина с рогами. Без сознания, но грудь поднималась. Жив.

Пытаясь подняться я пару раз упала из-за "мягких" ног. Все же наконец приняв устойчивое положение я аккуратно пошла дальше отыскивая знакомые силуэты. Ужас сковал горло, когда я увидела знакомый массивный хвост, торчащий из-под оторванной панели.

Я закричала, начала дёргать металл, пока пальцы не стёрлись в кровь. Под ним оказалась... просто часть сиденья. Никого. А сам хвост это просто кусок скафандра.

– Мира! – моё рычание было хриплым и одиноким в этом странном лесу, – Кира!

В ответ – только треск остывающего металла и далёкие, незнакомые птичьи крики. Нужно было найти помощь. Что-то. Кого-то. Я стала обыскивать ближайшие, наименее повреждённые обломки. Заглядывала в развороченные отсеки, отбрасывая тряпье и обгорелые детали. И нашла. В маленьком, уцелевшем ящике с красным крестом, валявшемся

рядом с треснувшим шлюзом, лежали две знакомые вещи: плоский прямоугольник переводчика, с паутиной трещин на экране и что-то похожее на рацию. Корпус военного зелёного цвета, антенна, кнопки. Я судорожно схватила оба предмета. Заряд переводчика был на нуле, но, судя по зелёной лампочке на радиии, та ещё подавала признаки жизни. Я отползла на безопасное расстояние от дымящихся обломков, уселась под огромным деревом с фиолетовой листвой. Сначала – переводчик. Я трясущимися пальцами нажала кнопку включения. Экран вспыхнул, моргнул... и погас. Я била по нему ладонью, тыкала во все углы – только слабая, предсмертная голубая подсветка на миг озаряла трещины. Он был мёртв. Мост в чужой мир рухнул.

Отчаяние сжало горло. Я швырнула бесполезный прямоугольник в мох и вцепилась в рацию. Это был последний шанс. На панели я нашла кнопку с наушником и микрофоном. Как это работает? Просто говорить? Я прижала холодный пластик к уху и губам. Нажала кнопку передачи.

– Алло? – мой голос прозвучал хриплым шёпотом, затерянным в шипении эфира. – Алло! Кто-нибудь! Слышите меня?

Только статический шум, похожий на дыхание мёртвой планеты. Я перебирала частоты, поворачивала ручку настройки. Каждый раз – то же самое шипение.

– Мы потерпели крушение! – я уже кричала в микрофон, слёзы катились по грязным щекам и капали на устройство, –

Нас атаковали! Люди ранены! Нужна помощь!

Мой родной язык разбивался о стену молчания вселенной. Я была попугаем в клетке, орущим бессмысленные для внешнего мира звуки. Языковой барьер оказался не абстракцией, а физической преградой, прочнее любого корпуса звездолёта. Я чуть не разбила рацию о камень. Но остановила себя. Другой не будет. В том же ящике лежал листок. Я вытащила его из ящика. На нём были странные значки: три точки, три палочки подлиннее, снова три точки. А рядом... схематичный рисунок. Тело видимо одного из существ нэра лежал на земле, а над ним был треугольник в котором был восклицательный знак. И от этого существа шла стрелка прямо к этим значкам. Вот оно. Не память, а чистая, отчаянная логика. Если этот ящик – для экстренных случаев, а в нём лежит рация... значит, эти значки на листке – это то, что нужно передать с помощью рации, чтобы тебя нашли. Это был не язык, это была схема спасения. Я сжала кулаки, заставила дыхание выровняться. Медленно, с чудовищной концентрацией, я начала нажимать и отпускать кнопку передачи, как было на листке. Три быстрых нажатия подряд, потом нажатие долгое, еще два долгих нажатия и снова три быстрых. Повторила. И ещё раз. Монотонный, механический стук в бесконечность. Я не просила, не объясняла. Я просто кричала на единственном языке, который вселенная обязана была понять. Или должны были понять на том конце. И вселенная ответила.

Сквозь помехи, после долгой паузы, пробился голос. Чужой, искажённый дистанцией и помехами, но живой. Мужской, говоривший на том же певучем языке, что Мира и Кира. Я замерла, прижав прибор к уху, пытаюсь уловить хоть знакомую интонацию. Ничего. Только поток незнакомых звуков. Но в самом конце, чётко и ясно, я услышала фразу, которая, казалось, была выделена, произнесена медленнее: – Help is on the way. Seven hours. (Помощь в пути. Семь часов). Хелп...? Он... зе... вей...? Севен... хоурс...? Мой мозг, лишённый понимания, ухватился за эти звуки как за спасительную соломинку. Я не знала, что они значили, но в них была определённости. Это был ответ. Я повторила про себя это сочетание, шепча губами, пытаюсь запомнить звучание: «Хелп он зе вей. Севен хоурс». Связь оборвалась, оставив меня в звенящей тишине леса. Но в груди зажёгся слабый огонёк. Кто-то услышал. Кто-то ответил. И что-то обещал... «Хелп он зе вей. Севен хоурс».

Я спрятала рацию за пазуху и, преодолевая боль, встав, пошла обратно к обломкам. Нужно было искать других. И сказать им... Это... Я обыскивала развалины, переворачивала обломки, звала хриплым голосом. И нашла. В тени оторванного крыла, присыпанную искорёженной обшивкой, лежала Мира. Её лицо было бледным, треугольные уши безвольно опущены, а на лбу зияла глубокая ссадина. Но её грудь слабо поднималась.

– Мира! – я бросилась к ней, начала отгребать мусор, –

Мира, проснись!

Она застонала, её веки дрогнули. Тёмные глаза открылись, сфокусировались на мне с трудом, в них плавала боль и непонимание.

– Babe? (Детка?) – её губы прошептали что-то на нэра. Я не поняла слово, но поняла вопросительную интонацию.

– Жива! Ты жива! – я схватила её холодную руку, прижала к своей щеке, – Слушай, я... я нашла рацию. Я позвала помощь. Они ответили!

Она смотрела на меня, пытаюсь вникнуть. Я понимала, что мои слова для неё – просто шум. Тогда я собралась с духом и, глядя ей прямо в глаза, медленно, по слогам, стараясь точно повторить услышанное, произнесла:

– Хелп он зе вей. Се-вен хоурс.

Я видела, как в её глазах, затуманенных болью, вспыхнула искра осознания. Она попыталась приподняться, схватилась за мою руку.

– Baby... Help... Coming soon... (Детка... Помощь... Скоро будет..) – её голос был слабым, но в нём была надежда. Она поняла. Она узнала в моём корявом повторении слова своего языка.

Я радостно закивала, показывая на небо, на рацию у себя.

– Да! Да!

Но радость сменилась новой волной отчаяния. Я видела, как она пытается что-то сказать мне, её губы шевелятся, формируя слова, которые должны были быть утешением или

инструкцией. Но для меня это был лишь тихий, мелодичный лепет. Я не понимала. Я могла только сидеть рядом, сжимая её руку, и повторять, как мантру, эти три заученных звука, которые, казалось, были нашим единственным общим знанием в этом хаосе. Она что-то прошептала, и в её глазах читалась попытка успокоить, сказать «держись». Потом её веки снова сомкнулись от слабости. Я осталась одна. С огоньком надежды внутри, с тремя магическими словами на устах и с полным непониманием, что делать дальше. Но теперь у меня была цель – продержаться некоторое время пока что-то не произойдет....

Глава вторая – Ядовитый монстр

Одиночество после того, как ушёл спасительный голос из радиации, было особенным. Оно не было пустым. Оно было наполнено долгом. Эти звуки... "Сеვენ хоур" Горели в моём сознании, как единственная свеча в тёмной комнате. Я не могла позволить ей погаснуть. Значит, нужно было работать.

Встав и отряхнув с колен влажный мох я обвела взглядом поле катастрофы. Обломки дымились тише, но запах горячей изоляции и чего-то едкого, химического, всё ещё висел в странном, фиолетовом воздухе. Мира лежала неподвижно, её дыхание было поверхностным, но ровным. Я нашла в другом разбитом ящике что-то вроде ткани и укрыла её. Это было всё, что я могла сделать.

Кира, – подумала я. – Нужно найти Киру.

Мои поиски были похожи на ритуал немого умалишённого. Я заглядывала под каждую панель, переворачивала каждый крупный обломок, неспособная позвать по имени, а лишь издавая бессмысленные для всех, кроме меня, призывные звуки: «Эй! Ты там!» Мой язык разбивался о тишину леса.

Я нашла ещё троих. Двое были без сознания – мужчина с оленьими рогами и девушка с пушистым, как у белки, хвостом. Я оттащила их поближе к Мире, в импровизированный лагерь под уцелевшим крылом. Третий – молодой парень с

заячьими ушами – был в шоке, но на ногах. Он смотрел на меня широкими, невидящими глазами, что-то бормотал на нэра, пока я пыталась жестами показать, чтобы он сидел. Он понял только тогда, когда я мягко, но настойчиво усадила его на землю.

Возвращаясь к лагерю с очередной находкой – разбитой канистрой с водой, – я увидела, что Мира пришла в себя. Она сидела, прислонившись к обшивке, и помогала беличьей девушке пить. Когда наши взгляды встретились, в глазах Миры мелькнуло облегчение, тут же сменившееся профессиональной собранностью. Она кивнула мне, слабо улыбаясь. Она привстала и показала семь пальцев указав пальцем в небо.

Я поняла. Она дала понятный ответ на ту фразу про «се-вен хоурс». Я кивнула принимая ответ.

– Attention everyone! – крикнула она всем в лагере, – Our girl has managed to contact the base. They promised help within seven hours. (Внимание всем! Наша девочка смогла связаться с базой. Обещали прислать помощь через семь часов.)

Потом начался командный пункт. Мира, Кира (которую нашли с глубокой царапиной на плече, но бодрую и болтливую, как всегда) и заячий парень, который, как я поняла, был техником, устроили совещание. Они говорили быстро, показывая в разные стороны леса, на обломки. Я сидела в стороне, наблюдая за этим балетом жестов и незнакомых звуков. Я была посторонней. Полезным, но глухим и немым инструментом.

Наконец, Мира подошла ко мне. Она присела на корточках, чтобы быть на одном уровне со мной, и положила свою тёплую ладонь мне на плечо. Потом ткнула пальцем в мою грудь.

– You, – сказала она медленно, потом показала на землю под нами. – Here. (Ты. Здесь).

Затем она обвела рукой себя, Киру и техника и махнула в сторону леса, за пределы поля обломков.

– We, – жест в сторону леса. – There. (Мы. Там).

Она повторила это несколько раз, её лицо было серьёзным и умоляющим. «Ты, тут. Мы, туда. Поняла?» Я поняла. Меня оставляли на базе. Нячиться с ранеными и ждать. Из-за барьера я была обузой в разведке.

Я хотела протестовать. Хотела показать, что могу помочь. Но как? Я могла лишь безмолвно кивнуть, чувствуя горький привкус бесполезности. Мира улыбнулась, погладила меня по голове (мои уши невольно дёрнулись) и, сказав что-то ободряющее на нэра, ушла вместе с другими.

Они ушли и теперь я была одна в сознании из всего лагеря. Страж, который даже не мог крикнуть предупреждение...

Время тянулось. Я проверяла пульс у раненых, смотрела на треснувший переводчик, как на икону, и прислушивалась к лесу. Именно тогда я и услышала это. Не звук, а тишину. Птицы, стрекотавшие на фиолетовых ветвях, вдруг смолкли.

Я встала, насторожившись. Лес замер.

Из-под фиолетовых папоротников, с сухим, шипящим

шелестом, выползло Оно.

Неправильной формы скорпион будто слепленный из сине-сиреневой глины. Хвост не изгибался дугой, а волочился за ним, и на середине своей длины он разветвлялся на три тонких, судорожно подёргивающихся отростка. На конце каждого – капля яда, густого, пугающе красного цвета, как запекшаяся кровь на фоне неонового тела.

Он остановился, приподняв передние клешни. Множество фасеточных глаз, черных и блестящих, как бусины, уставились не на лагерь, а прямо на меня. Я замерла. Он почувал движение. Почувал того, кто ещё может сопротивляться.

Инстинкт кричал: «Замри!» Но позади лежали беззащитные. Моё тело, прежде чем мозг отдал приказ, уже сделало шаг вперёд, отсекая его путь к лагерю. Я вскинула руки, зашипела, пытаюсь казаться больше. «Уходи!»

Он не ушёл. Он рванулся. Неожиданно быстро для своей грузной формы.

Первый удар пришёлся по ребру. Не клешнёй – концом хвоста, тупым и тяжёлым, как молот. Воздух вырвался из лёгких со стоном. Я отлетела, кувыркнулась по мху. Боль, острая и яркая, пронзила бок. Второй удар я парировала предплечьем – хруст, звон в ушах, но жало пронеслось мимо лица. Я откатилась, пытаюсь встать. Тело слушалось плохо, ноги заплетались. А он уже был над мной. Один из трёх жал взметнулся вверх, готовясь к тычку.

Я рванулась в сторону. Жало вонзилось в землю там, где

была моя голова. Но второй отросток хвоста, гибкий как хлыст, обвил мою лодыжку и дёрнул. Рухнув на спину я перекатилась избежав очередного удара. Третье жало просвистело в воздухе, целясь в горло. Мне посчастливилось прикрыться рукой. Но счастье ли было...

Острая, жгучая боль вспыхнула в ладони. Не просто укол – как будто в вену влили раскалённый металл. Я вскрикнула, отдернула руку. На коже зияла маленькая, почти аккуратная дырочка, из которой уже сочилась не кровь, а что-то тёмное и вязкое. Яд.

В глазах поплыли тёмные пятна. Скорпион, удовлетворённый, медленно подтягивал меня к себе клешнями. Я брыкалась свободной ногой, целясь в фасеточные глаза, но попала только в твёрдый хитин.

И тут с края поляны раздался резкий, знакомый голос. Крик на нэра. Щелчок, и что-то просвистело в воздухе.

Скорпион дёрнулся. В одном из его чёрных глаз торчала короткая, грубая стрела, собранная, кажется, из обломка прута и заточенного куска пластика. Это была Кира. Одна. С самодельным арбалетом в дрожащих руках, лицо искажено гримасой ужаса и ярости.

Монстр взревел – звук, похожий на скрежет камней. Он развернулся, забыв про меня, и бросился на новую угрозу. Кира отпрыгнула, перезаряжая примитивное оружие.

Это был мой шанс. Я попыталась подняться, чтобы отвлечь его, помочь... И в этот момент Кира, отступая, спо-

ткнулась. Её палец дёрнулся на спуске. Вторая стрела, выпущенная почти в упор, со свистом прочертила воздух...

И вонзилась мне в бок, чуть выше таза.

Сначала был только шок. Тупая, давящая сила удара. Потом – новая волна жжения, в десять раз сильнее первой. Не два отдельных яда – яд скорпиона и что-то ещё, примитивный токсин с наконечника стрелы, – смешались в крови в гремучую, адскую смесь.

Я посмотрела вниз. Из раны не хлестала кровь. Сочилась густая, фиолетово-чёрная жидкость. Мир вокруг начал терять чёткость, цвета сползали в серую муть. Я увидела, как Кира, с ужасом осознав, что натворила, бросила арбалет и закричала что-то, бросаясь ко мне. Увидела, как скорпион, дезориентированный, зашипел и пополз обратно в чашу, утаскивая стрелу в своём глазу.

Последнее, что я почувствовала, прежде чем тьма накрыла с головой, – это её тёплые руки, хватающие меня за плечи, и отчаянный, бессмысленный для меня поток слов.

Сознание вернулось не вспышкой, а медленным, тягучим всплытием со дна тёмного океана. Сначала – снова боль. Глухая, разлитая по всему телу, будто меня переехал каток. Потом – тяжесть. Невыносимая тяжесть в каждой конечности. Я попыталась открыть глаза. Веки просто не хотели открываться.

Когда мне это удалось, свет ударил по сетчатке ярким, болезненным молоком. Я лежала в лагере. Надо мной натянули

кусок брезента. Рядом тихо стонала беличья девушка.

Я попыталась приподнять голову. Мышцы шеи ответили с задержкой в секунду, будто по ним прошла волна ржавчины. Движение было неестественно медленным, заторможенным. Я устала на свою руку, лежащую на мху.

Рука была... другой. Кожа на ней, обычно бледная, теперь была испещрена разводами странного, фиолетового оттенка. Не синяками. Скорее, как мраморные прожилки или лишайник, медленно расползающийся от запястья к локтю. Я медленно, с огромным усилием, повернула ладонь. На том месте, куда попало жало, был струп цвета влажного пепла. Вокруг него фиолетовые узоры были ярче, почти чернильными.

Мысли в голове плыли медленно, вязко, цепляясь за обрывки. Яд. Изменение. Плохо.

С невероятным трудом я перекатилась на бок. Каждое движение требовало титанических усилий и происходило в замедленной съёмке. Мои шесть хвостов, обычно живые и непослушные, лежали за спиной как мокрые, тяжелые канаты. Я попыталась пошевелить одним. Он дрогнул, поднялся на несколько сантиметров и бессильно шлёпнулся обратно.

«Кира...» – мысль сформировалась с трудом. Где она? Я попыталась позвать. Из горла вырвался лишь хриплый, булькающий звук. Язык во рту был ватным и неповоротливым.

Я услышала шаги. Тяжёлые, быстрые. Не Киры. Из-за обломков появилась Мира. Её лицо было бледным от усталости, но увидев мои открытые глаза, оно исказилось смесью

облегчения и нового ужаса. Она что-то быстро сказала, опустилась рядом, её руки потянулись ко мне, но замерли в сантиметре от фиолетовой кожи. Она боялась прикоснуться. Боялась заразы.

Она что-то сказала снова, голос звучал настойчиво, тыча пальцем в мою рану, потом в небо. Я не понимала слов. Но смысл, сквозь туман, был ясен: «Держись. Должны помочь.»

Я могла только медленно, с задержкой, моргнуть. После переката силы полностью пропали и даже кивок был не под силу.

Время тянулось медленно, больно, непонятно. Я лежала и наблюдала, как фиолетовые узоры на коже рук пульсируют в такт замедленному сердцебиению. Иногда в поле зрения проплывала Кира – её лицо было мокрым от слёз, она что-то бормотала, не решаясь подойти ближе, вина себя. Я хотела сказать, что это не её вина. Но даже мысль не могла оформиться в слова.

Потом послышался новый звук. На этот раз – со стороны. Не из леса. Сверху. Низкий, нарастающий гул. Жёсткий, механический. Гул атмосферных двигателей.

Мира вскочила, закричала что-то другим. В лагере зашевелились. Техник с заячьими ушами попытался встать, опираясь на обломок.

Я из последних сил повернула голову, преодолевая сопротивление одеревеневших мышц. Сквозь дыру в пологе из фиолетовых листьев я увидела небо. И на фоне лавандо-

вой дымки застыли, медленно снижаясь, три угловатых, серых силуэта. Не корабли-сигары. Бронированные каплевидные челноки с горящими посадочными огнями. На боку одного угадывалась эмблема – что-то вроде сжатой перчатки вокруг планеты.

Спасение. Эвакуационная команда с базы. Они пришли... Пришли за выжившими...

Они пришли за мной. Но теперь я была не просто девочкой без памяти. Я была заражённой, медленной, меняющейся аномалией. И я видела, как в первом челноке открылся люк, и из него вышли фигуры в полных гермошлемах и защитных костюмах, с развёрнутыми вперёд сканерами и оружием наготове. Их взоры сразу же, безошибочно, нашли меня.

Гул двигателей сменился ровным воем, заглушая всё. Последнее, что я увидела перед тем, как тяжёлые ботинки застучали по камням, направляясь ко мне быстрым, профессиональным шагом, – это взгляд Миры. Не радость. Не облегчение. Глубокую, леденящую жалость. И страх, от того, что могут сделать с нами всеми.

Глава третья – Фиолетовые узоры

Гул челноков превратился в оглушающий рёв, вырывая с корнем фиолетовые папоротники струёй выхлопов. Я лежала неподвижной куклой, наблюдая, как мир сузился до щели под брезентом. В щель вламывались жёсткие, быстрые тени в защитных костюмах цвета пыльной стали. Их движения были отточенными, без суеты, как у хищников, знающих, что добыча уже не убежит.

Они прошли мимо меня. Сначала – к Мире, Кире, другим. Короткие, резкие команды на нэра, которые моя затуманенная голова не могла расшифровать. Я видела, как Мира что-то горячо говорила, указывая на меня, но её мягкий голос тонул в уле движков. Один из солдат грубо прервал её, тыкнув пальцем сканера ей в грудь. Последовал резкий, зелёный луч. «Чист». Её увели к одному из челноков, не дав оглянуться.

То же самое проделали с Кирой, с техником, с беличьей девушкой, которую понесли на носилках. Их обрабатывали, сканировали и загружали как груз, чётко и без эмоций.

Потом пришла моя очередь.

Двое подошли ко мне. Сквозь забрала их шлемов я видела не лица, а искажённые стеклом очертания глаз – холодных и оценивающих. Они не стали наклоняться. Один навёл на меня устройство, похожее на пистолет. Из него ударил пур-

пурный луч. Он скользнул по моим фиолетовым рукам, задержался на ране, где торчала стрела, потом пополз выше – по шее, лицу. Устройство издало пронзительный, неумолчный визг. Солдаты переглянулись.

Второй достал из сумки не бинты, не лекарство. Он достал массивный, прозрачный мешок из плотного полимера, похожий на саван. Они накинули его на меня с головой. Материал был липким и пах озоном. Он прилип к коже везде, где касался. Меня, даже не попытавшись вытащить стрелу (она лишь болезненно качнулась внутри раны), грубо перекатали на раскладные носилки и защелкнули ремни. Мир снаружи стал мутным, как будто я смотрела сквозь толстый слой льда.

Меня понесли. Я видела через полимер перевёрнутый лес, серое небо, а потом – металлический потолок челнока. Рядом, за тонкой перегородкой, слышались приглушённые голоса – плачущая Кира, успокаивающая её Мира. Они были здесь, в нескольких метрах. Но они могли говорить, двигаться. Я лежала в своём коконе, как образец опасной биомассы.

Пол подо мной дрогнул, челнок оторвался от земли с таким перегрузом, что стрела в боку впилась глубже. Я застонала, но звук застрял в горле и потерялся в реве двигателей.

Путь был недолог. Новый толчок – посадка. Шум сменился на гулкую, металлическую тишину ангара. Мои носилки сняли и понесли дальше – по бесконечным, ярко освещённым коридорам, где стены и пол были вымыты до стерильного блеска. Запах сменился на едкий, знакомый хлор. Запах

страха и чистоты.

В конце коридора – шлюз. Он открылся с тихим шипением, впуская нас в помещение, похожее на операционную, но пустую. В центре стояла она.

Колба-клетка.

Цилиндр из толстого, абсолютно прозрачного стекла или пластика, высотой метра так в три. Внутри – только плоская плита-лежак, прикованная к полу, и несколько отверстий в стенках. Сверху купол, усеянный камерами, сенсорами и щупальцами манипуляторов. Это была не комната. Это был аквариум для наблюдения.

Меня внесли внутрь, прежде чем я успела что-то понять. Полимерный мешок рассекли по шву специальным лучом. Холодный воздух лаборатории ударил по коже. Руки в защитных костюмах уложили меня на лежак, защёлкнули манжеты на запястьях и лодыжках – не туго, но не оставляя шанса высвободиться. Потом они так же быстро ретировались. Шлюз за ними закрылся.

Наступила глубокая тишина. Не лесная, живая тишина. Абсолютная, лабораторная тишина, нарушаемая лишь слабым гудением вентиляции и едва слышным жужжанием камер. Я лежала, прикованная, и смотрела сквозь прозрачную стену. В соседнем помещении, за ещё одним стеклом, но без решёток и манжет, находились Мира и Кира. Их «изолятор» напоминал чистую, белую гостиничную комнату с двумя койками, столом и дверью в санузел.

Их лица были прижаты к стеклу. Кира плакала, беззвучно стуча ладонью по прозрачной преграде. Мира стояла с каменным лицом, но её уши были прижаты к голове, а хвост неподвижно висел – знаки предельного стресса. Она что-то говорила, но звук не проходил. Только беззвучное движение губ на непонятном языке.

Потом в их комнату вошли двое в халатах. Один из них – Элэй, тот самый супервайзер. Его лицо было непроницаемым. Он говорил что-то быстро и резко, указывая пальцем то на них, то на мою колбу. Мира попыталась возражать, но Элэй отрезающе поднял руку. Приказ был ясен: Сидеть. Молчать. Не вмешиваться.

Они были в карантине. До тех пор, пока не подтвердят, что не заражены моим... состоянием. А я была в тюрьме. В экспонате.

Через некоторое время в мою колбу через один из шлюзов вкатился манипулятор. Безликая металлическая рука с иглой. Она без предупреждения вонзилась мне в незаражённую часть предплечья, забрала образец крови – тёмной, с фиолетовыми прожилками – и скрылась. Я даже вскрикнуть не успела. Потом зажглись яркие лампы, и по моему телу прошли лучами сканеров. Жужжание, щелчки.

За стеклом, в соседней комнате, Кира закрыла лицо руками. Мира обняла её за плечи, но её взгляд не отрывался от меня. В нём была не только жалость. Было понимание. Понимание того, что теперь я не просто загадка. Я – угроза.

Объект исследования номер один.

Фиолетовые узоры на моей коже, под ярким светом, казалось, пульсировали немного ярче. Яд скорпиона и что-то ещё, смешавшись, делали со мной что-то непонятное. Тело всё ещё было тяжёлым, мысли – вязкими. Но теперь, в этой стерильной тишине, сквозь туман пробивалось новое чувство. Не страх. Не отчаяние.

Одиночество.

Абсолютное, кричащее одиночество существа, запертого между двумя мирами. Миром, который её не понимал и боялся, и миром, о котором она ничего не помнила, но который, возможно, ждал.

Я перевела глаза от взгляда Миры и уставилась в белый потолок своей стеклянной клетки. Гул вентиляции звучал, как дыхание огромного, равнодушного зверя. Я была его пленницей. И первым испытанием на пути к ответам.

Тиканье невидимых механизмов отбивало секунды в моей стеклянной тюрьме. Боль от стрелы была тупой, постоянной пульсацией, смешанной с жжением яда. Фиолетовые узоры казались живыми, медленно ползущими под кожей.

Внезапно шлюз в колбе снова открылся. Вошли не люди, а три манипулятора на гибких ногах как у паука. Их движения были отточенными, безжалостными. Один зафиксировал моё бедро стальными захватами. Второй с хирургической точностью обхватил древко стрелы. Я зажмурилась, стиснула зубы. Стрелу выдернули одним резким движением

и на пол хлынула струя темной крови. Боль вспыхнула белым огнём. Я вскрикнула, тело напряглось, но захваты держали намертво. Третий манипулятор уже нёс к месту раны накопечник, испускающий синий лазерный луч для коагуляции. Жжение сменилось леденящим холодом. Потом тот же манипулятор развернулся и приставил к моей шее распылитель. Я успела увидеть в зеркальном отражении стекла своё искажённое лицо и крошечную красную лампочку на устройстве, прежде чем в шею ударила острая, холодная волна снотворного.

Тьма нахлынула мгновенно, густая и беспросветная, как вода в глубокой шахте... Сознание вернулось не постепенно, а будто кто-то щёлкнул выключателем. Я открыла глаза. Белый потолок. Гул вентиляции.

Но что-то было... иначе.

Прежде всего – отсутствие боли. Совершенное. Я лежала, и ни одна мышца не ныла, ни одна рана не пульсировала. Я чувствовала себя... отдохнувшей. Не просто выздоровевшей после отравления. Сильной. Будто каждое волокно в теле было натянуто с идеальным, упругим тонусом. Я попробовала пошевелить пальцами. Движение было молниеносным, точным. Я медленно повернула голову к застеклённой стене. Там, в соседнем боксе, на койке сидела Кира, уставившись в пустоту. Мира стояла у стекла, скрестив руки. Они выглядели уставшими, измотанными ночью в карантине. А я... Я подняла руку. Кожа на ней не вернулась к прежнему цвету.

Наоборот. Фиолетовые узоры стали ярче, насыщеннее, будто чернила впитались глубже. Они поднимались от запястья к локтю, далее переходя на лицо сложными, почти симметричными завитками. И они были не только на теле. Я нащупала ухо – привычный уже кончик треугольного уха был теперь окрашен в тот же глубокий, переливающийся фиолетовый цвет. Я попыталась оглядеть свои хвосты – такое же окрашивание проступило на кончиках, как будто их окунули в краску. Я выглядела чужой. Но чувствовала себя... потрясающе. Острее, быстрее, яснее.

И тут в голове, не как текст перед глазами, а как тихий, механический голос прямо в сознании, прозвучало:

>Отчёт о состоянии...

>Физические системы: Оптимизированы. Токсины нейтрализованы/ассимилированы.

>Побочный эффект – пигментация и (возможно) повышенная нейронная проводимость.

>Лингвистический анализ завершён.

>Языковая матрица «Нэра» декодирована.

>Установлен модуль перевода языка в реальном времени.

Я замерла. Что?

Прямо в поле зрения, как полупрозрачный интерфейс, всплыли строки. Текст, который я видела на переводчике, на приборной панели, который слышала из уст Миры и Киры. И рядом с каждой фразой... её значение. Не перевод на мой родной, а чистый смысл, вложенный прямо в сознание. Это

было похоже на то, как понимаешь язык в самом детстве – не через словарь, а интуитивно, по контексту и сути.

Я сфокусировалась на Мире за стеклом. Она что-то сказала Кире, не отрывая взгляда от моей камеры.

И в моей голове её слова тут же обрели значение:

– Кира, смотри, она проснулась. Что-то там осматривает.

– У нее эти фиолетовые штуки ярче вроде стали, может удивляется.

– Не знаю.

Тут же стало не хватать воздуха от восторга. Я поняла! Я понимаю о чем они говорят! Я сглотнула, пытаюсь собраться с мыслями. Что я хочу сказать? Я хочу... объяснить. Спросить, что происходит.

Я сформулировала фразу на своём, мысленном языке: «Все в порядке. Мне не больно».

Внутри головы система переработала мою мысль. И на языке нэра в сознании всплыли нужные слова, их звучание, даже примерная транскрипция. Это было похоже на суфлёра в голове.

Я открыла рот. Голос звучал хрипло от долгого молчания и непривычно – я произносила странные, певучие звуки, коверкая их, как ребёнок, учащийся говорить.

– Йа... не боль... но... Я... в... порядке, – выдавила я, глядя прямо на Миру.

Эффект был как от разорвавшейся бомбы. Кира вскочила с койки, как ужаленная. Мира выпрямилась, её глаза рас-

ширились до предела, уши встали торчком. Она прижала ладонь к стеклу.

– Ты... говоришь? Ты понимаешь? – её голос донёлся до меня через динамик, и одновременно смысл всплыл в моей голове.

Я кивнула, снова пытаюсь собрать слова. Система подсказывала, но мои речевые органы отказывались подчиняться идеально.

– Понимать... Понимаю... Немного. Говорить... плохо получаться... Получается... Система меня... мне помогает. – я указала пальцем на свой висок.

Мира перевела взгляд с меня на появившегося в их боксе Элэя. На его лице застыла маска ледяного изумления, быстро сменившаяся жёсткой аналитической оценкой. Он что-то быстро сказал в браслет на запястье.

Через минуту в мою колбу через аудиоканал прозвучал его голос, холодный и чёткий:

– Повтори. Как ты это делаешь? Что ещё за система?

Я закрыла глаза, собираясь с мыслями. Я не могла объяснить про яд, про загрузку. Это было слишком сложно. Я выбрала простую версию, которую система тут же переложила в корявые, но понятные слова нэра:

– В голова... голове... после яда... проснулось. Переводчик. Слышу ваши слова... понимаю смысл. Говор... ить... учусь.

В соседнем боксе воцарилась тишина. Даже Кира переста-

ла плакать, уставившись на меня с открытым ртом. Я была для них уже не просто аномалией. Я была аномалией, которая неожиданно заговорила. И это пугало их ещё больше, но в этом страхе теперь читался отблеск надежды. Или, что более вероятно, расчётливого интереса.

Я лежала в своей стеклянной клетке, покрытая узорами чужой биологии, и смотрела на них. Теперь между нами не было стены полного непонимания. Была лишь стена стекла и моя неуклюжая, робкая речь, подаренная ядом скорпиона и загадочной Системой. Диалог начался. И я с ужасом и любопытством думала, о чём же мы будем говорить.

Я сказала свои корявые слова – и мир за стеклом изменился. Испуг и жалость в глазах Миры и Киры не исчезли, но к ним примешалась новая, острая любопытность, как к говорящей игрушке, которая внезапно заявила, что знает секрет мироздания. Элэй же смотрел на меня так, будто я была сложной, но многообещающей поломкой в дорогом приборе.

Через час шлюз в мою колбу открылся, и вошёл не манипулятор, а человек. Точнее, один из них – высокий, с лисьими ушами и пушистым хвостом, в белом халате поверх защитного костюма. Он держал в руках планшет. Его лицо было внимательным, но без капли тепла.

– Меня зовут доктор Рен. Ты говоришь. Это прогресс. Ты понимаешь меня сейчас? – спросил он медленно, отчётливо.

В моей голове тут же всплыл перевод, чистый и ясный. Система работала. Я кивнула.

– Понимаю, – выдавила я, стараясь повторить звуки, которые подсказывало сознание. Получилось чуть лучше. Рен сделал пометку на планшете.

– Отлично. Теперь скажи: что ты видишь прямо сейчас? Кроме нас. Опиши.

Я нахмурилась. Что он имел в виду? Лабораторию? Колбу? Я посмотрела на него, и в поле зрения, поверх его реального лица, всплыли полупрозрачные строки, оформленные как чёткая информационная панель:

Имя: Рен

Раса: Лима (лисы)

Возраст: 31

Корпорация: Ученые Терры

Уровень: 42

Путь славы: 500/10000

Спутник: Отсутствует

Статус: В сети

Сердце ёкнуло. Вот оно что... Интерфейс...

– Я вижу... цифры. Возле... Ты... тебя, – честно сказала я. – Уровень... сорок два. Учёный... Терра... Терры?

Рен замер. Его пальцы застыли над экраном. В его глазах промелькнуло нечто, очень похожее на торжество.

– Хорошо. Очень хорошо. А теперь посмотри на Миру. Что ты видишь?

Я перевела взгляд. Над головой Миры, прильнувшей к стеклу, всплыла её панель, такая же чёткая и безэмоциональ-

ная:

Имя: Мира

Раса: Фелин (Дикий кот)

Возраст: 29 лет

Корпорация: Кризисный ответ (CR)

Уровень: 31

Путь славы: 4780/10000

Спутник: Нет

Статус: В сети

Я озвучила то, что смогла, запинаясь на непривычных терминах:

– Мира. Тридцать один уровень. Корпорация... Кризисный ответ.

Затем я посмотрела на Киру. Её панель была ярче, с более броским шрифтом:

Имя: Кира

Раса: Вулпин (Лисы)

Возраст: 24 года

Корпорация: Кризисный ответ (CR)

Уровень: 28

Путь славы: 3100/10000

Спутник: отсутствует

Статус: В сети

Я сообщила и это:

– Кира. Двадцать восемь. Лиса. Слава... 3... 1... 0... 0...

Лаборатория замерла в тишине, нарушаемой только гуде-

нием систем. Потом Рен снова заговорил, и его голос звучал уже иначе – быстрее, с оттенком почти фанатичного интереса.

– Ты видишь полные профили. Не просто уровни – расу, корпорацию, статус. Ты воспринимаешь мир через абсолютную игровую логику.

– И... игра?

Он подошёл ближе к стеклу, его глаза сверкали.

– Слушай внимательно. То, что ты видишь – это не галлюцинация. Это интерфейс «Алла Терры». Мы все здесь – игроки. Тебе в ситуации отсутствия имени, мы присваиваем позывной «Ноль».

В этот момент мой собственный взгляд скользнул вниз, на отражение в стекле. И там, наложенное на моё бледное, испещрённое фиолетовыми узорами лицо, я увидела свою панель. Ту, которую никогда раньше не замечала. Она была пустой, будто стёртой, с единственной мигающей строкой в поле «Имя»:

Имя: «Ноль»

Раса: ...

Возраст: ...

Корпорация: ...

Уровень: ...

Путь славы: .../10000

Спутник: ...

Статус: В сети.

Системные данные: ОШИБКА. ПРОФИЛЬ НЕ НАЙДЕН.

Я прочла это вслух, коряво, по слогам, переводя с родного на нэра. – Профиль... не найден.

Рен кивнул, и его выражение стало почти что благодарным, будто я подтвердила его любимую теорию.

– Вот именно, – прозвучал голос Рена, и в нём слышалось леденящее удовлетворение, – Твой профиль не найден в базе данных «Алла Терры». Ты не игрок. Ты – аномалия. Позывной «Ноль» – это не имя. Это диагноз.

Он отступил на шаг, его лисьи уши нервно подрагивали.

– У каждого из нас, – он кивнул на Миру и Киру, – есть физическое тело в реальном мире. Оно лежит в нейрокапсуле, а наше сознание здесь. У нас есть кнопка выхода. У тебя её нет. Ты не вошла в игру стандартным путём. Ты... возникла. Из... Ниоткуда.

Слова висли в стерильном воздухе колбы, тяжелые и неоспоримые. – Возникла. Как вирус в коде. Как погода в симуляции. Это даёт нам две рабочих гипотезы, – продолжил Рен, отстукивая что-то на планшете. – Первая: ты – сложный, самоосознающий себя баг мира. Редчайший и опасный. В таком случае тебя должны стереть патчем или изолировать до прибытия команды модераторов из... внешнего мира. Но связаться с ними может только администратор, вышедший из игры. Это долго и... бюрократично.

Я смотрела на него, не двигаясь. Мысль о «стирании» прозвучала так же буднично, как «протереть пыль».

– Вторая гипотеза, – его голос понизился, стал заговорщи-
ческим. – Ты – нечто иное. Не игрок, не баг и даже не НПС.
У неигровых персонажей – нет интерфейса. А у тебя он есть.
Значит, ты не НПС. Но если ты не вошла через капсулу...
где тогда твоё настоящее тело?

Этот вопрос, заданный не мне, а скорее, лаборатории и
вселенной, повис в тишине. Он бил в самую суть моего ужа-
са. Где моё тело? Сплю ли я в какой-то капсуле, не помня
об этом? Или... его вообще нет? Я – только этот набор дан-
ных, этот призрак в системе, который ошибочно считает се-
бя живым?

– Давай проведём тест, – резко сказал Рен. – Мы попро-
буем принудительный вывод. Если ты жива – система может
выкинуть тебя. Если ты... что-то ещё – то вряд-ли она даже
увидит тебя.

Он поднял планшет. В моём поле зрения, поверх его фи-
гуры, начало складываться новое окно. Не панель профи-
ля. Что-то официальное, с гербом корпорации «Алла Терра»
в виде планеты с крылышками.

[АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОТОКОЛ]

[ЦЕЛЬ: НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННЫЙ ОБЪЕКТ
«НОЛЬ»]

[ИНИЦИИРОВАН ПРОТОКОЛ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО
ВЫВОДА]

[ПОДТВЕРДИТЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ ОТ СЕРВЕРА?]

[ПОДТВЕРДИТЬ? – ОТМЕНИТЬ?]

Кнопка «ПОДТВЕРДИТЬ» пульсировала мягким красным светом. Не зелёным, как у них. Красным. Аварийным.

– Концентрируйся на кнопке подтверждения, – приказал Рен. – Попробуй нажать.

Я вдохнула. Вся моя воля, всё отчаяние, вся тоска по чему-то, что могло быть «настоящим», сфокусировались на этом красном прямоугольнике. Нажмись. Выбрось меня. Разбуди. Пусть это закончится.

Я нажала. И... Ничего. Абсолютно ничего. Окно просто висело в воздухе, немое и безразличное. Через десять секунд оно мигнуло и исчезло.

[ПРОТОКОЛ ПРЕРВАН]

[ОБЪЕКТ «НОЛЬ» НЕ ОБНАРУЖЕН В СИСТЕМЕ. ЛОГИСТИЧЕСКАЯ ОШИБКА]

[РЕКОМЕНДАЦИЯ: ОБРАТИТЬСЯ В СЛУЖБУ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ]

Рен выдохнул. Не разочарованно, а с видом человека, получившего важные, хотя и отрицательные данные.

– Интересно. Ты не просто не зарегистрирована. Тебя просто нет в системе... Как такое возможно?

Он посмотрел на меня. Теперь в его взгляде читалось нечто новое: не страх перед багом, а холодный, научный интерес к уникальному феномену.

– Это исключает простой баг. И оставляет нам загадку. Кто ты, Ноль? И если ты не можешь выйти... значит ли это, что для тебя здесь – единственная реальность? Или где-то

там, снаружи, существует тело, навсегда застрявшее в коже, потому что его сознание заперто здесь, без ключа?

Он повернулся, чтобы уйти, но бросил через плечо последнюю фразу, которая врезалась в меня острее любого скальпеля:

– Подумай об этом, если захочешь «вернуться». Что, если тебе некуда возвращаться? Что если твоя капсула пуста, а твой разум – просто случайный узор в памяти сервера? Тогда твой поиск выхода – это поиск самоубийства.

Шлюз закрылся за ним. Я осталась одна. Не Ноль. А вопрос, запертый в стеклянной клетке. Вопрос без ответа и, возможно, без смысла.

Фиолетовые узоры на моей коже мерцали в такт тихому гудению систем, будто вторичный, непонятный код поверх основного. Код, который, возможно, и был мной. И который не имел кнопки «стоп»...

Глава четвёртая – Легализация

Время в стеклянной колбе тянулось иначе. Оно измерялось не часами, а циклами: приход Рена с его холодными вопросами, визит манипулятора для забора проб, и бесконечные часы, когда я смотрела на свой пустой профиль в отражении.

[Имя: Ноль]

[Статус: В сети.]

[Системные данные: ОШИБКА. ПРОФИЛЬ НЕ НАЙДЕН.]

Эти строки стали моей мантрой, моей клеймом. «Ноль». Ничто. Ошибка. Но с каждым днём чувство, что я – не просто баг, росло. Я чувствовала. Страдала. Хотела жить. Баги так не умеют.

Фиолетовые узоры, вопреки страхам Рена, не расплзались дальше. Они застыли в причудливых, симметричных завитках на руках, кончиках ушей и хвостов, как татуировки или... геральдические знаки. Они не болели. Не чесались. Они просто были частью меня. Новой, странной, но частью. И я решила, что с меня хватит.

Следующий раз, когда Рен вошёл с планшетом, я не стала ждать его вопросов. Система в голове, теперь отточенная, мгновенно перевела мою мысль в корявую, но ясную речь на нэра:

– Доктор. Я не заразна.

Он поднял бровь. – Пробы ещё в работе. Цвет – мутация неизвестного геноза. Нужна изоляция.

– Цвет – просто цвет, – я с силой стукнула ладонью по прозрачной стене. Звук был глухим, но внушительным. – Он не меняется. Не передаётся. Посмотрите на своих! – Я ткнула пальцем в окно, где за стеклом в своём боксе мирно играли в карты двое других выживших – таких же ушастых и хвостатых. – Они со мной контактировали. Они здоровы. Ваши сканеры показывают «чисто». Это просто пигмент! Как... как цвет волос!

Рен задумался, его палец замер над экраном. Логика была неоспорима. Карантин длился уже две недели. Никаких симптомов у контактировавших, кроме психологического шока, не было. А его образцы, хоть и аномальные, не показывали патогенной активности.

– Твоя настойчивость... интересна, – промолвил он. – Но протоколы...

– Протоколы для игроков! – выпалила я, и в моём голосе впервые зазвучала не робость, а гнев. – Для тех, у кого есть выход! У меня его нет! Значит, ваши протоколы ко мне не подходят! Вы либо стираете меня, как баг, либо перестаёте держать в банке!

Молчание. Рен что-то быстро написал. Потом взглянул на меня оценивающе.

– Твоё существование создаёт правовой вакуум. Ты не иг-

рок, не НПС, не баг в привычном смысле. Ты – инцидент. А инциденты такого уровня... – он сделал паузу, – решает не лаборатория. Решает Центр. Ядро.

Ядро. Слово прозвучало как удар грома. Даже сквозь стекло я видела, как Мира и Кира встрепенулись, услышав его.

– Тебя вызовут на орбитальную станцию «Ядро». Резиденцию Императора и Верховный Совет «Алла Терры». Они решат, что с тобой делать. Готовься к транспортировке.

Транспортировка оказалась не похожей на полёт на челноке. Меня поместили в капсулу, похожую на саркофаг из белого пластика, но внутри было мягко и тихо. Ни окон, ни звуков. Только лёгкая вибрация и чувство невесомости, сменившееся через время ощущением искусственной гравитации.

Когда капсула открылась, я зажмурилась от яркого света. Я стояла не в ангаре, а в небольшой, круглой комнате с панорамным окном во всю стену. За окном парила Терра – не просто планета, а сияющий голубой мрамор, опоясанный серебристыми кольцами орбитальных станций и мерцающим роем кораблей. А над ней, перекрывая полнеба, висело Ядро. Не просто станция. Это был целый искусственный мир-спутник, город из полированного черного металла и сияющего стекла, пронизанный трассами транспорта и увенчанный шпилями, уходящими в темноту космоса.

Передо мной стояли двое: мужчина и женщина в строгих, темно-серых мундирах с эмблемой – сжатый кулак, сжима-

ющий молнию. У них не было видимых ушей или хвостов, но в их профилях светилось:

[Раса: Модифицированный человек.

Корпорация: Императорская гвардия.]

– Объект «Ноль», – сказала женщина, её голос был чист и без эмоций, как у Системы. – Следуй.

Меня провели по бесшумным коридорам, мимо огромных витражей с видами миров, мимо статуй легендарных героев игры. Всюду мелькали профили игроков невероятных уровней, с титулами и гильдиями, о которых я не слышала. Воздух гудел от тихой, деловой мощи.

Наконец мы вошли в зал. Он был не огромным тронным залом, а скорее, стратегической картой. В центре парила голограмма сектора пространства. А у окна, спиной к виду на Терру, стояла фигура.

Не в роскошных одеяниях, а в простом, черном камзоле. Когда он обернулся, я не увидела нимба или сияния. Я увидела профиль:

Имя: Кайден

Титул: Император (Сервер «Алла Терра»)

Уровень: Скрыто

Статус: В сети

Его лицо было резким, с седыми висками, а глаза – двумя кусками льда, в которых отражались целые галактики. Он смерил меня взглядом, и в этот миг я почувствовала себя не аномалией, а... пешкой на гигантской шахматной доске.

– «Ноль», – произнёс он. Голос был тихим, но он заполнил собой весь зал. – Ошибка без профиля. Угроза стабильности... или инструмент.

Он сделал шаг ко мне, его взгляд скользнул по моим фиолетовым узорам.

– Твоя уникальность доказана. Ты не можешь выйти. Значит, твоё место – здесь. Но здесь нет места «нулям». Здесь есть место солдатам, капитанам, героям. Или трупам.

Он махнул рукой. На столе передо мной возник голографический интерфейс. Форма регистрации.

– Ты получишь личность. И первую миссию. согласишься – станешь частью системы. Откажешься... – он не договорил, но смысл был ясен. Меня стирали быстрее, чем Рен успел бы моргнуть.

Я посмотрела на форму. Поля заполнялись сами, данные всплывали из какого-то глубинного запроса Системы, будто она, наконец, нашла для меня ячейку:

Имя: Аои

Фамилия: Аосаги

Раса: Тери-кума (волки и шестихвосты)

Возраст: 19

Корпорация: Императорская гвардия

Фракция: Первый ударный флот

Уровень: 1

Путь славы: 0/10000

Спутник: Отсутствует

Статус: В сети

Имя. У меня появилось имя. Аои. И фамилия. Раса, объясняющая мои уши и шесть хвостов. Возраст. Я стала легитимной. Пусть и на бумаге. На их бумаге.

Император следил за мной.

– «Аои Аосаги», – произнёс он, пробуя звучание. – Теперь ты существуешь. А раз существуешь – служишь. Первому ударному флоту Империи нужен новый капитан на крейсере «Громыха». Предыдущий... не справляется.

Он подошёл вплотную, и его ледяной взгляд впился в меня.

– Твой приказ, капитан Аосаги: Вооружиться. Обучиться командованию флотом. Прибыть на «Громыху». Отстранить прежнего капитана. Занять его место. Флот готовится к операции против кристаллидов. Ты будешь его остриём.

Он отступил, давая осознать масштаб безумия. Мне, уровню 1, существу, которое две недели назад не знало своего имени, приказывали захватить командование боевым крейсером.

– Почему я? – выдохнула я, и мой голос, теперь легитимный «Аои», звучал хрипло.

– Потому что ты – чистая переменная, – ответил Император. – У тебя нет прошлого, которое можно бы скомпрометировать. Нет связей. Нет страха потерять выход – потому что его у тебя нет. Ты идеальный, абсолютно преданный игрок, привязанный к игре навсегда. Или идеальная пушечная

начинка. Докажи, что ты первое.

Он повернулся к окну, к виду на бесконечный флот, сверкающий на орбите.

– Документы активны. Гвардия проводит тебя в доки. Удачи, капитан. И помни: в этой игре есть только два статуса. «В сети»... и «Удалён навсегда».

Меня снова повели. Но теперь я шла не как объект «Ноль». Я шла как Аои Аосаги, пераого уровня, капитан (номинальный) Первого ударного флота.

Игра, из которой нельзя выйти, только что повысила мне ставки. До уровня жизни или вечного удаления.

Слово «доки» не передавало масштаба. Это был целый город в городе, висящий на внутренней поверхности кольца «Ядра». Здесь царил лязг, гул и запах озона от сварки. Корабли, от крошечных истребителей-стрекоз до колоссальных линкоров, похожих на спящих китов из титана и керамики, стояли в эллингах, опутанные паутиной лесов и светящихся диагностических лучей. Воздух вибрировал от бесчисленных голосов и грохота машин.

Мои проводники из Гвардии привели меня к небольшому, но грозного вида комплексу на отшибе. Над входом светила вывеска: «Арсенал: Кадеты и Спецназначения». Внутри царил стерильный, методичный хаос. Автоматические стойки с оружием, симуляторы тактики, голографические манекены для ближнего боя.

Моим «наставником» стал не человек, а программа. Го-

лосовой интерфейс с именем «Инструктор-Семь» зазвучал прямо в моём аудиоканале, сухой и безэмоциональный.

– Капитан Аосаги. Начало программы ускоренной подготовки. Цель: базовое овладение личным вооружением и тактикой звена. Время: 18 часов.

Мне не предложили выбрать. Передо мной материализовался голографический пистолет.

– Модель «Искра», стандарт Имперской пехоты. Полуавтомат, энергоячейка на пятьдесят выстрелов. Прицеливание, спуск, перезарядка.

Я взяла левитирующее «оружие». Оно отдавало в ладони легкой вибрацией, симулируя вес. Мишени – силуэты кристаллидов – возникли в конце тира. Мои первые выстрелы пролетели мимо. Система, однако, работала. В углу зрения возникали подсказки:

[Коррекция: опустить прицел на 0.3 градуса. Дыхание задержать.] Я слушалась. Мышцы запоминали. К концу первого часа я уже стабильно попадала в центр масс.

Потом пришло время штурмовой винтовки «Гроза», с отдачей, от которой ныло плечо. Потом – гранатомет «Дуэль», тяжёлого и медленного. Каждое оружие я разбирала и собирала с закрытыми глазами под немым давлением таймера. Система в моей голове работала в симбиозе с инструктором, предугадывая действия, подсвечивая следующую деталь.

После оружия началась тактика. Голографический зал превратился в поле боя: развалины города, джунгли, уз-

кие коридоры станции. Со мной в звене были три симулякра бойцов с их собственными, примитивными профилями. Мне нужно было отдавать команды. Сначала я молчала, действуя сама. Получала виртуальную пулю в лоб. Потом начала кричать на своём корявом нэра: «Прикрыть!», «Дым!», «В обход!». Команды доходили с задержкой, симулякры выполняли их буквально, иногда глупо. Я училась быть проще, чётче. Училась читать тактическую карту, которая теперь разворачивалась прямо в моём интерфейсе, показывая позиции, угрозы, маршруты.

В перерывах, когда мне давали десять минут на «питание» (безвкусную питательную пасту), я смотрела на свои руки. Фиолетовые узоры, освещённые неоном арсенала, казались теперь не клеймом заразы, а камуфляжем, боевой раскраской. Это моё. Моё отличие. Моя новая кожа.

Восемнадцать часов пролетели в одном сплошном, изматывающем рывке. Когда Инструктор-Семь объявил: «Базовый цикл завершён. Уровень владения: приемлемо. Доступ к симуляторам командования открыт», – я едва стояла на ногах, но мозг горел. Я знала, как держать оружие. Как отдавать приказы звена. Как не подставить себя и своих напарников под огонь.

Следующий этап был иным. Меня провели в тихую, тёмную комнату с одним креслом и огромным, вогнутым экраном. Это был симулятор мостика.

Экран ожил. Я увидела не поле боя, а бескрайний космос.

И передо мной – корабль. Не «Громыха». Этот был меньше, угловатее, с потрёпанной обшивкой и грозными, короткими стволами рельсотронных батарей. Над его силуэтом всплыло название и данные:

Крейсер класса «Молот».

Название: «Буревестник».

Статус: В строю. Экипаж: 85/120. Мораль: низкая.

Капитан: Горн. Уровень: 47. Статус: В сети / Недоступен для связи.

– Ваша учебная цель, – пояснил Инструктор-Семь. – Взять под оперативный контроль крейсер «Буревестник», имитируя штатную смену командования по приказу свыше. Препятствия: сопротивление действующего капитана Горна, низкая лояльность экипажа, неисправности систем.

Экран поглотил меня. Я сидела в кресле капитана, и вокруг меня ожили голографические консоли – навигация, оружие, связь, повреждения. Система проецировала интерфейсы поверх них, делая хаос читаемым: [Щиты: 78%], [Реактор: нестабилен], [Экипаж в секторе А-7: тревога].

Первая попытка была катастрофой. Я открыла канал связи и, пытаясь скопировать холодную интонацию Императора, произнесла: «Капитан Горн. Я – капитан Аосаги. По приказу Ядра передайте командование.»

В ответ раздался хриплый, полный презрения смех.

– Ага, щенок. А у тебя документы есть? Или просто наглость зашкаливает? Мои ребята тебя в шлюз выкинут, как

мусор.

Связь прервалась. А на карте повреждений загорелся новый значок: [Мятеж: Захват оружейной камеры.]

Я провалилась. «Буревестника» взорвали изнутри условные мятежники.

Вторая, третья попытки. Я училась. Нельзя было просто приказывать. Нужно было говорить с экипажем. Система переводила их статусы:

[Главкомандующий машинным отделением Варлок: недоволен пайком]

[Оружейница Джайн: боится дедовщины].

Я начала отдавать не только боевые приказы, но и бытовые:

– Удвоить паёк в машинное отделение. Отменить внеочередные дежурства для новой смены.

Мораль медленно, на проценты, ползла вверх.

Я училась обходить Горна. Через каналы технической поддержки, через младших офицеров, которым он не платил премии. Я находила союзников. И когда в четвёртой симуляции Горн снова отказался подчиняться, я не стала спорить. Я отдала приказ своим виртуальным лейтенантам:

– Изолировать капитана Горна в его каюте по статье «Саботаж боеготовности. Офицерам безопасности – выполнить.

Это сработало. Экипаж, уже более лояльный мне, согласился.

Потом были кризисы: атака пиратов, поломка двигателя

на подлёте к врагу, внезапная проверка инспекции Ядра. Каждый раз я падала в пропасть неудачи, карабкалась, находила решение. Система была моим вторым пилотом, подсвечивая слабые места врага, оптимальные маршруты, психологические профили подчинённых.

После двадцати четырёх часов симуляций, на тридцатой попытке, я сделала это. «Буревестник», с почти полной моралью и залатанными системами, чётко выполняла манёвры, вела огонь по целям, а в логе миссии горела зелёная надпись: [Контроль над кораблём установлен. Капитан Горн арестован. Миссия выполнена.]

В реальности я была вся в холодном поту, дрожали руки. Но внутри горел холодный, ясный огонь.

Сознание было похоже на перегруженный процессор, который вот-вот зависнет. Каждая мысль пробивалась сквозь ватную пелену усталости. Два дня без сна – если эти циклы в симуляторах и арсенале можно было назвать «днями» – делали своё дело. Система в голове, обычно чёткая, теперь выдавала данные с задержкой, будто сквозь статику. Мои фиолетовые узоры на руках, кажется, пульсировали в такт бешено колотящемуся сердцу.

– Капитан Аосаги. Финальная симуляция. Захват «Громыхи». – голос Инструктора-Семерки прозвучал где-то издалека.

Тёмная комната с креслом капитана снова поглотила меня. Экран залился звёздами и силуэтом «Громыхи». В ушах

стоял назойливый звон. Я моргнула, пытаюсь сфокусироваться на интерфейсе. Строки [Щиты: 100%] и [Экипаж: Тревога] плыли перед глазами.

Первая попытка была унижительной. Я открыла общий канал и прохрипела приказ о смене командования. Голос сорвался на полуслове. Капитан Горн (виртуальный) лишь презрительно хмыкнул, а на карте тут же вспыхнули три очага мятежа. Я попыталась отдать приказ орудийным расчётам – и перепутала сектора. Симуляция прервалась через четыре минуты с унижительным [Провал: Корабль потерян из-за некомпетентности командования.]

Вторая попытка. Я попробовала действовать тоньше, как учили: найти слабые звенья, подкупить, запугать. Но мозг отказывался строить сложные схемы. Я зациклилась на одном недовольном технике, сыпля ему пустые обещания, пока Горн тем временем приводил к присяге весь инженерный отдел. [Провал: Утрата контроля над жизнеобеспечением.]

Третья. Четвёртая. Пятая. Каждая – новый вид катастрофы. Я засыпала на секунду прямо в кресле, и просыпалась от виртуального взрыва мостика. Я отдавала взаимоисключающие приказы. Я забывала, как называется главный реактор. Усталость точила разум, как тупой напильник.

Инструктор-Семь звучал всё суше:

– Зафиксированы неадекватные реакции. Рекомендован медицинский отдых.

– Знаю, – Но остановиться означало признать поражение

перед Императором. Перед самой собой.

На шестой попытке я просто сидела и тупо смотрела на карту корабля. Глаза слипались. Всё было бессмысленно. Я проиграю. Меня удалят. Статус [Удалён навсегда] казался таким желанным, просто концом этой муки...

И тут взгляд зацепился за мелочь. В уголке тактической карты, среди сотен значков, был один – маленький, мигающий жёлтым. [Внешний сервисный шлюз 7В: Открыт по тех. требованию. Доступ: ограничен.]

Смутная, полусонная мысль пронеслась в голове. Я не буду умнее Горна. Не буду харизматичнее. Я слишком устала, чтобы вести сложную игру. Но что, если... не играть в его игру вовсе?

Я не стала открывать общий канал. Не стала искать союзников. Вместо этого я вызвала на частную связь единственного человека, чей статус светился [Инженер-стажёр Корэт. Уровень: 12. Мораль: очень низкая (недоволен Горном)]. Мой голос был хриплым от усталости, но я говорила просто и прямо, почти шёпотом:

– Корэт. Шлюз 7В. Там грузовой дрон с запчастями для ремонта системы охлаждения реактора. Горн забрал запчасти на чёрный рынок. Инспекция из Ядра будет через шесть часов. Если они найдут неисправность – Горн спишет всё на тебя. Тюрьма или бан.

В наушниках послышался испуганный вдох. Я продолжила, четко отбивая каждое слово:

– Есть альтернатива. Я – новая смена с Ядра. Мне нужен доступ на корабль. Через 7В. Тихий. Если поможешь – про инспекцию забудут. Ты получишь повышение и доступ к запчастям. Отказываешься – разбирайся с Горном и тюрьмой сам. Решай. Быстро.

Пауза. На карте я видела, как значок Корэта метнулся от машинного отделения к сектору 7В. Он был напуган, зол и обладал достаточными правами доступа, чтобы быть там, где его не ждут. Через две минуты на связь вышел он, запыхавшийся:

– Шлюз... открыт. Но дрона нет!

– Его и не было, – честно сказала я, и в голосе прозвучала вся моя усталость. – Но инспекция – будет. А теперь открой мне внутреннюю дверь из шлюза в вентиляционную шахту А-12. И забудь, что мы говорили.

Это был блеф. Грубый, примитивный, построенный на страхе мелкого сошки перед начальством. Но он сработал. Когда виртуальная «я» в симуляции проскользнула через сервисный шлюз и полезла по вентиляции, минуя все посты охраны, Инструктор-Семь выдал неожиданный комментарий:

– Тактический обход стандартных протоколов безопасности. Неортодоксально.

Я не шла на мостик. Я ползла к машинному отделению. К сердцу корабля. Система, сквозь туман усталости, вывела на экран схему: если перенаправить энергию охлаждения на

секунду, а потом дать обратный скачок... это вызовет каскадный сбой в системах управления на мостике. Краткий, но достаточный.

Я добралась до панели. Руки дрожали. Я с трудом вспоминала последовательность действий, которым меня учили десять симуляций назад. Сделала. На карте мостик «Громыхи» погрузился в хаос: [Сбой связи], [Отключение основного освещения], [Сброс систем идентификации].

В этот момент я вышла на общий канал. Мой голос, усиленный системой корабельного оповещения, прозвучал во всех отсеках, искажённый статикой, будто голос самого корабля:

– Внимание, экипаж. Это капитан Аосаги по приказу Ядра. Капитан Горн отстранён за саботаж систем жизнеобеспечения. Все на свои посты. Стабилизируйте энергию в секторах В и С. Кто выполнит приказ первым – получит тройную премию. Остальные – будут иметь дело с гвардией, которая уже на подходе.

Это была ложь на лжи. Но сказанная в момент всеобщей паники, поданная как приказ и обещание, она сработала. Значки экипажа на карте засуетились, побежали не блокировать меня, а выполнять указания, спасая корабль от мнимой аварии. А когда несколько лейтенантов, сохранивших рассудок, попытались связаться с Горном, тот не ответил – его канал был заглушён тем же сбоем, который я вызвала.

Я, едва переставляя ноги, вышла из вентиляции прямо на

опустевший, мигающий аварийным светом мостик. Виртуальный Горн, отчаянно пытавшийся перезагрузить консоли, обернулся. Его цифровое лицо исказила ярость.

Я не стала с ним спорить. Я слишком устала для диалогов. Я просто подняла виртуальный пистолет (который, по счастью, взяла в шлюзе) и выстрелила ему в грудь. В симуляции это означало не смерть, а [Критическое поражение. Капитан нейтрализован.]

Тишина. Только шипение повреждённых панелей. Потом в моём интерфейсе одна за другой стали гаснуть красные иконки мятежа. Всплыло зелёное окно:

[Оперативный контроль над КК «Громыха» установлен.]

[Экипаж: лояльность низкая, но подчинён.]

[Капитан Горн: изолирован.]

[Миссия выполнена. (Нетрадиционными методами.)]

Симулятор отключился. Свет в комнате зажётся, режущий и невыносимый. Я вывалилась из кресла на холодный пол, не в силах пошевелиться. Веки были из свинца. Сквозь туман я увидела, как подошёл Инструктор-Семь в виде голограммы.

– Анализ завершён, – прозвучал его голос. В нём впервые появился оттенок чего-то, кроме безразличия. Что-то вроде... озадаченного уважения. – Тактическая оценка: неудовлетворительно. Стратегическая оценка: эффективно. Вы проигнорировали 87% учебного материала и добились цели, используя уязвимости, не описанные в руководствах. Вы

измотаны до предела и приняли ряд аморальных решений (шантаж, дезинформация, прямое насилие).

Он сделал паузу.

– Вывод: к стандартному командованию непригодна. К решению нестандартных задач в условиях кризиса – потенциально эффективна. Рекомендация отправлена в штаб флота с пометкой «Особый случай».

Голограмма погасла. Дверь открылась, и вошли гвардейцы. Они смотрели на меня, лежащую в поту и пыли на полу, не с презрением, а с холодным любопытством, как на диковинного, но опасного зверя.

– Капитан Аосаги. Ваш транспорт к реальному крейсеру «Громыха» готов. Капитан Горн ждёт объяснений. Вам дают четыре часа на сон и гигиену перед отправкой.

Они даже не предложили помочь подняться. Я собрала остатки воли, упёрлась дрожащими руками в пол и медленно, с нечеловеческим усилием, поднялась на ноги. Мир плыл. Но внутри, сквозь пустоту и тошноту, тлела одна мысль.

Я не справилась с учебой. Я провалила все тесты. Но я взяла корабль. Грязно, уродливо, с помощью лжи и страха. Я взяла его. И теперь мне предстояло проделать то же самое в реальности. С настоящим Горном. И с настоящим экипажем, который, возможно, ненавидел меня уже сейчас.

Я кивнула гвардейцам, выдавив из себя хриплое: «Ведите». И поплелась за ними, шатаясь, но уже не как жертва, а

как измотанный, но не сломленный хищник, идущий к своей первой настоящей добыче.

Четыре часа «сна» в камере, больше похожей на койку в тюремной больнице, не сняли усталость, а лишь законсервовали её. Я проснулась от вибрации шаттла, пристыковавшегося к «Громыхе». Каждое движение отзывалось тупой болью в костях. Мышцы, накачанные в симуляторе, теперь были ватными и не слушались. Мои фиолетовые узоры на руках казались тусклыми, будто и они были истощены.

Переход из стерильной искусственной гравитации Ядра на обычную корабельную тяжесть был как удар в живот. Ноги подкосились, я едва удержалась, схватившись за поручень. Воздух здесь пах металлом и чужим потом. Шаттл был пристыкован не к парадному приёмному шлюзу, а к боковому, техническому – как и планировалось в моём единственном удачном симуляционном сценарии. Рядом со мной стояли двое гвардейцев. Их профили светились нейтральным статусом – они были здесь лишь как формальные свидетели и гарант «приказа Ядра». Делать за меня они ничего не собирались.

– Капитан Аосаги. Коридор ведёт к лифту на командную палубу. Капитан Горн ожидает в своей каюте. Удачи, – произнёс один из них без тени иронии.

Удачи. Как будто я шла на экзамен, а не на смещение командира боевого корабля.

Я кивнула, не в силах вымолвить слово, и шагнула в узкий,

тускло освещённый коридор. Каждый шаг давался с усилием. Гравитация тянула вниз, будто на плечах лежали мешки с песком. В ушах звенела тишина, нарушаемая лишь гудением вентиляции и отдалённым рокотом машинного отделения.

Я дошла до лифта. Поднялась на командную палубу. Здесь было чище, но не намного просторнее. Двери в каюту капитана были массивными, из тёмного металла. Я собрала остатки сил, выпрямила спину – насколько это было возможно – и нажала на переговорник.

– Капитан Горн. Капитан Аосаги для передачи командования по приказу Ядра.

Мгновенная пауза, потом скрежет отпираемого замка. Двери раздвинулись.

Каюта была больше, чем я ожидала, и захламлена. На столе громоздились стопки отчётов, детали непонятных механизмов. У иллюминатора стоял он. Капитан Горн. В жизни он казался ещё массивнее, чем в симуляции. Широкоплечий, с бычьей шеей и тяжёлым, небритым подбородком. Его уши – короткие, как у рыси – были прижаты к черепу. Хвост, толстый и жилистый, нервно бил по голенищу сапога. Его профиль вспыхнул у меня перед глазами, агрессивно-красным:

Капитан Горн.

Уровень 47.

Раса: Люпан (Волк).

Статус: В сети

– Так вот ты какая, «замена», – прохрипел он, окидывая

меня уничтожающим взглядом с ног до головы. Его глаза задержались на моих фиолетовых руках. – Искалеченный щенок с краской для праздников. Прислали меня штрафануть, да? Ну, попробуй.

Он не предлагал сесть. Он стоял, заслоня собой весь свет от иллюминатора.

– У меня приказ Императора, – выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Я мысленно вызвала интерфейс, пытаюсь показать голографическую печать. Световой проектор сработал с задержкой, изображение поплыло. – Вы отстранены от командования. Сдайте... сдайте контрольные коды.

Горн фыркнул, даже не глядя на печать.

– Коды? Иди возьми их, если сможешь. Мои ребята меня знают. Тебя – нет. Ты думаешь, бумажка с Ядра что-то здесь значит? Здесь, на краю флота, закон – это я. А ты... – он сделал шаг вперёд, и я невольно отступила, спиной наткнувшись на край стола, – ...ты даже стоять ровно не можешь. Трясёшься. Иди поспи, девочка. Потом поговорим о твоём «приказе».

Ярость, острая и беспомощная, кольнула в грудь. Я собралась с духом, чтобы выпалить что-то резкое, убедительное... но тело предало. Волна головокружения накатила с новой силой. Ноги подкосились. Я сделал неловкое движение, пытаюсь ухватиться за стол, и моя правая рука, повинувшись спазму усталости, дёрнулась. В ладони, по ментальному импульсу паники, материализовался пистолет «Искра» – холодный,

тяжёлый, чужой.

Я не удержала его.

Оружие выскользнуло из ослабевших пальцев и с глухим стуком упало на металлический пол, подкатившись прямо к сапогам Горна.

В каюте повисла леденящая тишина.

Потом Горн рассмеялся. Громко, от души, с оттенком настоящего, животного веселья.

– АХАХАХА! И ЭТО – МОЙ ЗАМЕНЯЮЩИЙ КАПИТАН?! – он зашёлся в хохоте, указывая пальцем то на меня, то на пистолет у своих ног. – Ты не то что командовать – оружие удержать не можешь! Да тебя любой юнга размажет! Иди отсюда, пока жива!

Его смех резал уши, унижал сильнее любого удара. Я стояла, сгорбившись, опираясь на стол, и смотрела на пистолет. На свой провал. На крушение всего, за что так грязно и отчаянно боролась в симуляторе.

А потом что-то щёлкнуло. Не в голове. Глубже. В том самом тлеющем уголке, что заставил меня шантажировать виртуального инженера. Усталость никуда не делась. Но её внезапно пронзила ледяная, абсолютная ясность. Выбора нет.

Медленно, с нечеловеческим усилием, я оттолкнулась от стола и выпрямилась. Спина хрустнула. Я перевела взгляд со смеющегося Горна на пистолет. Сосредоточилась.

[Система: Запрос на материализацию оружия «Искра» в правой руке.]

Пистолет у ног Горна растворился в мелькании пикселей. В тот же миг он собрался из света и вещества в моей сжатой ладони. Вес, отдача, холодная рукоять – всё было на месте.

Хохот Горна оборвался на полуслове. Его глаза расширились от непонимания. Он ещё не осознал, только увидел, как оружие телепортировалось ко мне в руку.

Я не стала целиться. Не стала произносить пафосных фраз. Я была слишком усталой для этого. Я просто подняла руку в его сторону и нажала на спуск.

Грохот выстрела в замкнутом пространстве был оглушительным. Горн дёрнулся, отшатнулся к иллюминатору. На его груди, прямо над сердцем, расплылось алое пятно. Не голографическое. Настоящее. Он не произнёс ни слова. Только посмотрел на меня с абсолютным, животным изумлением, будто увидел не девочку, а извергающийся вулкан. Потом его тело сползло по стене на пол и замерло.

Тишина вернулась, теперь густая и тяжёлая, пропитанная запахом пороха и крови. Пистолет снова выпал из моих пальцев и исчез в воздухе до востребования. А потом силы окончательно покинули меня. Ноги подкосились, и я рухнула рядом с телом капитана Горна, ударившись коленом о холодный металл пола.

Перед глазами поплыли чёрные пятна, а в центре зрения, кричаще-красным, всплыло системное сообщение:

Критический уровень физической усталости.

Требуется немедленная остановка и восстановление.

Принудительное отключение через 10 секунд в случае отказа.

Я попыталась встать, подняться, сделать что-то – осмотреть каюту, связаться с экипажем, хоть что-то. Но тело было как из свинца. Веки смыкались сами. Последнее, что я увидела перед тем, как тьма накрыла с головой, – это ноги гвардейцев, вбегающих в каюту с оружием наготове, и их ошеломлённые лица, склонённые над мной и над трупом капитана.

Захват был совершён. Корабль был мой. Ценой, которую я ещё даже не начала осознавать.

Глава пятая – Громыха

Сознание вернулось не через сон, а будто из глубокого обморока. Сначала – ощущение мягкой, прохладной поверхности под спиной. Ни ремней, ни манжет. Просто я лежала на чём-то вроде медицинской койки. Я открыла глаза.

Белый потолок. Стерильный воздух с примесью антисептика. Я была не в своей стеклянной колбе, а в обычной, небольшой лабораторной. На мне был простой халат. Я осторожно приподнялась на локтях. Тело отзывалось глубокой, ноющей усталостью, но уже не той изматывающей тяжестью. Фиолетовые узоры на руках были бледнее, будто уснули.

И тут я увидел его.

Он сидел на табурете у стены, в тени. Тот же массивный силуэт, та же бычья шея. Капитан Горн.

Сердце ёкнуло, остановилось, а потом забилось с бешеной силой. Призрак. Или... Он выжил? Но выстрел был точным, в упор, в сердце! Я видела его профиль, гаснущий на моих глазах!

Я замерла, не в силах пошевелиться, ожидая мести, ярости, нового выстрела.

Горн поднял голову. Его лицо было тем же – грубым, небритым, но... иным. Ярости в его глазах не было. Была усталая, почти философская ухмылка. Он поймал мой взгляд и медленно покачал головой.

– Успокойся, девчонка. Не съем, – его голос был хриплым, но спокойным. – Хотя пару синяков на память оставить хотел, честно говоря.

Я попыталась что-то сказать, но из горла вырвался только хрип.

– Ты... ты же... – я не могла выговорить слово «мёртв».

– Умер? Да, – он пожал плечами, как будто речь шла о проигранной партии в карты. – Чисто, профессионально, без лишних страданий. Признаю. Не ожидал, что у тебя хватит духу, в таком-то состоянии. Но ты же забыла главное.

Он поднял руку и постучал указательным пальцем себе по виску.

– «Архипелаг Терра». Смертей не существует. Есть возрождения. Точка возрождения у каждого капитана привязана к штабу флота на Ядре. Ты меня удалила с «Громыхи». Через час я открыл глаза вот тут, в медблоке.

Он встал и подошёл к койке. Я невольно отпрянула, но он не стал приближаться слишком близко.

– Но так уж решило Ядро. Приказ есть приказ. Я больше не капитан «Громыхи». Мои коды доступа к кораблю аннулированы. Двери для меня там закрыты. Поэтому я и пришёл сюда. Попрощаться.

Он смотрел на меня, и в его взгляде теперь читалось не презрение, а что-то вроде... уважения сквозь горечь.

– Ты очень сильная, девчонка. Я тебя недооценил. Думал, прислали штрафного козла отпущения. А ты... ты сделала

то, на что у многих ветеранов духу не хватит. Хреновая тактика, ужасное состояние, но решимость... Решимость железная.

Он обернулся к двери, потом снова посмотрел на меня.

– «Громыха» и его флот – это серьёзная сила империи. Не игрушка. Люди там – не симулякры. Береги их. И себя заодно. Раз уж так решило Ядро... – он тяжело вздохнул, и в этом вздохе было столько усталой покорности судьбе, что стало почти жалко этого грубого волка. – ...я не буду мешать. Да и не смогу уже. Удачи, капитан Аосаги. Прощай.

Он развернулся и зашагал к выходу. На пороге обернулся в последний раз.

– А, и да... Можешь не бояться мести. Мне в реале... в реальном мире... зарплату урезали за потерю корабля. Теперь у меня другие заботы. Он криво усмехнулся, и эта усмешка была полна такого житейского, понятного даже мне разочарования, что призрак «убитого мной капитана» окончательно рассыпался, оставив передо мной просто уставшего, обделённого мужчину.

Дверь закрылась за ним. Я осталась одна, переваривая его слова. Смертей нет. Возрождения. Зарплата урезана. Игра. Всё это была просто игра для него. Жестокая, серьёзная, но игра с правилами и точками сохранения. А для меня... для меня это была единственная реальность, где я только что убила человека. Или не убила? Голова шла кругом от этой двойственности.

Напряжение, державшее меня на плаву, окончательно схлынуло. Тело, получившее разрешение на отдых, сдалось. Глаза снова сомкнулись, и на этот раз я провалилась не в обморок, а в глубокий, беспробудный сон, лишённый даже сновидений.

Я проснулась от мягкого, но настойчивого щелчка. Свет в палате был приглушённым. Рядом с койкой, изучая данные на планшете, стоял доктор Рен. Его лисьи уши шевельнулись, уловив моё движение.

– Проснулись, капитан? – спросил он, не отрываясь от экрана. – Хорошо. Вы проспали чуть больше суток. Организм восстановил базовые функции.

Он наконец посмотрел на меня. Его взгляд был профессионально-оценивающим.

– Физические показатели вернулись в норму. Аномальная пигментация стабилизировалась, новых изменений нет. Однако, – он поднял палец, – я должен предупредить. Больше никаких подобных перегрузов. Вы довели себя до критического состояния. В следующий раз системное принудительное отключение может сработать не так «мягко». Сильная усталость может повлиять не только на физическое состояние, но и на стабильность вашего... уникального интерфейса. Возможны сбои восприятия, потери данных, нарушения в работе системных подсказок. Вам это нужно?

Я медленно покачала головой, с трудом заставляя мышцы шеи работать. Голос был тихим, но внятным:

– Нет. Не нужно.

– Отлично, – Рен сделал пометку. – Тогда запомните: сон, питание, умеренные нагрузки. Вы больше не «Ноль», которую можно гонять в симуляторах до потери пульса. Вы – активный игрок, капитан имперского крейсера. Ваш ресурс теперь имеет ценность. Берегите его.

Он отложил планшет.

– Ваши новые документы полностью активны. Коды доступа к «Громыхе» переданы. Экипаж уведомлён о смене командования... и об обстоятельствах этой смены. – В его голосе промелькнула тень чего-то, что могло бы быть иронией. – Вам предстоит первое настоящее построение и обращение к команде. Рекомендую подготовиться морально. Они будут смотреть на вас с... смешанными чувствами.

Он кивнул и направился к выходу, оставив меня наедине с тишиной и тяжёлым грузом новых обязанностей.

Я лежала и смотрела на свои фиолетовые руки, теперь лежавшие на простыне безвольными, но уже не дрожащими. Я убила человека, который не умер. Я получила корабль от того, кто его потерял. Я была легитимным капитаном, чья легитимность родилась из грязного выстрела в тесной каюте.

И теперь мне предстояло выйти на мостик реального «Громыхи» и посмотреть в глаза людям, которые только что потеряли своего старого командира и получили вместо него меня – измотанную, странную девушку с фиолетовыми узорами, которая едва могла стоять.

Игра, из которой нельзя выйти, только что перешла на новый, гораздо более сложный уровень. И на кону были уже не виртуальные очки, а настоящие жизни и настоящий корабль.

Хотя как настоящие... Может быть только для меня...

То, что доктор Рен назвал «построением», оказалось сборищем в главном ангаре «Громыхи». Не парадными шеренгами надраенного личного состава, а скорее, стихийным митингом.

Я стояла на импровизированной платформе перед грузовым контейнером. Внизу, под высокими сводами, залитыми холодным светом прожекторов, теснилось человек восемьдесят – почти весь экипаж, способный оторваться от вахт. Они не строились. Они стояли кучками: технари в замасленных комбезах, оружейники с наколками на предплечьях, офицеры в поношенных, но аккуратных мундирах. Их профили всплывали у меня перед глазами калейдоскопом: [Мораль: низкая], [Настроение: враждебно], [Настроение: любопытно], [Настроение: напугано].

Их взгляды – оценивающие, недоверчивые, откровенно враждебные – были тяжелее корабельной гравитации. Моё новенькое капитанское обмундирование (простой тёмно-серый мундир без знаков отличия, кроме вшитого чипа с профилем) казалось на мне карнавальным костюмом. Фиолетовые узоры на моих кистях, выглядывающие из-под рукавов, вызывали шёпот и тычки пальцами.

Ко мне подошёл старпом – сухопарый мужчина с профи-

лем [Зирик. Раса: Авиан (Сокол). Уровень: 39. Статус: Нейтрален.] Его лицо было непроницаемой маской.

– Экипаж собран, капитан. Ждут вашего слова. – В его голосе не было ни уважения, ни вызова. Была просто констатация.

Я сделала шаг вперёд, к краю платформы. Горло пересохло. Система, к счастью, работала чётко, проецируя передо мной короткие тезисы, которые я подготовила, лёжа на койке. Я вдохнула и заговорила, стараясь, чтобы голос звучал ровно и достигал задних рядов.

– Экипаж крейсера «Громыха». Я – капитан Аои Аосаги. – Пауза. Никакой реакции, кроме притихшего ворчания. – Вы знаете, как я здесь оказалась. По приказу Ядра. Вы знаете, что случилось с капитаном Горном. – На этот раз слышался низкий, злой гул. – Я не буду врать и говорить, что это было легко или правильно. Это был приказ. И я его выполнила.

Я посмотрела на них, пытаясь встретиться глазами хотя бы с немногими.

– Я не Горн. У меня нет его опыта. Нет его... методов. – Кто-то в толпе язвительно фыркнул. – Но у меня есть этот корабль. И у меня есть вы. Император поставил нам задачу: быть остриём Первого ударного флота. Против кристаллидов. Значит, нам придётся научиться работать вместе. Не потому что я так хочу. Потому что от этого зависит, вернёмся ли мы из следующего прыжка живыми.

Тишина стала чуть менее враждебной, более насторожен-

ной. Я говорила не о славе и долге, а о выживании. Они это понимали.

– Пока что мои приказы будут простыми: соблюдать устав, держать системы в боевой готовности, докладывать о проблемах напрямую мне или старпому Зирику. – Я кивнула в сторону сокола, который едва заметно ответил кивком.

– А теперь... есть традиция. Капитан получает ключи от корабля, – Зирик подошёл ко мне, держа в руках не ключ, а плоский чёрный ларец. Открыл его. Внутри, на бархатном ложементе, лежал пистолет. Но не стандартная «Искра». Это было что-то тяжёлое, угловатое, с коротким стволом и матовой, чёрной отделкой. На рукояти был выгравирован силуэт «Громыхи» и имперская молния. Его профиль всплыл передо мной:

[Оружие: «Капитанская Воля». Тип: Магнитный ускоритель. Урон: Высокий. Особенность: Пробивает щиты низкого уровня. Символ власти на корабле.]

– Капитанская пушка, – пояснил Зирик без эмоций. – Знак вашего права отдавать приказы. И вашей ответственности.

Я взяла оружие. Оно было неожиданно тяжёлым и холодным. Но в его весе была какая-то... уверенность. Я подняла его, показывая экипажу, и пристегнула к поясной кобуре на мундире. Жест был чисто символическим, но он что-то значил. В толпе что-то дрогнуло. Не принятие, но признание свершившегося факта.

Я уже собиралась объявить построение оконченным, когда в ангаре раздался новый, механический звук – приоритетный сигнал связи напрямую с Ядром. На стене за моей спиной активировался огромный экран. На нём появился не Император, а имперский герольд в чёрно-золотой робе.

– Капитан Аои Аосаги, крейсер «Громыха». К вниманию всего экипажа, – раздался безличный голос. – Оглашается решение Военного совета Ядра по итогам инцидента со сменной командования и оценки боеготовности нового командира.

Я замерла. Экипаж затих, насторожившись.

– Капитан Аосаги проявила решительность и выполнила прямой приказ, – продолжил герольд. – Однако, в ходе предварительной подготовки и самой процедуры захвата командования была выявлена полная некомпетентность в вопросах тактического и стратегического управления флотскими соединениями, отсутствие знаний о взаимодействии классов кораблей, неумение читать разведывательные сводки театра военных действий. Назначение капитана, не обладающего данными навыками, на боевой крейсер Ударного флота признано недопустимым риском для имперских активов и личного состава.

Каждая фраза была, как молот. Я чувствовала, как спина покрывается ледяным потом. Экипаж начал перешёптываться.

– На основании вышеизложенного, – заключил герольд, –

капитан Аои Аосаги отстраняется от непосредственного командования крейсером «Громыха» и несения боевой службы сроком на семьсот шестьдесят пять стандартных дней.

В ангаре повисло гробовое молчание, а потом его разорвал взрыв смешков, удивлённых возгласов и откровенного злорадства. Два года!

На экране появился список.

– На данный период капитану Аосаги предписывается:

– Пройти полный курс тактики и стратегии флотских операций на симуляторах Ядра (уровень сложности «Командный»).

– Отработать навыки на реальных кораблях поддержки в составе учебной эскадры под наблюдением инструкторов.

– Сдать теоретические и практические экзамены военному совету. Только после успешного выполнения всех пунктов и положительного заключения Совета капитан Аосаги может быть возвращена к командованию «Громыхой». До того момента оперативное управление кораблём переходит к старшему помощнику Зирику. Капитан Аосаги сохраняет формальное звание и доступ к корабельным системам наблюдения, но не может отдавать приказы, влияющие на боеготовность или перемещение судна. Приказ вступает в силу немедленно.

Экран погас.

Я стояла на платформе, сжимая в потной ладони рукоять «Капитанской Воли». Только что мне вручили символ вла-

сти. И тут же её отняли. На глазах у всего экипажа. Унижение было полным и совершенным. Я не была капитаном. Я была штрафником, которого отправили в двухгодичную школу, потому что он не умеет читать.

Зирик подошёл ко мне. Его лицо всё так же ничего не выражало.

– Капитан. Следуйте за мной. Вам покажут вашу новую каюту... для наблюдения. И расписание симуляций. Транспорт на Ядро для первого курса будет через шесть часов.

Он произнёс это без тени насмешки, но и без сочувствия. Просто констатация нового порядка вещей.

Я спустилась с платформы. Толпа расступилась передо мной, но не из уважения. Они смотрели на меня теперь не как на убийцу их капитана, а как на жалкую, некомпетентную девочку, которой дали игрушку и тут же отобрали, потому что она может сломаться.

Мой путь лежал не на мостик. Он лежал обратно к лифтам, в каюту-изгнание, а затем – в бесконечные, стерильные залы симуляторов. Мне предстояло два года учиться тому, что должно было быть у меня в крови, будь я настоящим капитаном. Два года быть посмешищем и парией на собственном корабле.

Я шла, глядя прямо перед собой, чувствуя на спине тяжесть нового оружия и ещё более тяжёлый груз нового, оглушительного провала. Игра поставила меня на место. Жестоко и беспощадно....

Новая каюта была лучше клетки, но всё равно клеткой. Маленькая, без иллюминатора, с прикрученной к полу койкой, терминалом для доступа к учебным симуляторам и пустым шкафом. «Капитанская Воля» лежала на столе, тяжёлый и бесполезный укор.

Я сбросила мундир и рухнула на койку. Физическая усталость взяла своё, и я провалилась в чёрную, бездонную яму сна.

Его приход не разбудил меня резко. Он просто... возник в сознании. Будто часть сна стала слишком чёткой и реальной. Я открыла глаза в темноте и увидела силуэт, сидящий на краю моей койки. Не Зирик, не гвардеец. Незнакомый профиль не всплывал. Только смутные очертания человека в простой одежде.

– Завтра, – прошептал он. Голос был мягким, без угрозы, почти гипнотизирующим. – Ты можешь вернуться на мостик. Вернуть контроль над «Громыхой». Но мне нужно кое-что.

Я не испугалась. Во сне страх притуплён. Я просто смотрела на него сквозь пелену сна.

– Что? – мой собственный голос прозвучал хриплым шёпотом.

– Координаты Ядра. Точные координаты и периметр патрулей на ближайшие шесть часов.

Сонная дымка в голове мгновенно рассеялась, сменившись ледяной ясностью. Это была измена. Чистейшая вода.

– Нет, – выдавила я, пытаюсь сесть. Тело не слушалось, было тяжёлым, как в симуляторе усталости. – Никогда.

– Бы меня не так поняла. Не для атаки, – он сказал быстро, как будто предвидел отказ. – Я пришлю пару десятков кораблей. Это будут просто цели. Старые, дряхлые корпуса кристаллидов на автопилоте. У нас вышел лимит энергии, корабли просто мусор. Они будут просто летать по разным тактическим схемам. Кругами, петлями, заходами с разных векторов. Идеальные учебные мишени для капитана, которому нужно срочно набить руку.

Он наклонился ближе. В темноте я не видела его лица, только чувствовала на себе его взгляд.

– Ты же хочешь вернуться, да? Сбросить этот приговор в семьсот дней? Завтра утром выйдешь на мостик, отработаешь на них манёвры, снесёшь парочку – и все увидят, что ты не бесполезна.

– Я тебе не верю! Ядро это центр всей империи! Даже если сейчас это будут автопилоты, то потом может нагрнуть целый флот! Это огромный риск!

– Риск? Не волнуйся, он нулевой. Это металлолом, а не флот. Я просто хочу... чтобы они не пропадали даром. Пусть послужат для чего-то полезного.

– Полезного? С чего тебе мне помогать? Ты кристаллид? Хочешь выведать координаты ядра? Фиг тебе!

Я кричала о отказе как и говорил инстинкт, но...

Логика кольнула, как игла. Соблазн был чудовищным. Из-

бавиться от позора одним махом. Доказать всем. И ведь это же логично: старые корабли на автопилоте... Цели... Практика...

– Нет. Это... предательство, – прошептала я, но в голосе уже не было прежней твёрдости.

– Предательство? кого? – парировал незнакомец. – Того, кто тебя унизил и отстранил? Того, кто держит тебя в этой конуре? Ты им ничего не должна, Аои. Ты должна только себе. И у тебя есть шанс. Один шанс. Всего один.

Он взял мою левую руку – ту, что с фиолетовыми узорами. Его прикосновение было холодным, твердым прямо как камень. На запястье он закрепил что-то лёгкое и твёрдое.

– Держи. На память. И подумай. Координаты можешь передать через открытый канал низкого приоритета на частоте 455.7, как запрос на калибровку датчиков. Утром... будь готова.

Его силуэт растворился в темноте, будто его и не было. Холодок на запястье остался. Я подняла руку перед лицом. На ней, переливаясь в слабом свете аварийной лампы, был браслет. Не металлический, а будто сплетённый из тончайших, тёмно-синих кристаллических нитей. Он был красив и абсолютно чужд.

Я хотела сорвать его, но пальцы скользнули по гладкой поверхности, не найдя застёжки. Сон снова накатил волной, непреодолимой и тяжёлой. Я подумала, что решу утром и погрузилась обратно в пучину, держа в сознании лишь два

образа: переливающийся браслет и призрачную надежду на завтрашнее утро.

Проснулась я от привычного, резкого звука будильника в терминале. Свет в каюте был уже искусственно-дневным. Я мгновенно села и посмотрела на запястье.

Ничего.

Кожа была чистой, лишь фиолетовые узоры вились привычным рисунком. Никакого кристаллического браслета. Я перевернула руку, ощупала запястье – ничего. Сон. Яркий, навязчивый, но всего лишь сон. Облегчение, смешанное с горьким разочарованием, ударило в грудь. Нет никакого «шанса». Будет семьсот шестьдесят пять дней симуляторов.

Я потянулась, собираясь с духом для нового дня унижений. Надела мундир, пристегнула бесполезную «Волю» и вышла в коридор. Сегодня по расписанию была «Теория по тактике звена в условиях помех» в капсуле №7. Я брела по безликим коридорам, сверяясь с виртуальной картой в интерфейсе, которая вела меня в учебный сектор.

Но как только я подошла к герметичным дверям тренажёрного блока, как по всему кораблю, от кормы до носа, взвыли сирены. Не учебные. Боевые. Резкие, пронзительные, разрывающие барабанные перепонки. Красный свет затопил коридоры.

>БОЕВАЯ ТРЕВОГА.

> ОБНАРУЖЕНЫ НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННЫЕ КОРАБЛИ В ЗАПРЕТНОЙ ЗОНЕ ВБЛИЗИ ЯДРА.

>КОНФИГУРАЦИЯ ЦЕЛЕЙ СООТВЕТСТВУЕТ СИЛАМ КРИСТАЛЛИДОВ.

>АТАКА ВЕРОЯТНА

>ВСЕМ КАПИТАНАМ ВЕРНУТЬСЯ НА МОСТИКИ. ЭКИПАЖИ ПО БОЕВЫМ ПОСТАМ.

Что? Кристаллиды? Это совпадение или... Стоп... Я же не отдавала никакие координаты... Что-то не так.

Я застыла на месте, вжавшись спиной в холодную стену. По коридору мимо меня, не обращая внимания, уже бежали матросы к оружейным лифтам. Их лица были искажены не учебной суетой, а настоящим страхом.

Мой интерфейс замигал приоритетным сообщением. Это был Зирик, его голос звучал жёстко и быстро:

– Капитан Аосаги, срочно на мостик! Это не учебная тревога! «Громыха» получил приказ уничтожить цели.

Он не спрашивал разрешения. Он отдавал приказ капитану, который формально был капитаном. И в этот миг я поняла. Это не были цели. Это была засада. А браслет... я посмотрела на своё чистое запястье... был не сном. Он был ключом, маяком, или чем-то ещё, что уже исчезло, выполнив свою работу.

У меня не было выбора. Я развернулась и побежала не к учебной капсуле, а к лифтам на командную палубу. Сердце колотилось, не от страха, а от леденящего осознания: меня обманули. И теперь мне предстояло встретить реальные корабли кристаллидов, появившиеся по моим координатам. И

командовать в настоящем, а не учебном бою. Сейчас.

Я ворвалась на мостик «Громыхи», едва переводя дыхание. Картина за главным экраном леденила душу. На фоне сияющего диска Ядра и роя имперских кораблей, метавшихся в панике, висели они. Семнадцать угловатых, кристаллических силуэтов. Их профили всплывали в моём интерфейсе, но данные были скудными: [Неопознанный кристаллический корпус. Угроза: средняя.]

Зирик стоял у центральной консоли, отдавая резкие приказы. Его соколиный профиль был напряжён до предела.

– Щиты на максимум! Батареи на приоритетные цели Альфа-1 и Альфа-2! Курс на сближение, прикрыть транспортник «Верность»!

«Громыха» содрогнулась, набирая ход. И тут первые лучи ударили по нам. Тонкие, изумрудные лучи с ближайших кристаллидов били в наши щиты. Экран монитора показал всплеск энергии.

[Попадание в щиты. Урон: 0.]

Я замерла. Ноль?

– Что? – пробормотал Зирик, его пальцы замерли над панелью.

Вторая волна залпов. Снова изумрудные лучи, снова всплески на экране.

[Попадание. Урон: 0.]

[Попадание. Урон: 0.]

– Они... они не пробивают щиты даже первого уровня, –

произнёс кто-то из операторов, голос полный недоумения. – Это... тренировочные лазеры?

И тут до меня дошло. Старые корабли. Автопилот. Просто летают.

Я рванулась к тактическому дисплею. Кристаллиды не пытались окружить, не шли на таран, не использовали тактику. Они просто висели на своих позициях и методично, с интервалом в несколько секунд, палили в ближайшие имперские корабли. Их выстрелы были красивы, эффектно и... абсолютно безопасны.

Но вокруг царил хаос. Имперские корабли, не разбираясь, открыли ответный огонь. Лучи и снаряды рвали вакуум, но, как и предсказывал незнакомец, скользили по полированным кристаллическим корпусам, не оставляя и царапины. Они были неуязвимы для стандартного имперского вооружения.

– Капитан! – Зирик обернулся ко мне, его глаза были полны разочарованной ярости. – Это ловушка! Они нас отвлекают, пока...

– Нет, – перебила я его, и голос мой прозвучал странно спокойно. – Это не ловушка. Это... спектакль.

Я посмотрела на пояс, где висела «Капитанская Воля». Символ власти, который ничего не значил. Пробивает щиты низкого уровня. А что, если... не только щиты?

По общему каналу неслись отчаянные доклады:

– «Молот» докладывает: огонь неэффективен!

– «Коготь»: цели игнорируют урон! Мы бесполезны!

И тут я увидела, как один из имперских фрегатов, не выдержав, дал полный импульс и бросился прочь, к краю системы. За ним – другой. Паника, как вирус, охватывала флот. Они не могли навредить врагу, и страх перед неизвестной технологией оказался сильнее дисциплины.

– Все... все бегут? – прошептал Зирик, наблюдая, как значков союзников на карте становится всё меньше. Экипаж на мостике замер в растерянности.

– Капитан, приказы? – спросил офицер связи, его голос дрожал.

Я посмотрела на Зирика, потом на оставшиеся на карте кристаллические силуэты. Семнадцать мишеней. Семнадцать моих мишеней, которые я привела сюда. Гнев, стыд и отчаянная решимость слились воедино.

– Старпом, – сказала я тихо, но так, что все услышали. – Отдайте приказ экипажу. Экстренная эвакуация на ближайший транспортник «Верность». Немедленно.

– Что? Капитан, это...

– Это приказ! – мой голос прозвучал как хлыст. – Корабль остаётся под моим контролем. Вы делаете, как сказано. Все. С мостика долой.

Они смотрели на меня как на сумасшедшую. Но приказ есть приказ, а паника делала своё. Через две минуты мостик опустел, кроме меня. В наушниках щёлкнул последний шлюз, отсекая все звуки экипажа. Я осталась одна. На кораб-

ле-призраке.

Я подошла к главному орудийному контролю. Система «Громыхи» запросила подтверждение на ручное наведение. Я подтвердила. На экране выбрала ближайший кристаллид. Автоприцел захватил его.

– Ну что ж, – прошептала я, сжимая в руке «Капитанскую Волю», будто она могла передать силу пушкам. – Давайте потренируемся.

Я нажала на спуск.

С борта «Громыхи» ударил не привычный луч, а сгусток искажённой, тёмной энергии – выстрел рельсотрона главного калибра. Он пронзил вакуум и врезался в кристаллический корпус.

И случилось невероятное. Там, где имперские лучи скользили, тёмный снаряд – разнёс цель в клочья. Кристаллическая структура не выдержала, взорвавшись не огнём, а миллиардом сверкающих осколков, медленно разлетающихся в невесомости.

Я не поверила своим глазам. Потом выбрала следующую цель. Выстрел. Ещё один хрустальный цветок смерти расцвёл в черноте.

Я вошла в раж. Одна, на пустом мостике, я вела «Громыху» в смертельном танце, разворачивая её, наводя орудия. Выстрел за выстрелом. Каждый кристаллид, стоило моему прицелу зацепиться за него, обращался в сверкающую пыль. Их «неуязвимость» была ложной. Против стандартного ору-

зия – да. Но не против командных, рельсотронных батарей крейсера, управляемых волей капитана.

Через двенадцать минут на радарях не осталось ни одной вражеской метки. Только облака сверкающих обломков, медленно дрейфующие на фоне Ядра. Я стояла, опираясь на консоль, вся в холодном поту, слушая гулкую тишину победившего корабля. Я сделала это. Я, одна, уничтожила семнадцать кораблей...

[СИСТЕМА: БОЕВАЯ ТРЕВОГА ОТМЕНЕНА.]

[СИСТЕМА: НА ВАШ АККАУНТ ЗАЧИСЛЕНА ПОБЕДА НАД 17 ЕД. ТЕХНИКИ ПРОТИВНИКА.]

[СИСТЕМА: ПОЛУЧЕН ШТРАФ. ПРИЧИНА: ВЕДЕНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВО ВРЕМЯ ОТСТРАНЕНИЯ ОТ КОМАНДОВАНИЯ. НАРУШЕНИЕ ПРИКАЗА ЯДРА № 4457.]

[СИСТЕМА: ДОЛЖНОСТЬ «КАПИТАН» АННУЛИРОВАНА. ДОСТУП К КОРАБЕЛЬНЫМ СИСТЕМАМ ЗАБЛОКИРОВАН.]

[СИСТЕМА: ТРЕБУЕТСЯ НЕМЕДЛЕННАЯ СДАТА КАПИТАНСКОГО ОРУЖИЯ И ЭВАКУАЦИЯ С КОРАБЛЯ.]

Штраф. Аннулирование. Блокировка. Цифры и строки плыли перед глазами. Победа обернулась полным, окончательным крахом.

Ночь. Моя каюта-клетка. Меня вернули сюда под конвоем, отобрали «Волю» (она исчезла из инвентаря по систем-

ному приказу). Я сидела на койке, обхватив колени, и тупо смотрела в стену. Всё было кончено. Совсем.

Он пришёл снова. Так же бесшумно. Материализовался из тени в углу.

– Неплохо справилась. Для первого раза.

Я сорвалась с койки и бросилась на него не с кулаками, а с тихим, сдавленным от ярости воплем:

– Ты! Ты украл координаты! Ты подставил меня! Из-за тебя меня уволили! Всё кончено!

Он даже не отшатнулся. Просто стоял, принимая мой бес- сильный гнев.

– Уволили? Или... освободили от ненужных обязанно- стей? Ты же хотела практики. Ты её получила. Самую что ни на есть реальную.

– Это была не практика! Это был позор! И меня выгнали!

– Подожди до утра, – сказал он мягко, и в его голосе впер- вые прозвучало что-то, похожее на... обещание. – Всё нала- дится. Поверь.

– Я тебе не верю! – я зарыдала, сжимая кулаки, по щекам текли горячие, солёные слёзы бессилия. – Убирайся! Оставь меня!

В этот момент на моём запястье, там, где утром ничего не было, вспыхнул холодок. Я взглянула вниз. Кристалличе- ский браслет снова был на месте, переливаясь в темноте зло- вещим синим светом. Я вскрикнула от отвращения и попы- талась стащить его, впиваясь ногтями в собственную кожу.

Он не сдвинулся ни на миллиметр, будто врос в плоть. Я рвала и скребла, пока не выступила кровь, но браслет оставался холодным и недвижимым.

– Утром, – повторил незнакомец и растворился, как и в прошлый раз.

Я осталась одна, с рыданиями, сжимающими горло, и с ледяным, неотъемлемым клеймом на руке. Я билась в истерике, пока силы не оставили меня, и я не рухнула на койку, погружаясь в сон, полный кошмаров из разлетающихся кристаллов и осуждающих взглядов.

Я проснулась от тишины. В каюте было светло. Свет падал под странным углом – было уже далеко за утро. Я мгновенно посмотрела на запястье.

Браслета не было. Снова. Как будто его и не было. Остались только царапины от моих ногтей.

Прежде чем я успела что-то обдумать, дверь открылась. На пороге стояли два гвардейца, но не те, что вели на корабль. Их форма была иной, парадной.

– Аои Аосаги. Император требует вашего присутствия. Немедленно.

Всё. Суд. Окончательный приговор. «Удаление навсегда». Я молча встала, поправила мятую одежду и пошла за ними, на смерть или на что-то ещё более страшное.

Путь к залу Императора был тем же, но на этот раз каждый шаг отдавался в висках гулким эхом окончательного приговора. В голове крутилась одна мысль: «Удаление навсегда».

Я не видела других вариантов. Я нарушила прямой приказ, влезла в бой, меня использовали как марионетку в чужой игре... Меня сотрут. Как баг.

Когда массивные двери зала раздвинулись, и я увидела фигуру Императора у того же окна, со спины, все силы оставили меня. Не от страха, а от полного, опустошающего отчаяния. Я не стала ждать, пока он обернётся и произнесёт смертный приговор. Я сделала два шага вперёд и рухнула на колени перед ним, уткнувшись лбом в холодный полированный пол.

– Не удаляйте меня! – слова вырвались хриплым, надтреснутым шёпотом, полным слёз, которые я не могла сдерживать. – Прошу... что угодно. Симуляторы. Чистку трюмов. Любой штраф. Только не удаляйте. У меня... мне некуда выйти.

В зале повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гудением систем. Потом я услышала мягкий, удивлённый звук. Не гневный. Почти... недоуменный.

– Встань, капитан Аосаги.

Я не двинулась с места, не веря своим ушам. «Капитан». Он назвал меня капитаном.

– Встань, – его голос прозвучал твёрже, но без гнева. – И посмотри на меня.

Я с трудом подняла голову. Император стоял передо мной, его ледяные глаза изучали моё заплаканное, перепачканное лицо. На его лице не было ни ярости, ни презрения. Было...

любопытство. И что-то ещё, что я не могла распознать.

– Удалить? – он произнёс слово, как будто впервые слышал его. – За что? За то, что ты в одиночку, на корабле с эвакуированным экипажем, уничтожила семнадцать кристаллических целей, с которыми не справился весь орбитальный патруль? За то, что продемонстрировала тактическую смекалку, переключившись на главный калибр, когда стандартное оружие оказалось бесполезно?

Он медленно прошёлся передо мной, его тень скользила по полу.

– Нарушение приказа? Да. Отстранение было нарушено. Но в протоколах экстренных ситуаций есть пункт 7-Дельта: «В условиях прямой угрозы ключевому активу Империи (Ядру) любой капитан, находящийся в зоне досягаемости, обязан действовать на своё усмотрение для нейтрализации угрозы». Ядро было под угрозой. Ты была на корабле. Ты действовала. Формально... ты не нарушила, а исполнила долг.

Он остановился и посмотрел на меня прямо.

– Штраф с тебя снимается. Звание капитана возвращается. И доступ к «Громыхе» восстановлен. То была автоматическая система, поэтому вот так... И да, твой двухлетний учебный приговор... аннулируется. Учитывая вчерашние «практические занятия», Совет счёл их излишними.

Я сидела на коленях, не в силах пошевелиться, переваривая каждое слово. Это была не казнь. Это было... помилова-

ние. Более того – награда. Но почему?

– Но... как... я не понимаю... – прошептала я.

– Потому что ты оказалась полезной, – отрезал Император, и в его глазах снова вспыхнул холодный, расчётливый огонь. – Враг продемонстрировал новую, неуязвимую для большинства наших систем технику. Ты нашла её слабое место. Империи сейчас как никогда нужны командиры, которые могут думать не по уставу. Которые не боятся действовать в одиночку. Которые привязаны к Игре настолько, что у них нет иного выбора, кроме как побеждать.

Он наклонился, и его следующая фраза прозвучала тихо, но с леденящей откровенностью:

– Твоя задача, капитан Аосаги, отныне проста. Работать на износ. Защищать Империю. Быть тем самым «нестандартным оружием», которое мы можем бросить в самое пекло. Ты доказала, что можешь. Теперь докажи, что можешь делать это снова и снова. Цена за твою реабилитацию – твоя жизнь, каждый её виртуальный миг. Всё понятно?

Я кивнула, не в силах выговорить ни слова. Понятно было всё. Меня не простили. Меня использовали. Но сейчас это было лучшее, на что я могла надеяться.

– Твой пистолет уже возвращён в инвентарь. Можешь идти. На «Громыхе» тебя ждут. И, капитан... постарайся в следующий раз не падать в истерике на пол перед начальством. Это плохо для репутации.

Я поднялась на дрожащих ногах, отдала неловкий, коря-

вый поклон и, спотыкаясь, вышла из зала. Сердце колотилось, смешивая облегчение, страх и странное, горькое торжество.

Когда я снова ступила на мостик «Громыхи», уже в полном капитанском обмундировании, ощущение было сюрреалистичным. Экипаж, увидев меня, замер на своих местах. Их профили светились смесью [Шок], [Недоверие] и редко-го [Уважение].

А я, не отдавая себе отчёта, машинально вызвала из инвентаря «Капитанскую Волю». Тяжёлый пистолет материализовался в моей ладони. Я перекинула его на указательном пальце, сделав один неуверенный оборот – жест, который я видела в симуляторах у виртуальных ветеранов.

Именно в этот момент из тени за главным экраном вышел Зирик. Его соколиный профиль был непроницаем, но в глазах бушевал ураган недоумения.

– Капитан, – произнёс он, и в его голосе звучала не злоба, а чистая, неподдельная растерянность. – Объясните. Как вы здесь? По всем каналам было объявлено о вашем снятии. Аннулировании. Мне уже поступали запросы о передаче полного командования. Что... что произошло на Ядре?

Я поймала пистолет, крепко сжала рукоять и встретила с ним взглядом.

– Произошло то, старпом, что Ядру понадобился человек, который может стрелять туда, куда другие не додумаются. Видимо, я подошла на эту роль. Приказы прежние: держать

корабль в боевой готовности. И будьте готовы к... нестандартным задачам.

Зирик смерил меня долгим взглядом, затем, склонив голову ровно настолько, насколько требовал устав, произнёс:

– Как прикажете, капитан. С возвращением.

Ночь в настоящей капитанской каюте, с видом на звёзды через широкий иллюминатор, была иной. Но покоя не принесла. Я ворочалась, проигрывая в голове безумие прошедших суток. И тут, перевернувшись на бок, я почувствовала знакомый холодок на запястье.

Я замерла. Потом медленно подняла руку перед лицом.

Он был там. Кристаллический браслет. Тот самый. Синий, переливающийся, холодный и абсолютно реальный. Он не исчез.

Прежде чем я успела вскрикнуть или попытаться содрать его снова, браслет слабо вибрировал. И в голове, не через уши, а прямо в сознании, прозвучал тот самый, знакомый шёпот:

– Ну что, всё нормально? Вернули тебя, как я и обещал?

Я застыла, парализованная смесью ужаса и ярости.

– Это ты... ты всё подстроил? – прошипела я в темноту, не зная, куда смотреть. – Император... это из-за тебя?

– Я лишь... скорректировал ситуацию. Сделал твои действия более заметными для нужных людей. Ты справилась с их «неуязвимыми» игрушками. Они это оценили. Простой обмен: ты получила назад свой корабль и звание, а я... по-

лучил очень ценную информацию об эффективности их нового оружия против наших старых кораблей. Всем хорошо.

– Это не хорошо! – я сжала руку с браслетом в кулак, чувствуя, как холодные кристаллы впиваются в кожу. – Ты мной манипулируешь! Я твоя пешка!

– Пешка? Нет, капитан Аосаги. Ты теперь... ценный актив. И у нас с тобой общие интересы. Ты хочешь выжить и доказать свою ценность в этой Игре, из которой не можешь выйти. А я хочу, чтобы определённые силы в этой Игре были... сбалансированы. Пока что мы полезны друг другу. Спи. Завтра начнётся твоя настоящая служба. И помни... я всегда рядом.

– погоди! А что с браслетом? – спросила я, но вибрирование прекратилось. Связь оборвалась. Браслет остался. Немой, холодный, неотъемлемый свидетель сговора, о котором я даже не догадывалась.

Я лежала, уставившись в потолок, с браслетом-оковом на руке и с тяжёлым пистолетом-символом под подушкой. Я вернулась на вершину. Но теперь я точно знала: в этой Игре, из которой нет выхода, за мной пристально следят не только Император и его советники. Следят и другие игроки. С совершенно другими правилами и целями. И я была разменной монетой в их партии.

Спать я больше не смогла...

Глава шестая –

Права Администратора

Тишина на мостике «Громыхи» после оглашения приказа была красноречивой. Приказ пришёл не из штаба флота, а напрямую из Управления логистики Ядра, и звучал он до обидного просто:

«Крейсеру «Громыха» вверяется ответственная миссия по передислокации. Требуется перевести корабль на орбиту планеты Лерма в системе Гефест для пополнения запасов и усиления орбитальной обороны. Особые условия: перемещение осуществить в ручном режиме (капитанское пилотирование) для отработки нештатных ситуаций и проверки отзывчивости систем после недавнего инцидента. Капитан Аосаги, приступайте.»

«Ручной режим». Для корабля массой в несколько сотен тысяч тонн. Это был либо тест на профпригодность, либо изощённая форма наказания. Зирик, стоявший рядом, прочитал текст на своём планшете и медленно поднял на меня взгляд. В его профиле всплыло: [Настройка: Скептицизм].

– Капитан, – произнёс он сухо. – В ручном режиме навигационные бустеры отключаются. Управление вектором тяги, стабилизация крена, компенсация инерции – всё ложится на пилотский контур. Это... не симулятор.

– Я в курсе, старпом, – ответила я, уже подходя к главному пилотскому креслу, которое обычно пустовало. Мои пальцы скользнули по холодным сенсорным панелям, вызывая интерфейс ручного управления. Он всплыл передо мной – лавина данных: гироскопы, гравитационные аномалии, давле-

ние в маневровых соплах, кривая разгона. Система, к счастью, аккуратно раскладывала всё по полочкам, подсвечивая ключевые показатели. Без неё я бы просто не знала, с чего начать.

– Отдайте приказ экипажу: занять шоковые позиции и ждать моего сигнала. Всем отойти от внешних переборок.

Зирик кивнул и заговорил в общий канал. На мостике воцарилась напряжённая тишина, нарушаемая лишь тихим гулом реактора и щелчками моих пальцев по консоли.

Я взяла управление на себя. Первый импульс – и «Громыха» дрогнула, будто нехотя срываясь с орбитальной стоянки. Это было не плавное скольжение на автопилоте, а тяжёлое, грубое движение. Корабль отозвался на манёвр с задержкой, и я едва успела скорректировать крен, чтобы не зацепить мачту соседнего транспорта. В наушниках прозвучало сдержанное ругательство кого-то из машинного отделения.

Дальше – хуже. Выход на расчётную траекторию к точке прыжка. Нужно было не просто лететь, а точно сориентировать массивный корпус в пространстве. Мониторы показывали, как нос корабля пляшет вправо-влево, а индикаторы стабилизации мигали жёлтым. Я вцепилась в джойстики управления, пытаюсь поймать баланс. Руки дрожали от напряжения. Казалось, я пытаюсь ткнуть пальцем в небо, чтобы сдвинуть гору. Каждая ошибка усиливалась массой корабля, и её тут же приходилось компенсировать противоположным им-

пульсом, раскачивая «Громышу» ещё сильнее.

Прыжок через варп-точку прошёл на автопилоте, но выход из него – снова моя головная боль. «Громыша» вывалилась из искажения, как пьяный великан, закрутившись вокруг своей оси. Система вывела передо мной панель [Экстренная стабилизация: АКТИВИРОВАТЬ?]. Я отказалась. Приказ был «ручной режим». Я стиснула зубы и начала тянуть корабль в нужное положение рывками, тратя драгоценное топливо маневровых двигателей. Внутри всё сжималось от ужаса представить, что сейчас видит и чувствует экипаж в отсеках.

И вот, наконец, Лерма. Огромный зелёно-голубой шар, залитый светом местного солнца. Нужно было зайти на орбиту. Это был финальный и самый сложный этап. Расчёты, гравитационные петли, торможение... В симуляторе я делала это десятки раз. В реальности всё было иначе. Я перестаралась с тормозным импульсом. «Громыша», вместо плавного снижения, резко клюнула носом вниз, и нас потащило в верхние слои атмосферы. Сирены завывали, предупреждая о перегреве обшивки. На мониторах загорелись тревожные оранжевые полосы.

– Капитан! – услышала я голос Зирика, но отмахнулась.

Я рванула джойстики на себя, давая полную мощность кормовым двигателям. Корабль задрожал, металл застонал. Мы выравнились, но траектория была ужасной – не круговая орбита, а вытянутый эллипс, нижняя точка которого

проходила опасно близко к планете. Я видела, как в иллюминаторе проносились клочья облаков, а затем снова чернел космос. Ещё одна корректировка. Ещё одна. Руки онемели. Спина была мокрой от пота.

И наконец, через несколько вечностью длившихся минут, инерциальные датчики зафиксировали стабильное положение. Курс выровнялся. Мы были на орбите. Кривой, неидеальной, но орбите.

Тишина на мостике была оглушительной. Потом раздался слабый, но уверенный сигнал. На главном экране всплыло сообщение от Управления логистики:

«Миссия выполнена. Крейсер «Громыха» прибыл в точку назначения. Анализ пилотирования: удовлетворительно (допустимые отклонения в рамках учебной задачи). Капитану Аосаги начислено: 17 очков рейтинга.»

Семнадцать. Смешная цифра за адские полтора часа концентрации и почти катастрофу. Но это были мои очки. Первые, заработанные не убийством, а... работой. Пусть и ужасной.

Зирик медленно выдохнул.

– Прибуксируемся к станции снабжения, капитан?

– Да, – хрипло ответила я, откидываясь на спинку кресла.

Руки тряслись так, что я едва могла разжать пальцы. – Сделайте это на автопилоте.

Ночь в каюте. Тишина. Я лежала, глядя на потолок, и чувствовала каждую мышцу. Фиолетовые узоры на руках, каза-

лось, пульсировали в такт затихающему адреналину. И как по расписанию, пришёл холодок.

Я не стала ждать. Прежде чем в голове прозвучал голос, я спросила сама, мысленно, в пустоту, глядя на появившийся браслет:

– С браслетом что? Почему он то есть, то нет? Как мне вызывать тебя, когда нужно, а не ждать, пока ты соизволишь явиться ночью? И кто ты, чёрт возьми?

Пауза. Потом – тот же спокойный, безэмоциональный шёпот тени в сознании:

– Прямолинейно. Хорошо. По порядку. Браслет исчезает, чтобы у тебя не возникало... неудобных вопросов. Синие кристаллы, по логике твоих новых хозяев, – признак заразы, мутации, угрозы. Если бы он был виден всегда, тебя бы уже посадили обратно в стеклянный ящик, а то и удалили для вскрытия. Он материализуется только для связи или когда его сканируют нужные датчики, иначе – он маскируется. Это твоя защита, хоть ты в это и не веришь.

Я сжала руку в кулак, чувствуя, как холодные грани впиваются в кожу.

– А связь? Почему только ты решаешь, когда говорить?

– Потому что канал с моей стороны – однонаправленный и хорошо замаскированный. Если бы ты могла активировать его сама, системы Империи рано или поздно запеленговали бы исходящий сигнал. Это было бы концом для тебя и большими проблемами для меня. Если я молчу – значит ты мо-

жешь все сама... Я вмешиваюсь, только когда наши интересы... пересекаются.

– Интересы... – я фыркнула. – А кто ты, чтобы решать, что в моих интересах? Кто ты, а? Ты кристаллид? Шпион? Ещё один «сбой», как я?

Долгая пауза. Казалось, связь вот-вот прервётся.

«Я – Вэкс. Всё, что тебе нужно знать сейчас. Ты – необычный фактор в уравнении. Пока что – полезный. Больше тебе знать не нужно. Больше – опасно. Для нас обоих.

– Ты использовал меня! Подставил под удар!

– И ты получила за это корабль, звание и снятие штрафа. Мы квиты. А теперь отдохни, капитан. У тебя завтра снова будет много работы. Помни: я всегда на связи. Когда это необходимо.

Холодок в запястье исчез. Браслет растворился, оставив лишь лёгкое онемение. Я осталась одна в темноте, с сотней новых вопросов и без единого ответа. «Вэкс». «необычный фактор».

Ключевые слова, которые ничего не объясняли, но делали мир «Алла Терры» ещё более сложным и опасным. Я была не просто капитаном-изгоем. Я была пешкой на доске, где играли силы, о которых даже Император, возможно, не догадывался. И браслет на моей руке был не просто передатчиком, а ошейником, невидимым для всех, кроме меня и моего таинственного наблюдателя.

Сознание вернулось не в каюте, а в той самой знакомой,

стерильной мгле. Белый потолок. Шипение аппаратуры. Запах антисептика. Медпалата на «Громыхе».

Я лежала неподвижно, пытаюсь понять, как сюда попала. Последнее, что помнила – холодок исчезающего браслета и тяжёлый сон. Ни боли, ни травм. Только глубокое, выматывающее истощение, будто моё тело отработало вахту в десять раз дольше обычного.

Я попыталась моргнуть, и в тот же миг мой визуальный интерфейс – тот самый, что показывал профили и миссии – взорвался обновлениями.

Это было не похоже на прежние чёткие строки. Интерфейс перестроился, став глубже, многослойнее. В левом нижнем углу, где раньше был лишь статус, теперь красовалась новая панель:

[ДОСТИЖЕНИЯ]

[ОТНОШЕНИЯ]

[ПУТЬ СЛАВЫ]

Я мысленно коснулась [ОТНОШЕНИЙ]. Панель развернулась на два столбца.

Личные:

- Зирик: -20 (Отчуждение)
- Мира: +45 (Расположение)
- Кира: +55 (Доверие)
- Император Кайдэн: -10 (Настороженность)
- Доктор Рен: -30 (Обида)
- Капитан Горн: -70 (Ненависть)

· Вэкс: ??? (ДАННЫЕ НЕДОСТУПНЫ)

Фракционные:

· Империя Терры: +5 (Сотрудничество)

· Первый Ударный Флот: 0 (Нейтралитет)

· Корпорация «Кризисный ответ»: +15 (Союз)

· Кристаллиды: -10 (Война)

· Неизвестная фракция (Вэкс): ??? (ДАННЫЕ ЗАШИФ-

РОВАНЫ)

Цифры. Рейтинги. Всё, что я чувствовала к людям и что они, вероятно, чувствовали ко мне, было переведено в холодную статистику. Мира и Кира были в плюсе. Зирик – в минусе, что неудивительно. Император насторожен. А Вэкс... Вэкса система даже не могла классифицировать.

Я переключилась на [ПУТЬ СЛАВЫ]. Это был своеобразный журнал заданий. Большинство строк были серыми, неактивными. Но двенадцать – горели зелёным, с отметкой [ВЫПОЛНЕНО]:

1. «Пробуждение» – Выжить после крушения.

2. «Первый контакт» – Установить связь с другой разумной расой (Мира, Кира).

3. «Сигнал бедствия» – Использовать SOS для вызова помощи.

4. «Выживание» – Продержаться до прибытия подкрепления во враждебной среде.

5. «Загадка происхождения» – Узнать о своей природе (Игра, аномалия).

6. «Испытание на прочность» – Получить и пережить тяжёлое отравление/мутацию.
7. «Новый статус» – Получить легитимное имя и расу в системе.
8. «Принятие приказа» – Согласиться на миссию от высшей власти (Император).
9. «Кровавое посвящение» – Устранить предыдущего командира для получения поста.
10. «Испытание огнём» – Принять участие в реальном боевом столкновении.
11. «Триумф вопреки всему» – Одержат победу в заведомо проигрышной ситуации (17 кораблей).
12. «Испытание мастерством» – Успешно выполнить сложное задание на управление (полёт на Лерму).

Я смотрела на этот список. Двенадцать этапов ада, упакованных в сухие формулировки. И за каждым – боль, страх, кровь. Это была моя история, моя «слава», уложенная в скучные строки игрового кода.

В этот момент я услышала голоса. Рядом. Знакомые. Я медленно, с огромным усилием, повернула голову набок.

У стены, на складных стульях, сидели Мира и Кира. Мира что-то тихо говорила, её уши были прижаты, лицо выражало усталую озабоченность. Кира, напротив, ёрзала, её лисьи уши и хвост беспокойно подрагивали. Их профили всплыли надо мной, и теперь рядом с ними горели цифры отношений: Мира [+45], Кира [+55].

Увидев их, что-то дрогнуло у меня внутри. Не гнев, не расчёт. Простая, человеческая волна облегчения от знакомых лиц в этом кошмаре. И в тот же миг раздался резкий, учащённый бип-бип-бип от монитора у изголовья койки.

Мира и Кира вздрогнули и мгновенно обернулись ко мне. Наши взгляды встретились.

– Она проснулась, – тихо сказала Мира, не отрывая от меня глаз. Кира вскочила и рванулась к койке, но Мира ловко поймала её за руку.

– Осторожно, Кира. Не знаем, в каком она состоянии.

– Но она же смотрит! Эй, детка, ты как? – крикнула Кира, не в силах сдержаться.

Я попыталась открыть рот, но из горла вырвался лишь хриплый, нечленораздельный звук. Я была слаба, как котёнок. Слаба, но жива. И впервые за долгое время рядом были те, чьи профили светились не враждебностью или нейтралитетом, а тёплыми, положительными цифрами. Расположение. Доверие. В мире, где всё измерялось очками и рейтингами, это было самым ценным, что у меня было.

Я медленно, с трудом, подняла руку – ту, что без браслета – и слабо пошевелила пальцами в их сторону. Жест «я здесь». Жест «я жива».

Кира ахнула и снова попыталась броситься вперёд, но Мира, всё ещё сдерживая её, шагнула сама. Она подошла к койке и осторожно положила свою тёплую ладонь мне на лоб, как делала когда-то в лагере после крушения.

– Всё хорошо, – сказала она тихо, и её голос звучал так же устало, но твёрдо. – Ты просто выгорела. Системное истощение. Ты проспала почти двое суток. Но теперь всё в порядке.

Двое суток. Значит, после разговора с Вэксом я просто... отключилась. На истощение наложился стресс от нового интерфейса, от этой бесконечной игры.

Я смотрела на них – на Миру с её +45 и Киру с её +55 – и впервые за долгое время цифры на интерфейсе не казались чем-то чужим. Они были просто отражением того, что я чувствовала сама. И, возможно, того, что чувствовали они. В этом безумном, оцифрованном мире хоть что-то обретало человеческий смысл.

Слова Миры успокаивали, но моё внимание уже ускользало. Оно цеплялось не за её лицо, а за что-то за её спиной. За серую, безликую панель управления медблоком на стене. И на этой панели, в самом углу, мерцал едва заметный, крошечный фиолетовый узор. Такой же, как у меня на коже, только нарисованный на металле и пластике.

Я прищурилась, сконцентрировавшись на нём. Узор как будто подёрнулся лёгкой рябью. И прямо перед глазами, наложившись на реальность, всплыл полупрозрачный интерфейс:

[Объект: Медицинская панель жизнеобеспечения (сектор 7-Бета).]

[Доступ: Ограничен (требуется уровень «Медперсонал» или выше).]

[Возможные действия:]

· [Статус пациентов: Получить данные]

· [Дозировка седативов: Изменить]

· [Система оповещения палаты: Отключить / Ложное срабатывание (без цели) / Ложное срабатывание (выбрать цель)]

· [Блокировка двери: Активировать]

Я замерла. Это было не просто наблюдение. Это был интерфейс взаимодействия. С неживым объектом. Как в симуляторе, когда я управляла системами корабля, но теперь – в реальности.

Любопытство, острое и безрассудное, пересилило осторожность. Я мысленно сфокусировалась на строчке [Система оповещения палаты: Ложное срабатывание (без цели)] и... «нажала».

Эффект был мгновенным и оглушительным.

По всему медблоку, а затем, судя по громкости, и по всему кораблю, взревели сирены тревоги. Алый свет аварийных ламп залил белые стены, превратив всё в пульсирующий, кровавый ад. Мира и Кира вскочили как ужаленные.

– Что происходит?! – крикнула Кира, инстинктивно прикрывая уши.

Мира бросилась к той самой панели, её пальцы забегали по кнопкам. На её лице было чистое недоумение. «Система не показывает причину! Нет повреждений, нет вторжения... Это сбой!»

Я лежала, притворяясь такой же испуганной и растерянной.

ной, но внутри меня всё сжалось в ледяной комок. Я это сделала. Одной мыслью. И система не увидела подвоха.

Паника длилась ровно две минуты и семь секунд (я невольно засекала время). Потом сирены разом смолкли, и алое освещение сменилось на привычное белое. На панели у Миры мигнуло зелёное сообщение: [Ложная тревога. Сбой датчика давления в коридоре 4-Гамма. Ошибка устранена.]

Мира выдохнула, с облегчением вытерла лоб.

– Идиотские системы... – пробормотала она, бросая на меня взгляд. – Не испугалась? Прости за это цирк.

Я слабо покачала головой, не в силах вымолвить ни слова. Я хотела объяснить, хотела спросить, но язык не слушался.

И тут в голове, резко и властно, прозвучал голос Вэкса:

– Не двигайся. Быстро – правую руку, ту, где браслет, под одеяло. Спрячь. Сейчас.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Я судорожно дёрнула правую руку под тонкое больничное одеяло, прижав её к телу. И в ту же секунду на запястье вспыхнул знакомый холодок. Браслет материализовался. Прямо под тканью. Он был тут.

Через несколько секунд в палату, тяжело дыша, вбежал Зирик в сопровождении двух техников с датчиками.

– Что здесь произошло? – его голос был резким, а профиль в моём интерфейсе мигнул: [Зирик: -25 (Отчуждение -> Обида)].

– Ложное срабатывание, старпом, – доложила Мира. –

Сбой датчика. Всё чисто.

Зирик бросил на меня пронзительный взгляд, будто ища во мне причину неполадки, потом кивнул техникам.

– Проверьте всё. От панели до реактора. Капитан не должна находиться в зоне системных сбоев. Его взгляд снова скользнул по мне. «Особенно эта», – казалось, говорили его глаза.

Когда они ушли, а Мира и Кира, всё ещё взволнованные, отошли к своему терминалу проверить мои показатели, голос Вэкса вернулся. На этот раз в нём звучала странная смесь удовлетворения и... усталости?

– Хорошо. Теперь слушай. Пока ты спала эти двое суток, я кое о чём подумал. Наши отношения пошли не по тому сценарию. Я тебя запугал, использовал, заставил играть в одни ворота. Это... неэффективная стратегия для долгосрочного сотрудничества.

Я лежала неподвижно, слушая, чувствуя холод браслета на скрытой под одеялом коже.

– Поэтому я внес коррективы. Два подарка. Первый: я полностью восстановил и стабилизировал твой системный интерфейс. Он теперь работает не как глючный хак, а как полноценный, пусть и нестандартный, клиент «Алла Терры». Ты видишь достижения, отношения, путь славы? Это не моя работа. Это твоя система, наконец-то получившая доступ к базовым игровым протоколам. Теперь ты для всех – просто очень странный, но легитимный игрок. Пусть и без кнопки

выхода.

Я мысленно скользнула взглядом по интерфейсу. Достижения. Отношения. Всё это теперь было частью меня. Не навязанное, а... разблокированное.

– А второй подарок... ты его уже обнаружила. Поздравляю. Ты теперь не просто видишь интерфейсы. Ты можешь с ними взаимодействовать на фундаментальном уровне. Я дал тебе доступ к низкоуровневым командам. К административным протоколам, которые обычные игроки никогда не увидят. Ты можешь не только читать «здоровье» объекта. Ты можешь... влиять на его «состояние». Отключить. Перенастроить. Вызвать сбой.

Он сделал паузу, давая мне осознать.

– Фиолетовый узор – это маркер. Знак того, что объект «читаем» и... «писуем» для тебя. Чем сложнее система, тем больше вариантов. Но будь осторожна. Каждое такое вмешательство оставляет микрослед. Если злоупотреблять или делать что-то слишком масштабное – системы безопасности могут засечь аномалию. Тогда подключиться отдел тех поддержки и уже тогда я тебе не помощник. Используй это с умом. Для защиты. Для получения информации. Для... создания нужных ситуаций. Думаю разберешься.

Я смотрела в потолок, ощущая, как в голове складывается новая, невероятная картина. Я была не просто аномалией. Я была администратором в мире, где все остальные были пользователями. Пусть и с ограниченными, опасными правами.

– Это доверие, Аои, – его голос прозвучал почти мягко. – И инструмент. Не подведи. И не пытайся найти меня с его помощью – мой «объект» для тебя невидим. А теперь... отдохай. Тебе ещё предстоит разобраться со своим новым статусом на этом корабле. И помни – я теперь не надсмотрщик. Я... страховка. И потенциальный союзник. Если ты этого так хочешь конечно...

Связь прервалась. Холодок в запястье не исчез. Браслет остался. Но теперь это был не просто ошейник. Это был ключ. Опасный, двусмысленный, но ключ к силе, о которой другие в этой Игре могли только мечтать.

Я лежала, чувствуя под одеялом холод кристалла и смотря, как на скучной настенной розетке напротив медленно проступает такой же крошечный, мерцающий фиолетовый узор. Мир вокруг был больше не просто декором. Он был меню. И у меня теперь был доступ к скрытым настройкам...

Глава седьмая – Доверие экипажа

Приказ на патрулирование окраины 7-го сектора пришёл неделю спустя. Рутинная, почти скучная задача. «Громыха», с залатанными после прошлых приключений системами и слегка подросшей (на те самые 17 очков) репутацией, плавно скользил через беззвучную пустоту. На мостике царила привычная рабочая атмосфера. Зирик, чей показатель отношений всё ещё держался на отметке [-25 (Обида)], ворчал над отчётами, но работал безупречно. Прочие члены экипажа, чьи профили теперь постоянно светились в моём поле зрения с цифрами от [-10] до, к моему удивлению, [+30], выполняли свои обязанности.

Я стояла у главного экрана, наблюдая за звёздной картой. Фиолетовые узоры на моих руках были спокойны. За последние дни я научилась не замечать их постоянно, только когда концентрировалась. Браслет молчал. Казалось, Вэкс дал мне немного пространства.

Первые два часа патруля прошли в полной тишине. Затем, в точке, отмеченной на карте как «гравитационная аномалия низкого уровня», пространство перед нами разорвалось.

Это было не появление корабля. Это было рождение чудовища. Из черноты варп-разлома выползло нечто. Гигантское, аморфное, похожее на космического спрута, сплетённого из сияющих шупалец чёрного хитина и мерцающей,

ядовито-бирюзовой плоти. Его «тело» было усыпано сотнями фасеточных глаз, а в центре зияла пасть, усеянная кристаллическими шипами. Над ним всплыл устрашающий профиль:

[Угроза: Древний космический сифаноид (Класс «Пожиратель»). Уровень: 319. Статус: Враждебен. Примечание: Внесистемная угроза. Считался мифом.]

– БОЕВАЯ ТРЕВОГА! ВСЕ ПО ПОСТАМ! – заорал Зиррик, но было уже поздно.

Одно из щупалец, тонкое, как башня, и быстрое, как хлыст, ударило в корпус «Громыхи». Удар потряс корабль до основания. Свет погас, сменившись алым заревом аварийных огней. Система завывала о критических повреждениях в секторах С и D. Второе щупальце обвило носовую башню и сжало – металл скрипел, как бумага.

Начался ад.

Мы стреляли. Шквалы плазмы и снарядов прошивали плоть чудовища, но оно, казалось, состояло из жидкой тьмы и гнева. Раны затягивались почти мгновенно. Его щупальца методично крушили обшивку, вырывали оружейные башни, рвали энерготрассы. На мониторах повреждений карта «Громыхи» стремительно краснела. Экипаж гиб в раздавленных отсеках, в вакууме, в огне коротких замыканий.

Я стояла на мостике, стиснув зубы до хруста, отдавая приказы, которые были бессмысленны. Мы не могли уйти – щупальца держали нас в мёртвой хватке. Мы не могли пробить

его – наше оружие было как иголки для слона.

И тогда я увидела его. Единственный, огромный, центральный глаз, пылающий холодным синим светом в самой гуще щупалец. Узор на нём был сложным, почти гипнотическим. И на нём – ни единого фиолетового маркера. Он был вне системы. Нечитаем.

Но корабль... системы корабля были читаемы. В отчаянии я сфокусировалась на интерфейсе главного калибра. Он был почти уничтожен, но один рельсотронный ускоритель тёмной материи в носовой части всё ещё показывал [Статус: Критический, но оперативен. Заряд: 12%].

Идея была безумной. Самоубийственной.

– Зирик! – закричала я, перекрывая грохот. – Все оставшиеся энергоресурсы – в носовой ускоритель тёмной материи! Прямо сейчас!

– Капитан, это убьёт реактор! Мы взорвёмся!

– Делай! – в моём голосе не осталось ничего, кроме стальной, безумной решимости.

Зирик, после секундного колебания, рванулся к консоли. Судорожные движения его пальцев. Гул, переходящий в рёв, по всему кораблю. Свет погас окончательно, и нас осветило лишь зловещее сияние извне и тусклое свечение аварийных панелей.

Я вцепилась в ручное управление прицелом. На экране, покрытом трещинами, дрожало изображение гигантского синего глаза. Автоприцел не работал. Только мои руки,

моё зрение. Я повернула джойстики, заставляя исковерканную носовую часть «Громыхи» с скрежетом повернуться на доли градуса.

– Теперь.. – прошипела я, – Давай!

Зирик нажал на спуск.

Это был не выстрел. Это было извержение. Сноп чистой-шей, поглощающей свет энергии тёмной материи вырвался из ствола и пронзил пространство. Он прошёл сквозь клубок щупалец и вонзился прямо в центр синего глаза.

На миг воцарилась абсолютная тишина. Потом чудовище взревело – звук, от которого треснули остатки бронированных стекол на мостике. Его тело начало неистово биться в конвульсиях, щупальца разжалось, отбрасывая обломки «Громыхи». Синий свет в глазу вспыхнул ослепительно ярко и... погас. Мгновение спустя вся титаническая туша начала рассыпаться, превращаясь в облако тёмной пыли и замерзающих осколков хитина, медленно рассеивающихся в вакууме.

На мостике «Громыхи» воцарилась оглушённая, победная тишина, нарушаемая лишь шипением повреждённых систем и стонами раненых. Корабль был изуродован, потерял ход, но был жив. А я получила достижение для пути славы: «Космическая отвага» – победите космического монстра.

Не обращая на это внимания я отправила сигнал SOS. Подоспевшие имперские буксиры и спасательные челноки дотащили нашу развалину до ближайшей орбитальной верфи.

Потери были чудовищны. Половина экипажа. Большая часть корабля. Но ключевые системы и ядро реактора уцелели...

Прошло наверное всего минут пять и вот я снова стою в зале Императора. Теперь уже не на коленях, но чувство было похожим – ожидание кары. Император Кайден смотрел на сводку потерь, его лицо было каменным.

– Капитан Аосаги, – начал он, и его голос был холоднее космоса за иллюминатором. – «Громыху» можно списывать. Потери личного состава – катастрофические. Вы выпустили монстра, считавшегося мифом, прямо на окраину наших владений. Ваши действия привели к уничтожению ценного имперского актива. За такое... вас можно не просто снять с поста. За такое можно инициировать служебную проверку с выводом об «удалении».

Сердце упало. Вот он, конец. Все мои попытки, весь этот ад – напрасны. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, найти оправдание, но слова застряли в горле.

В этот момент массивные двери зала с грохотом распахнулись. Ворвалась толпа. Не гвардейцы. Члены экипажа «Громыхи». Вернее, те, кто мог ходить. Обожжённые, перебинтованные, в потрёпанной форме. Впереди – Зирик, с перевязанной головой, и, к моему изумлению, Мира и Кира, которых я не видела с медблока. За ними – десятки других лиц. Механики, оружейницы, связисты.

И у каждого, у каждого в их профилях, которые вспыхнули у меня перед глазами, горела одна и та же цифра: [Отно-

шение: +50 (Доверие)] или даже выше.

Зирик шагнул вперёд, прервав Императора.

– Ваше Величество, – его голос, обычно такой сдержанный, звучал громко и чётко, – разрешите доложить обстановку с позиции экипажа.

Император, ошеломлённый такой наглостью, медленно кивнул.

– На нас напал космический сифаноид, – сказал Зирик. – Внезапно. Никакие датчики его не засекли. Никакие уставы не предусматривают действий против подобного. Капитан Аосаги не выпустила его. Она сражалась с ним. Когда оружие было бесполезно, она отдала приказ рискнуть всем, что осталось от корабля, чтобы уничтожить чудовище. И она его уничтожила. Она спасла не то, что осталось от «Громыхи» – она спасла жизни тех из нас, кто выжил в том аду. Если бы не её приказ и её выстрел – нас бы не было здесь, чтобы доложить. Мы все были бы мёртвы, а монстр – уже плыл бы к следующей цели.

Он обернулся, и за ним в один голос заговорили другие:

– Она была на мостике до последнего!

– Отдавала приказы, когда всё горело и падало!

– Аои герой! Она нас вытацила!

Даже Кира, со слезами на глазах, выкрикнула:

– Она не виновата! Это все монстр!

И тогда Зирик произнёс то, что заставило кровь замереть в жилах даже у Императора.

– Экипаж «Громыхи» принял решение. Если капитана Аосаги снимут, оштрафуют или хоть как-то накажут за действия в этой ситуации – весь личный состав Первого ударного флота подаст рапорта о переводе или расформировании. Мы не будем служить под командованием тех, кто карает за спасение жизней и уничтожение угрозы такого масштаба.

В зале повисло гробовое молчание. Император смотрел то на меня, то на этих обожжённых, израненных людей, которые смотрели на него без страха, только с твёрдой убеждённой уверенностью. Первый ударный флот – оплот, гвардия, единственная реальная сила, прикрывавшая Ядро. Их бунт, даже угроза бунта, была немыслима.

Лицо Императора дрогнуло. Ледяная маска треснула, обнажив под ней холодный, но прагматичный расчёт. Он медленно обвёл взглядом зал, потом снова остановил его на мне.

– Что ж... Я вижу, что ситуация требует пересмотра, – прозвучало наконец. Голос был всё ещё строгим, но в нём уже не было смертного приговора. – Действительно, нападение внесистемной угрозы высочайшего класса не могло быть рассчитано или предотвращено. Анализ данных с бортовых самописцев... подтверждает хронологию событий, изложенную экипажем. Капитан Аосаги проявила решительность и спасла то, что можно было спасти...

Он сделал паузу, словно проглатывая горькую пилюлю.

– Признаю, ваши действия в экстремальной ситуации были... адекватны. Более того, успешны в плане уничтожения

угрозы. Поэтому приказываю: штрафные санкции с капитана Аосаги снять. Звание и положение сохраняются. Более того... учитывая потерю «Громыхи» и необходимость сохранить боеспособное соединение, под ваше командование передаётся новая ударная группа. Крейсер «Валькирия» – флагман. И четыре крейсера класса «Молот»: «Гроза», «Ураган», «Смерч» и «Цунами». Они уже ожидают вас на орбитальной верфи «Анвиль». Ваша задача – в кратчайшие сроки сформировать из них боеспособное соединение.

Я стояла, не веря своим ушам. Не наказание. Повышение. Целая эскадра!

Экипаж разразился негромкими, но слышными возгласами одобрения. Их профили сияли теперь [+60 (Соратничество)] и выше.

– Убыть к новому месту службы, капитан. И... постарайтесь на этот раз сохранить вверенные вам активы в более презентабельном состоянии...

Я вышла из зала под одобрительные взгляды своего экипажа. Сердце билось как бешеное. Я выиграла. Не силой оружия, а доверием этих людей. Доверием, которое теперь было оцифровано и горело в моём интерфейсе, как самый ценный ресурс.

Позже, когда я уже была на мостике нового флагмана, «Валькирии» – более современного, мощного, но пока чужого корабля – в моём личном канале прозвучал прямой вызов. Император. Его голос был уже без публичной строгости,

только холодная деловитость.

– Аосаги. Я подумал над произошедшим. Вы были правы. Рассчитать нападение такого монстра было невозможно. Ваши действия в бою... действительно эффективны. Вы не только выжили, но и сохранили костяк опытного экипажа, который теперь готов идти за вами хоть в ад. Это ценный актив. Поэтому, помимо формальной эскадры, в ваше распоряжение поступает дополнительное ударное крыло: ещё пять крейсеров класса «Копьё». Они меньше «Молотов», но быстрее и имеют специализированное вооружение. Используйте их с умом. Не подведите.

Связь прервалась. Я осталась одна на новом мостике, глядя на тактическую карту, где теперь мигали значками девять кораблей под моим командованием. От одинокой, затравленной «Ноль» до командующей небольшой, но грозной эскадрой. И всё это – благодаря людям, которые поверили в меня. И таинственному инструменту Вэкса, который помог сделать тот самый решающий выстрел.

Я посмотрела на своё запястье. Браслета не было. Но я знала, что он вернётся. Как и новые испытания. Но теперь у меня была не просто груда металла под ногами. У меня была команда. И это меняло всё.

Новый мостик «Валькирии» пах свежей краской, озонированным воздухом и тихим гулом девяти корабельных реакторов, сливающихся в единый мощный рокот на тактическом экране. Мои корабли стояли строем вокруг верфи «Ан-

виль», как стоя только что обретших хозяина стальных волков. Но внутри эти волки были голыми. Отчёты, которые я пролистывала на главном экране, были удручающими.

«Крейсер «Гроза»: щиты – 67%, двигатели требуют ка-либровки, экипаж некомплект (78%).»

«Крейсер «Ураган»: система наведения орудий ГК демон-тирована для планового апгрейда, замены нет.»

«Крейсер «Копьё-3»: отсутствует 40% младшего команд-ного состава, боевой дух – низкий.»

Я стиснула переносицу. Мне дали игрушки, но забыли вложить в них батарейки и инструкцию. Нужны были неде-ли, чтобы привести это всё в боеготовое состояние. А неиз-вестность с сифаноидом и холодный тон Императора не оставляли времени на раскачку.

Именно тогда, в тишине, нарушаемой лишь тиканьем си-стемных часов, в сознании вспыхнул холодный шёпот Вэкса. Без предисловий.

– Поздравляю с повышением, адмирал. Но девять ржавых консервных банок – ещё не флот. Им нужна боевая слажен-ность. А тебе – практика управления.

Я вздрогнула, но не от страха – уже привыкла.

– Что ты предлагаешь? – мысленно ответила я, отводя гла-за от экрана, чтобы окружающие не заметили странной от-решенности на моем лице.

– Учебное упражнение. На низкой орбите над безжизнен-ным спутником Лермы-3 уже дрейфует цель. Один тяжелый,

устаревший транспортник кристаллидов. Его щиты сильны, броня толста, но он медленный и глупый, как камень. Идеальная мишень для отработки скоординированной атаки.

На тактическом экране, прямо поверх моих отчётов, возникла новая метка. Далекая, на границе сенсоров. Профиль: [Кристаллический тяжеловоз класса «Монолит». Статус: Дрейф. Щиты: Максимум. Броня: Высокая. Вооружение: Отсутствует.]

– Зачем? – спросила я, чувствуя подвох.

– Чтобы ты научилась бить не разрозненными ударами, а кулаком. Его щиты не пробьёт одиночный залп ни с одного из твоих кораблей. Но если все девять кораблей выпустят весь свой заряд главного калибра в одну и ту же точку с промежутком в 0.3 секунды... кинетический и энергетический удар сложится. Щит дрогнет. А потом рухнет. После этого его корпус развалится, как гнилая древесина. Это урок тактики. И... небольшой подарок тебе. Уничтожение корабля такого класса откроет тебе кое-что в твоём Пути Славы.

Он говорил о достижениях. О том, что двигало мой «прогресс» в этой игре. Искушение было велико. Практика, слаженность, награда... и никакого риска. Казалось бы.

– А если нас обнаружат? Если это ловушка?

– Транспортник давно мёртв. Автономные системы поддерживают только щиты. Никто не заметит. Координаты и расчёт времени залпа я передам твоему навигационному компьютеру. Это просто... стрельба по гигантской, непо-

движной мишени. Считай это вводным курсом для адмирала.

Я посмотрела на экран с меткой. Потом на списки некомплектов и неисправностей своих кораблей. Им нужна была победа. Пусть и учебная. Им нужна была уверенность в том, что их новая командирша знает, что делает. Мне – тоже.

– Хорошо, – мысленно согласилась я. – Передавай данные.

В навигационный компьютер «Валькирии» хлынул поток информации: точные координаты, вектор, расчёт точек схода для каждого из девяти кораблей, тайминг залпа с точностью до миллисекунды. Это была идеальная, выверенная схема.

Я отдала приказ флоту: скрытный выход на позицию, построение в линию вдоль вектора атаки, полная тишина в эфире. Экипажи, услышав о первом задании, встрепенулись. В их профилях замелькало [Настроение: Сосредоточенность] и даже [+5 к отношению]. Они жаждали действия.

Мы вышли на рубеж. В иллюминаторе «Валькирии», увеличенное сенсорами, висело Оно. Громадная, угловатая глыба тёмного кристалла, испещрённая геометрическими узорами. Оно действительно не подавало признаков жизни, лишь окружающий его силовой купол мерцал ровным, неуязвимым светом.

– Все корабли, доложить готовность, – прозвучал мой голос в общем канале, куда более уверенный, чем я чувствовала себя внутри.

Один за другим приходили подтверждения. Даже полуразобранный «Ураган» сообщил, что его временно подключили к ручному управлению огнём.

– Цель захвачена. Залп по расчётным координатам. Синхронизация по моему сигналу. Приготовиться.

Я смотрела на обратный отсчет, проецируемый системой Вэкса прямо в моём поле зрения. Ладони были влажными. Это была не игра. Это были реальные корабли, реальные пушки.

– Три... два... один... **ОГОНЬ!**

Космос над Лермой-3 взорвался светом.

Не хаотичной пальбой, а единым, дисциплинированным ударом. Девять сгустков энергии – от ослепительно-белых лучей плазмы «Валькирии» до тускло-красных импульсов старых «Молотов» – устремились в одну точку на сияющем куполе. Они били не одновременно, а в чёткой, смертельной очереди, как удары гигантского молота.

Первые попадания лишь вздыбили поверхность щита радужными бурунами. Четвёртое, пятое – заставили его затрещать статикой. К восьмому и девятому залпам щит в точке удара провалился, смялся внутрь себя и лопнул с яркой, беззвучной вспышкой, разбросав сгустки рассеянной энергии.

А затем вся эта энергия, не встретив больше сопротивления, обрушилась на голый кристаллический корпус.

Эффект был мгновенным и тотальным. Без щитов «Монолит» оказался хрупким, как стекло. Корпус не взорвался, а

рассыпался. Будто невидимая рука сжала его и разломилась на гигантские, сверкающие осколки, которые медленно и величаво поплыли в невесомости, отражая свет далёкого солнца.

На мостике «Валькирии» воцарилась тишина, а потом её взорвали ликующие крики операторов.

– Прямое попадание! Цель уничтожена!

– Все залпы сошлись в пределах 0.5 секунды!

– Никакого ответного огня!

Я выдохнула, сжав дрожащие руки. Получилось. Идеально. Я посмотрела на профили капитанов других кораблей. У многих скакнули цифры отношений: [Зирик («Валькирия»): -15 -> 0 (Нейтралитет)], [Капитан «Грозы»: +10 -> +25 (Контакт)]. Они поверили не только в меня, но и в себя как в часть единого целого.

И в тот же миг в моём интерфейсе, в графе [ПУТЬ СЛАВЫ], вспыхнула новая строка, окрашенная в глубокий багровый, почти чёрный цвет – цвет высокой сложности:

[13. «Синхронизированный удар»: Уничтожить тяжёлый вражеский корабль (уровень «Капитан» или выше) с помощью скоординированной атаки нескольких кораблей под вашим командованием. НАГРАДА: +500 очков рейтинга, титул «Тактик». ВЫПОЛНЕНО.]

Пятьсот очков. Титул. И глухое, беззвучное удовлетворение от безупречно выполненной работы. Я посмотрела на облако сверкающих обломков, бывшее когда-то кораблём. Учебная цель. Мишень. Но уничтоженная с такой хирургии-

ческой точностью, что это было почти... красиво.

Голос Вэкса прозвучал снова, и в нём впервые я уловила оттенок, похожий на одобрение.

– Неплохо. Впрочем... Для первого раза. Теперь ты знаешь, на что способна твоя эскадра, когда она действует как один организм. Запомни это чувство. И помни – эта победа была дарована тебе. Следующую тебе придётся зарабатывать самой. Браслет пока отдыхает. Отдыхай и ты. Скоро начнётся настоящее.

Связь оборвалась. Я осталась одна на мостике своего нового флагмана, глядя на звёзды, с титулом «Тактик» в профиле и с холодным, рациональным знанием в сердце: моя сила росла. И росла ровно настолько, насколько это было нужно моему таинственному «наблюдателю».

Сон был тяжёлым, без сновидений, как погружение в тёмную, густую воду. Физическая усталость от дня и ментальное напряжение от управления флотом выжали из меня все силы. Я спала в своей новой, всё ещё чужой каюте на «Валькирии», когда ледяной укол в виске вырвал меня из небытия.

Это был не мягкий шепот Вэкса. Это был рывок, резкий и тревожный, будто кто-то схватил за плечи и встряхнул.

– Аои! Просыпайся! Немедленно!

Я вскочила на койке, сердце колотясь где-то в горле. В каюте было темно, только слабый свет от звёзд в иллюминаторе.

– Что? Что случилось? – мысленно выдохнула я, ещё не

до конца придя в себя.

– Сканирование периметра выдало, что к системе Лермы на полном ходу движется флот. Кристаллидов. Пятьдесят кораблей разных классов: от лёгких разведчиков до тяжёлых штурмовиков. И пять... да, точно, пять «Монолитов», таких же, как твоя учебная мишень, только с работающими пушками.

Ледяная волна прокатилась по спине. Пятьдесят. Против моих девяти, из которых половина – небоеготовые.

– Это... это из-за того транспорта? – спросила я, уже прыгивая с койки и нащупывая в темноте свой мундир.

– Возможно. Возможно, они его искали. А возможно, это просто совпадение, и они идут отбивать Лерму. Неважно. Важно то, что они будут здесь через сорок минут на максимальном крейсерском. Твои девять кораблей – пыль на их пути, если они решат атаковать.

Я уже бежала по коридору к лифтам, на ходу застёгивая мундир. Мозг лихорадочно работал.

– Что делать? Бежать?

– Бежать ты не успеешь. Они перехватят на выходе из системы. Твоя единственная надежда – Империя. Свяжись с Ядром. Сейчас же. Требуй подкрепления. Объясни ситуацию. Только у них есть силы остановить такую армаду.

Лифт мчался на командную палубу. Я ворвалась на мостик «Валькирии». Дежурная смена, увидев меня бледную, с растрёпанными волосами, вскочила с мест.

– Капитан?

– Тактическая тревога! – мой голос прозвучал хрипло, но чётко. – Всех капитанов на связь! Немедленно! И откройте мне приоритетный канал на Ядро, прямо к Императору! Код доступа... Я назвала тот самый экстренный код, который мне выдали вместе с эскадрой.

Пока операторы суетились, я подбежала к главному экрану. Данные от Вэкса уже текли в наши системы. На тактической карте, на дальних подступах к системе Лерма, как рой ядовитых светлячков, загорались десятки красных меток. Их число росло с каждой секундой. Пятьдесят. Штурмовики, крейсеры, и пять массивных значков «Монолит». Цель: Лерма-3 и её орбитальная инфраструктура. Статус: [Враждебны. Намерения: Агрессия].

– Канал открыт, капитан. Соединяю... – доложила офицер связи, её голос дрожал.

Экран мигнул, и на нём появилось лицо не Императора, а дежурного офицера штаба. Он выглядел сонным и раздражённым.

– Капитан Аосаги? Вы знаете, который сейчас час? Ваш экстренный код должен использоваться для...

– Заткнитесь и слушайте! – рявкнула я, забыв о субординации. Отчаяние придавало моим словам стальную силу. – К системе Лерма на полном ходу движется флот кристаллидов. Пятьдесят кораблей. Среди них пять тяжелых «Монолитов». Они будут здесь через тридцать пять минут. Моя эскадра из

девяти, в основном небоеспособных кораблей не может им ничего противопоставить. Мне нужен флот. Весь флот, который можно выслать из сектора Гефест. Сейчас же!

Офицер на экране замер, его сонливость мгновенно испарилась.

– Пятьдесят? Вы уверены? Данные подтверждены?

– Смотрите сами! – я сбросила на него тактическую сводку. – Они идут в боевом построении. Это не разведка. Это вторжение.

Он что-то быстро проговорил не в микрофон, его лицо стало землистым.

– Капитан... флот в секторе Гефест рассредоточен. Ближайшая серьёзная группировка – у Ядра. До Лермы им минимум два часа даже на сверхсветовой.

– Два часа? – я почувствовала, как пол уходит из-под ног. – Через два часа от Лермы и моей эскадры останется только пыль! Соедините меня с Императором! Немедленно!

– Я... я попробую...

Прошло несколько бесконечных минут. На экране сменилось несколько лиц, звучали перебранки, пока наконец не возникло то самое, ледяное и непроницаемое лицо Кайдена. Он был уже одет, в его глазах горел холодный, аналитический огонь. Он уже видел данные.

– Капитан Аосаги. Подтверждаю угрозу. Ситуация критическая.

– Ваше Величество, что прикажете делать? – голос мой

сорвался на полуслове. – Девять кораблей... одна учебная цель без оружия – это ещё ладно, мы справились. Но пятьдесят? Пять «Монолитов»? Это самоубийство!

Император смотрел на меня, и в его взгляде не было ни страха, ни паники. Только расчёт.

– Отступать нельзя. Если они займут Лерму, они получат плацдарм в полутора прыжках от Ядра. Эвакуировать станцию и колонию мы не успеваем. Ваша задача, капитан, – задержать их. Любой ценой. Держаться как минимум девяносто минут. Пока не подойдут основные силы из соседних секторов.

– Девяносто минут? – я задохнулась. – Но как? Они смешают нас с орбитой за десять!

– Используйте рельеф. Спутники. Остатки инфраструктуры. Тактику малых групп. Бейте по флангам, по тылам. Не вступайте в лобовое столкновение. Ваша цель – не уничтожить, а измотать, замедлить, запутать. Каждая минута, которую вы выиграете – это спасённые жизни на Лерме. Его голос стал жестче. «Это приказ, капитан. Или вы считаете, что звание «Тактик» получили просто так? Докажите, что можете командовать не только на учениях. Держитесь. Девяносто минут. Ядро уже в пути.»

Связь прервалась. Я стояла, уставившись на потухший экран, чувствуя, как ледяная тяжесть приказа оседает на плечах. Девяносто минут. Девять кораблей против пятидесяти. Это был не тест. Это был смертный приговор с отсрочкой. И

единственный, кто мог дать хоть какой-то совет в этой крошечной тьме, был тот, кто эту тьму и привёл.

Я мысленно крикнула в пустоту, уже не скрывая отчаяния:

– Вэкс! Ты слышал? Девяносто минут! Это невозможно!

Пауза. Потом его голос, на удивление, прозвучал спокойно, даже... обречённо.

– Слышал. Империя, как всегда, бросает свои инструменты в топку. Девяносто минут... Да, для стандартной тактики это самоубийство. Но твой флот – не стандартный. И у тебя есть то, чего нет у них.

– Что? – спросила я, цепляясь за эту соломинку.

– Ты видишь их интерфейсы. Ты видишь слабые места. И у тебя есть я. Я не могу дать тебе флот. Но я могу... подсказать. Где будет самый слабый щит. Куда ударит первая волна. Где в их построении – разрыв. Но слушай внимательно, Аои. Это будет самый сложный тест. И цена провала... будет окончательной. Для тебя. И для меня. Готовь флот. У тебя есть двадцать минут на план. После этого... начнётся ад.

Холодок в запястье стал почти болезненным. Браслет материализовался, синий свет его кристаллов отражался в тёмном стекле иллюминатора. На этот раз это был не ключ. Это был счётчик до начала конца. Я повернулась к бледным, испуганным лицам на мостике и к голографическим портретам капитанов на экране.

– Внимание всем, – сказала я, и в голосе моём не осталось

ничего, кроме холодной, железной решимости. – Меняем задачу. Мы не обороняемся. Мы устраиваем засаду. У нас есть двадцать минут, чтобы превратить эту систему в ловушку. Все, у кого есть идеи – говорите. Сейчас нам нужна не дисциплина, а гениальное безумие. Потому что через девяносто минут либо мы будем героями, либо нас всех сотрут в метеорную пыль быстрее этого времени.

Я сидела в кресле капитана на мостике «Валькирии», пытаясь мысленно прочертить в пространстве линии возможных атак, точки схода, маршруты отхода. Красные метки флота кристаллидов медленно, неумолимо ползли к нам по тактическому экрану. Мои пальцы машинально барабанили по подлокотнику. В голове гудели противоречивые мысли, обрывки советов Вэкса, холодный приказ Императора и животный страх.

Именно в этот момент раздался лёгкий металлический скрежет прямо над головой. Я подняла взгляд – и едва успела отпрянуть.

Из вентиляционной решётки в потолке, с тихим вскриком «У-у-уп!», вывалилась и шлёпнулась мне прямо на колени небольшая, лёгкая фигурка.

Я вскочила так резко, что девочка кувырком свалилась на пол, но тут же подпрыгнула на ноги, отряхивая свой мешковатый, явно не по размеру, комбинезон техника. У неё были большие, ярко-голубые глаза, короткие каштановые волосы, торчащие в разные стороны, и... пара коротких, лисьих

ушек, таких же пушистых, как у Киры. Её профиль всплыл передо мной:

[Имя: Лира. Раса: Вулпин (Лиса). Уровень: 12. Класс: ????. Статус: Радостное возбуждение.]

Она смотрела на меня, не испуганная, а скорее озорная, и в её маленьких лапках (руках?) материализовались два компактных бластера с голубыми аккумуляторами. Один из них она ловко перекинула на указательном пальце, сделав неуклюжий, но эффектный оборот.

– Привет, капитан! Я пришла бороться с кристалликами! – заявила она звонким, детским голосом, полным непоколебимой уверенности.

Я застыла, ошеломлённая секунд на пять. Потом пришла в себя.

– Что... Кто ты? Как ты сюда попала? Что ты тут делаешь?! – мои вопросы вырывались резко, на грани паники. Последнее, что мне было нужно сейчас – потерявшийся ребёнок на боевом корабле перед лицом армады.

– Я Лира! Я пролезла через вентиляцию от грузового отсека! Там скучно, а тут, – она ткнула бластером в сторону тактического экрана с красными метками, – тут будет весело! Буду стрелять! Пыщ-пыщ!

Она изобразила стрельбу из обоих бластеров, целясь в невидимых врагов. У меня задергался глаз.

– Нет, никаких «пыщ-пыщ»! – я схватила её за свободную руку. – Идём. Сейчас же. Я тебя отправлю в спасательный

челнок. Там безопасно.

– Не-а! – Лира упёрлась, её уши прижались к голове в знак протеста. – Я хочу помочь! Они же плохие, эти каменюки!

Я тащила её к выходу с мостика, не слушая возражений. Время тикало. Каждая секунда была на вес нейтринного топлива.

– Ты не сможешь, ты только... мешаешь! Ты же ребёнок!

– Я не мешаю! Я умная! – закричала она, упираясь пятками в полированный пол. – Я всё видела по планшету дяди техника! У вас тут все корабли кривые-косые! А у каменюков – большие и жирные! Их нужно не бить, их нужно... обмануть!

Я уже почти дотащила её до шлюза, когда её последние слова заставили меня на мгновение замереть.

– Что?

– Ну как в игре «Космические пираты»! – Лира вырвала руку и, пыхтя, стала объяснять, размахивая бластером. – Когда у босса много хп и толстая броня, ты не лупишь его в лоб! Ты кидаешь ему в движок гранату с вонючкой, и он чихает и теряет равновесие! Потом бьёшь!

Я смотрела на эту сорванцу, говорящую об армаде смертоносных кристаллических кораблей, как о компьютерном боссе. И вдруг, сквозь панику и отчаяние, в мозгу что-то щёлкнуло. Не логическая цепочка. Безумная, детская, гениальная аналогия.

Не бить в лоб... Кинуть вонючку в движок...

Я отпустила её руку и медленно повернулась к тактическому экрану. Мои глаза бегали по значкам «Монолитов» – этих плавучих крепостей с их непробиваемыми щитами.

– Ли... Лира, – сказала я тихо. – А если... если у «босса» нет носа, чтобы чихнуть? И если «граната» у нас только одна? И очень маленькая?

Лира нахмурилась, явно обдумывая задачу. Потом её лицо просияло.

– Ага! Тогда нужно, чтобы он сам на неё наступил! На мину! Сделать вид, что мы убегаем, а мину оставить у него на пути! Только мину нужно спрятать в конфетку, чтобы он её съел!

Сам наступил... Съел...

Я посмотрела на схему системы. На дрейфующие вдалеке, никому не нужные, огромные контейнеры с отработанным термоядерным топливом с орбитальной станции Лермы-3. Радиоактивный мусор, который ещё не успели утилизировать. Абсолютно бесполезный хлам.

И на боевое построение кристаллидов, которое, судя по траектории, пройдёт как раз через тот сектор.

Детский лепет о боссах и конфетках вдруг обрёл чудовищный, безупречный смысл в контексте холодной космической механики. У меня не было «гранаты с вонючкой». Но у меня были корабли, которые могли толкнуть «конфетку» под ноги «боссу». А у Вэкса... у Вэкса было знание, куда именно «босс» наступит.

Я опустила на корточки перед Лирой, глядя прямо в её большие, серьёзные глаза.

– Лира. Ты только что, возможно, спасла нас всех. Теперь слушай очень внимательно. Я разрешаю тебе остаться. Но ты будешь делать ТОЛЬКО то, что я скажу. Сидеть в этом кресле, – я указала на запасной терминал связиста, – и следить вот за этим экраном. Если увидишь, что красная метка мигнёт три раза, ты кричишь мне. Громко. Поняла?

Лира выпрямилась, её лицо стало важным и сосредоточенным. Она сунула бластеры за пояс и отдала мне... что-то вроде салюта.

– Поняла, капитан! Буду следить!

Я вскочила и рванулась к командной консоли, мои пальцы уже летели по сенсорным панелям, открывая канал на все корабли.

– Всем капитанам! Срочно! Меняем план! «Урагану» и «Цунами» – курс на свалку отработанного топлива возле Лермы-3! Вам нужно будет синхронизированным импульсом толкнуть два самых больших контейнера на вот эти координаты! «Гроза», «Смерч» – вы прикрываете их, имитируя паническое бегство! Остальные – со мной, мы будем «приманкой»!

Я сбросила координаты, которые мысленно запросила у Вэкса. «Куда именно он наступит». Ответ пришёл мгновенно – точная точка в пространстве на пути следования головного «Монолита».

– Капитан, это... это же мусор! Он не взорвётся! – раздался голос капитана «Урагана».

– Он и не должен! – крикнула я в ответ. – Он должен создать помеху, кучу мусора на высокой скорости прямо у них на пути! Их щиты выдержат удар, но они будут вынуждены сбросить скорость, перестроиться! Это наш шанс! Выиграть те самые секунды! Выполнять!

На мостике воцарилась лихорадочная деятельность. Лира, сидя на своём стуле, уставилась на экран, высунув кончик языка от напряжения. Я смотрела, как мои корабли разворачиваются, начиная безумный, отчаянный танец, план которого родился из детской аналогии про вонючую гранату и космических пиратов. Это могло быть гениально. Или это могло стать нашей последней, смешной ошибкой.

Голос Вэкса прорезался в сознании, холодный и точный, как скальпель. Казалось, он наблюдал за всем моим безумным метанием с каким-то отстранённым интересом.

– Звериная хитрость. Примитивно, но... имеет потенциал. Однако, пытаться замедлить «Монолит» космическим мусором – всё равно что бросать в боевого робота гнилыми помидорами. Он счистит это с щитов и даже не замедлится. У девочки правильная логика: нужна «вонючка», которая ударит по системам. И у нас есть такая.

В моём поле зрения, на карте системы, загорелась новая метка. Не красная, не зелёная, а нейтральная, серая. [Орбитальный навигационный маяк «Лерма-Альфа». Статус:

Автономный. Оснащение: Резервный генератор, гиперпространственный трансивер, система стабилизации... скрытый актив: Аварийный баллон со сжатой тёмной материей (объём 0.7 куб. м, состояние: критическое, стабильность 23%).]

– Маяк на дальней орбите, – продолжил Вэкс. – Его построили десятилетия назад, когда здесь был оживлённый маршрут. Тёмная материя используется для калибровки сверхчувствительных сенсоров. Но маяк забросили, а баллон... забыли. Его стабильность на пределе. Любой сильный энергетический импульс вблизи, и он превратится в миниатюрную сингулярность. Взрывная волна от коллапса тёмной материи не нанесёт прямого урона щитам – она их игнорирует. Она воздействует напрямую на пространство-время, разрывая конструкции на субъядерном уровне. В эпицентре ничего не останется. Даже от «Монолита». На периферии... корабли получают катастрофические повреждения двигателей, систем навигации, попросту развалятся на части.

Я замерла, глядя на эту крошечную, ничем не примечательную метку. Оружие. Прямо здесь. Смертоносное, забытое, нестабильное. Идеальная мина-ловушка.

– Но... как его взорвать? – мысленно спросила я. – Мы не можем подойти близко, они нас перехватят. Выстрелить? Любой залп по маяку вызовет подозрения, они могут его просканировать и понять...

– В этом и есть красота, – в голосе Вэкса прозвучала едва уловимая нотка... восхищения? – Его не нужно взрывать

издалека. Его нужно взорвать изнутри. В самый подходящий момент. Когда флот кристаллидов будет проходить прямо через сектор маяка, сгруппировавшись для прорыва к Лерме.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не от страха, а от осознания.

– Ты говоришь... об удалённом доступе. О моих... способностях.

– Именно. Фиолетовые узоры, Аои. Они есть не только на кораблях. Они есть на всём, что связано с системой игры. На этом маяке – древняя, примитивная, но всё ещё работающая имперская сеть. Я вижу её. Я могу дать тебе точный «адрес» того самого баллона, его систем управления. Ты сможешь... коснуться их. Издали. И отправить команду на экстренный сброс и мгновенную дестабилизацию контейнера. Это будет похоже на внезапную, фатальную техническую неисправность. Несчастный случай. Никто, даже Император, не заподозрит подвога.

Это было гениально. Чудовищно и гениально. Использовать мою запретную, аномальную способность как дистанционный детонатор для забытого оружия массового поражения.

– Но... радиус? – спросила я, лихорадочно оценивая расстояния на карте. – Мои корабли... мы должны быть вне зоны поражения.

– Я рассчитаю точку. Твоей эскадре нужно будет сделать

вид, что ты пытаешься зайти им в тыл, обогнуть их по дальней дуге. Это будет выглядеть как отчаянная, глупая попытка фланговой атаки. Они проигнорируют тебя, сконцентрировавшись на цели – Лерме. А ты в этот момент будешь на правильном расстоянии и под правильным углом. Когда армада плотным строем будет проходить в 5 километрах от маяка... ты нажмёшь кнопку.

Я закрыла глаза на секунду. Перед мысленным взором пронеслись обломки, тишина после взрыва, цифры потерь... и спасённая Лерма. Выигранные девяносто минут и больше. Возможность выжить.

– Они всё равно нас догонят, – прошептала я. – Те, кто выживут.

– Да. Но их будет не пятьдесят. Возможно, двадцать. Возможно, десять. Раненые, дезориентированные, лишённые командных кораблей. И тогда твои девять «кривых-косых» кораблей смогут с ними справиться. Может быть.

Я открыла глаза. Решение было принято.

– Передавай данные. И... рассчитай всё до миллиметра, Вэкс. Потому что если мы ошиблись... то Лерма взорвётся вместе с нами.

Холодок в запястье сменился интенсивной пульсацией. В мой интерфейс хлынул поток информации: траектории, временные метки, точные частоты имперской сети маяка и... яркий, пульсирующий фиолетовый узел, глубоко в схемах аварийного баллона с тёмной материей. Он выглядел как

гниющее яблоко в паутине проводов.

Я развернулась к экипажу. Лира смотрела на меня с неммым вопросом.

– Новый приказ! – мой голос гремел по мостику. – Отменяем манёвр с мусором! Всем кораблям: немедленно ложиться на новый курс! Координаты поступают! Мы идём на глубокий обход, делаем вид, что пытаемся ударить им с фланга! Максимальная тишина, никаких активных сканов! «Гроза» и «Смерч» – прикрывать хвост, имитировать панику!

Капитаны, сбитые с толку резкой сменой плана, начали подтверждать приказы. «Валькирия» дрогнула, разворачиваясь, её двигатели загудели, набирая крейсерскую. Мы понеслись по широкой дуге, удаляясь от Лермы, будто пытаюсь зайти армаде в бок.

На тактическом экране красное пятно кораблей кристаллидов неумолимо приближалось к системе. Они двигались строем, как дисциплинированное ледяное цунами. В центре – пять массивных значков «Монолитов».

– Расстояние до маяка: 1000 км... 800... 600... – монотонно докладывал оператор.

Мои глаза были прикованы к тому самому фиолетовому узлу в интерфейсе. Я мысленно тянулась к нему, чувствуя странное сопротивление, как будто просовываю руку сквозь густой, вязкий мёд. Картинка маяка, увеличенная сенсорами, висела на боковом экране. Ничем не примечательная ме-

таллическая бочка с антеннами.

– 400 км... они входят в сектор. Группируются для финального рывка, – голос Вэкса был безэмоциональным диктором.

Я видела, как красные метки сгущаются, выстраиваясь в компактный клин. Они проходили прямо мимо крошечного серого маяка, не достаивая его внимания. Как слон, не замечающий муравья.

– Сейчас, – прошептал Вэкса. – Они в идеальной позиции. Эпицентр будет здесь.

В моём интерфейсе точка в центре их построения загорелась алым.

Я вдохнула. Выдохнула. И мысленно... нажала.

Сначала ничего не произошло. Прошла секунда. Две.

Потом маяк «Лерма-Альфа» на экране просто... исчез. Не взорвался. Не вспыхнул. Исчез, будто его стёрли ластиком. И на его месте возникла точка абсолютной, всепоглощающей черноты. Она была небольшой, размером с сам маяк, но вокруг неё пространство исказилось, звёзды на мгновение растянулись в болезненные линии, прежде чем чёрная точка схлопнулась.

А потом пришла волна.

Не огня и пламени, а чистого, неструктурированного хаоса. Это было похоже на удар гигантского, невидимого колокола по самой ткани реальности. Свет от далёких звёзд меркнул и искажался. На тактическом экране всё в радиусе 50

километров от точки взрыва превратилось в белый шум, а потом – в пустоту.

Когда сенсоры очистились, картина открылась чудовищная.

Из пятидесяти красных меток осталось... девятнадцать. И те были разбросаны, как щепки в урагане. От пяти «Монолитов» не осталось и следа. Тяжёлые штурмовики превратились в облака мелких обломков. Уцелели в основном лёгкие разведчики и несколько крейсеров на самых краях построения. Но и они неслись по инерции, их значки мигали аварийными сигналами: [Двигатели: Критические повреждения], [Системы: Отказ], [Боевой дух: Паника].

На мостике «Валькирии» царила оглушённая тишина. Все, включая Лиру, смотрели на экран, не в силах вымолвить слово. Мы только что стали свидетелями мгновенного уничтожения флота, превосходящего нас в разы.

– Цель... уничтожена, – хрипло прошептал оператор. – Точнее... две трети целей уничтожены. Оставшиеся... небоеспособны.

Я медленно опустилась в кресло капитана, чувствуя, как дрожь проходит по всему телу. От неё, от адреналина, от осознания содеянного. Мы сделали это. Ценой одного заброшенного маяка и моей тайной, запретной силы.

Голос Вэкса прозвучал снова, на этот раз тише, почти устало.

– Девяносто минут, Аои. Теперь у тебя есть все девяносто

минут. И даже больше. Добей оставшихся. И помни... этот взрыв не был запланирован системой. Будь готова к вопросам. Особенно оттуда.

Он имел в виду Ядро. Императора. Они увидят аномалию, коллапс тёмной материи. Они будут искать причину.

Я посмотрела на Лиру. Девочка сидела, обхватив себя руками, её уши были прижаты. Она больше не выглядела озорной. Она выглядела... испуганной, впечатлённой масштабом разрушения, которое она невольно помогла спланировать.

– Капитан? – тихо спросила она. – Это... это и есть настоящая война?

Я кивнула, не в силах найти слова. Потом поднялась.

– Всем кораблям! – мой голос снова обрёл стальную твёрдость. – Цель изменилась. Окружить уцелевшие корабли противника. Предложить сдачу. Любой, кто окажет сопротивление... уничтожить. Мы защитили Лерму. Теперь закончим работу.

Девять зелёных меток на экране ожили, разворачиваясь и устремляясь к рассеянным, повреждённым красным точкам. Исход битвы был предreshён. Мы выиграли. Но в груди у меня лежал холодный камень. Потому что я только что использовала силу, которую должна была скрывать. И кто-то, наверняка, это заметил.

Девяносто минут растянулись в два часа сорок. Два часа сорока нервного, напряжённого ожидания, пока мы, как

стая волков вокруг раненых быков, сковывали уцелевшие корабли кристаллидов. Большинство, лишённые командования и с разорванными системами, сдались после формального ультиматума. Трое попытались дать отпор. Мои «кривые-косые» корабли, воодушевлённые невероятной победой, разобрались с ними быстро и жестоко. Кристаллиды не сдавались в плен в привычном смысле – их корабли просто замирали, отключая оружие и щиты, превращаясь в безмолвные, инертные глыбы.

Мы взяли на буксир девять наиболее сохранившихся, но обездвиженных кораблей противника. Остальные, представлявшие собой груды искорёженного кристалла, мы оставили дрейфовать, пометив их маячками для последующей утилизации. Пленных... если их можно так назвать, было некуда девать. Их «экипажи» были неотделимы от кораблей, разум, казалось, был распределён по всей кристаллической структуре. Самый простой выход – запереть их там же. Мы отбуксировали трофейные суда к «Валькирии», отключили все внешние системы и выставили вокруг мощное энергетическое поле, своеобразную «тюрьму» в открытом космосе. Остальной наш флот занял позицию чуть дальше, готовый в любой момент открыть огонь.

Именно такую картину и застал Имперский флот, когда он, наконец, вынырнул из варп-разлома на окраине системы Лерма.

Это было зрелище. Не просто группа кораблей. Это был

флот. Более ста вымпелов: грозные линкоры класса «Небесная Крепость», десятки крейсеров, облака истребителей. И в центре, подобно ледяной горе, плыл флагманский дредноут «Паладин» – личный корабль Императора Кайдена. Его появление было обставлено со всей имперской помпой: мощные сенсорные залпы прочесали сектор, подчинённые корабли мгновенно заняли боевое построение, готовые смести всё на своём пути.

Но сметать было нечего.

Вместо ожидаемой орбитальной бойни или, на худой конец, отчаянного боя наших остатков с превосходящими силами кристаллидов, «Паладин» и сопровождающие его корабли увидели странную, почти сюрреалистичную картину.

Наша небольшая эскадра из девяти кораблей (все ещё потрёпанных, но уже не дымящихся) стояла в образцовом строю. А перед ней, окружённые силовым полем и прикованные энергобуксирами к «Валькирии», дрейфовали девять инертных кристаллических кораблей. Остатки флота кристаллидов – те самые девятнадцать вымпелов – были рассеяны по сектору, часть уничтожена, часть захвачена. Никакого боя. Никакой осады Лермы. Только тишина, обломки да наши «трофеи».

Связь пришла почти мгновенно. Не через офицера связи, а прямой, зашифрованный канал с личной эмблемой Императора. На экране мостика «Валькирии» возникло его лицо. На нём не было ни гнева, ни похвалы. Было чистое, беспримес-

ное недоумение, смешанное с ледяным любопытством. Он был в полной парадной форме, но фон за ним был не тронным залом, а командным центром «Паладина».

– Капитан Аосаги, – его голос был ровным, но в нём вибрировала сталь. – Объясните. Сейчас. По нашим данным, сорок минут назад в этой системе был зафиксирован колоссальный выброс энергии, характерный для неконтролируемого коллапса тёмной материи. Следом – массовая потеря сигналов от флота вторжения кристаллидов численностью до пятидесяти единиц. А сейчас я вижу вашу эскадру в целостности и сохранности, и... это? – Он сделал едва уловимое движение подбородком, будто указывая на изображение пленных кораблей за моим плечом. – Где битва? Где противник? Что произошло здесь?

Я сделала глубокий вдох, собираясь с мыслями. Правду говорить нельзя. Но и откровенно лгать Императору – самоубийство. Нужна была версия. Правдоподобная, героическая и... счастливо-случайная.

– Ваше Величество. Битва была. Краткая. Мы заманили флот кристаллидов в сектор заброшенного навигационного маяка «Лерма-Альфа». Наши расчёты показали, что их строй пройдёт в непосредственной близости от него. Мы планировали использовать его как помеху, сорвать их построение. Однако... – я сделала паузу, изображая до сих пор не верящую своему счастью командира, – при нашем манёвре один из наших залпов, видимо, попал не туда, куда пла-

нировалось. В маяк. Последовала... цепная реакция. Системы маяка вышли из строя, и, как выяснилось, на его борту находился аварийный баллон со сверхнестабильной тёмной материей. Произошёл коллапс.

Я посмотрела прямо в камеру, стараясь, чтобы в глазах читалась усталость и легкая растерянность, а не обман.

– Мы не рассчитывали на такой эффект, Ваше Величество. Это был несчастный случай. Но он... уничтожил ядро их флота. «Монолиты», тяжёлые штурмовики. Остальные были дезорганизованы, повреждены ударной волной. Мы воспользовались моментом, окружили их и приняли капитуляцию тех, кто ещё мог её дать. Лерма в безопасности. Потери с нашей стороны... минимальны.

На лице Кайдена ничего не изменилось. Он смотрел на меня так, будто пытался рентгеном просканировать каждое слово. Молчание затянулось.

– Несчастный случай, – наконец повторил он, и в его голосе прозвучала тонкая, как лезвие бритвы, ирония. – Капитан, вы только что уничтожили две трети вражеского флота вторжения... несчастным случаем. Случайным попаданием в забытый баллон с тёмной материей, о существовании которого, я уверен, не знали даже в Инженерном корпусе.

– Судьба была на нашей стороне, Ваше Величество, – сказала я, слегка опустив голову. – И готовность экипажа использовать любое преимущество.

– Готовность экипажа, – он повторил снова, и теперь его

взгляд стал острее. – Или... невероятная тактическая интуиция командира, который смог предугадать не только маршрут врага, но и фатальную слабость забытой станции? Словно... кто-то подсказал вам идеальную точку для удара.

Ледяной укол пронзил меня. Он подозревает. Не знает, но подозревает. Чувствует, что за этой «удачей» стоит нечто большее.

– Мы действовали по обстановке, Ваше Величество. Использовали всё, что было под рукой. Даже... советы самого неожиданного свойства. – Я рискнула. Это была тонкая леска. Намёк на «детскую» идею Лиры, которая могла быть истолкована как проявление солдатской смекалки.

Император снова замолчал, изучая меня. Потом его взгляд скользнул за моё плечо, на экран с пленными кораблями.

– Девять трофейных судов. В стабильном состоянии. Это... беспрецедентно. Кристаллиды никогда не сдаются. Их корабли самоуничтожаются. Почему эти – нет?

– Их системы, видимо, были повреждены коллапсом на более глубоком уровне, – быстро нашлась я. – Они не могли инициировать процедуру самоуничтожения. Мы изолировали их в силовом поле. Они инертны.

– Инертны, – произнёс Кайдэн, и в его глазах вспыхнул тот самый холодный, прагматичный огонь, который я видела раньше. Огонь человека, увидевшего новый, неучтённый актив. – Это меняет дело, капитан. Вы не только отбили втор-

жение с минимальными потерями. Вы добыли для Империи нечто гораздо более ценное, чем победа в одном сражении. Вы добыли образцы. Живые, неповреждённые образцы технологии кристаллидов. За это... – он сделал едва заметную паузу, – можно простить даже самые невероятные «несчастные случаи».

Я почувствовала, как камень с груди сдвигается. Он покупается. Или делает вид, что покупается. Потому что трофеи были для него важнее вопросов.

– Эскадра выполнит свой долг, Ваше Величество. Что прикажете делать с пленными кораблями?

– Их необходимо немедленно и с максимальной осторожностью доставить в сектор «Дедал» на Ядре. Туда уже высылается группа специалистов и тягачи. Ваша эскадра будет сопровождать конвой. Что касается вас лично, капитан Аосаги... – он склонил голову набок, – ваши действия, какими бы ни были их истинные причины, спасли Лерму и нанесли врагу сокрушительный удар. В глазах флота и Империи вы – герой. Официально, вас ждёт награда и повышение. Но неофициально... – его голос стал тише, интимнее, опаснее, – у меня для вас будет особое задание. Когда доставите трофеи, я вызову вас на Ядро. Лично. У нас будет о чём поговорить. Без свидетелей. Кайдэн, конец связи.

Экран погас.

Я осталась стоять посреди мостика, в тишине, нарушаемой лишь тихим гулом систем. Герой. С повышением. И

«особое задание» наедине с Императором. Это не было прощением. Это было переводом на новый уровень игры. Более опасный, более сложный, где моя ценность и моя аномальность будут взвешены на весах имперской целесообразности.

На запястье слабо пульсировало. Браслет молчал, но его присутствие было ощутимо. Он тоже слышал всё. И, наверняка, делал свои выводы.

– Капитан? – раздался тихий голосок. Лира подошла ко мне, держа в руках один из своих бластеров. – Он... он сказал, что ты герой. Это правда?

Я посмотрела на её серьёзное личико, на её ушки, настырно торчащие в разные стороны. На этого ребёнка, чья безумная идея, пропущенная через холодную логику Вэкса, спасла нас всех и поставила меня перед лицом ещё большей опасности.

– Правда, Лира, – тихо сказала я, кладя руку ей на плечо. – Но иногда, чтобы стать героем, нужно не просто стрелять. Нужно... уметь видеть то, чего не видят другие. И помнить, что за каждым взрывом всегда следует тишина. И в этой тишине нужно быть очень внимательной.

Она кивнула, не до конца понимая, но чувствуя важность момента. А я уже смотрела на тактический экран, где к нашему маленькому построению приближались гигантские тени имперского флота. Путь к Ядру был открыт. И встреча с Императором ждала впереди. А вместе с ней – новые тайны,

новые угрозы и, возможно, ответы на некоторые вопросы. Но одно я знала точно: доверие, завоёванное в огне, и тайный союз с Вэксом были теперь моим единственным настоящим капиталом в этой бесконечной игре.

Глава восьмая – Доверие и дивиденды

Путь до Ядра на буксире у гигантских имперских тягачей занял несколько дней. Это были самые странные и спокойные сутки за всё моё время в этом кошмаре. Экипаж «Валькирии» и остальной эскадры пребывал в состоянии приятного оцепенения. Они были живы. Они были героями. Их профили сияли значениями [+65 (Соратничество)] и выше, а у некоторых даже замаячил заветный [+70 (Преданность)]. Зирик, к моему удивлению, держался на нейтральной, но устойчивой отметке [0 (Профессиональное уважение)]. Даже он не мог отрицать результата.

Лира, после короткого разговора с её «дядей-техником» (который оказался её опекуном и чуть не поседел, узнав, где она была), была временно приписана к моему штабу в качестве... «младшего советника по нестандартным решениям». Её присутствие, её детская, не замутнённая уставами логика, оказались на удивление полезны. Она спала в каюте рядом с моей, и по ночам мне иногда снился её смех, а не рёв сирен и грохот взрывов.

Наконец, «Валькирия» и её сиротливая эскадра, ведя за собой караван из кристаллических «трофеев», заняла указанную орбиту вокруг гигантской станции «Ядро». Сам вид

этого исполинского техногенного мира, сердца Империи, заставил сжаться что-то внутри. Здесь решались судьбы миллионов. И вот-вот должна была решиться моя.

Вызов пришёл не на командный мостик, а прямо в мою каюту. Текст был краток: «Капитан Аосаги. Личная аудиенция. Зал Совета «Омега». Немедленно. – К.».

Меня провели по бесконечным стерильным коридорам Ядра, мимо молчаливой стражи в сияющей броне, мимо голографических дисплеев, на которых пульсировали карты всей Империи. Воздух был прохладным и пахнул озоном и... абсолютной, безраздельной властью.

Зал Совета «Омега» оказался не тронным залом, а просторным, минималистичным кабинетом с панорамным видом на звёздное небо и планету Терру вдаль. Император Кайден стоял у окна, спиной ко мне, в простой тёмной униформе без регалий.

– Войдите, капитан, – сказал он, не оборачиваясь. – И закройте дверь. Система гарантирует нам полную конфиденциальность.

Я сделала несколько шагов внутрь, остановившись на почтительном расстоянии. Сердце колотилось где-то в горле. В поле зрения всплыл его профиль, как всегда, скудный на информацию, но теперь в графе [Отношения] стояло: [-5 (Настороженность)]. Не так уж плохо, учитывая обстоятельства.

Он обернулся. Его лицо было усталым, но глаза – всё те же лезвия.

– Отчитайтесь. Коротко. О реальных потерях, о состоянии экипажа и... о состоянии тех девяти кристаллических «подарков».

Я отчиталась. Сухо, по делу, как он и любил. Минимальные потери в технике, потери в личном составе – в основном раненные, которых уже лечат. Экипаж в высокой боевой готовности, несмотря на пережитое. Кристаллические корабли – инертны, все попытки их «оживить» или просканировать изнутри наталкиваются на глухую защиту, но и угрозы не представляют.

Каден выслушал, кивая.

– Хорошо. Значит, активы сохранены. А теперь к наградам. – Он сделал паузу, и в уголке его рта дрогнуло что-то, отдалённо напоминающее улыбку. – Во-первых, официально. За проявленную доблесть, тактический гений и спасение ключевой колонии, капитану Аои Аосаги присваивается звание Коммодора флота. Соответствующее жалование и доступ к закрытым арсеналам и верфям Ядра будут перечислены на ваш личный счёт.

В моём интерфейсе что-то щёлкнуло. [Достижение получено: «Уважение Императора». Описание: Добиться личного признания правителя Империи. Награда: +10 к отношениям с Императором Кайденем, доступ к рынку эксклюзивных товаров.] Его показатель отношений сменился с [-5] на [+5 (Знакомство)]. Это было что-то.

– Во-вторых, – продолжал он, – ваш... сгусток кораблей

теперь не может называться просто «эскадрой». Вам нужен собственный знак, имя. После некоторых раздумий, военный совет утвердил следующее. Отныне ваше соединение именуется О.С.К.А.Р. – Оперативное Соединение Кораблей Аномального Реагирования.

Я застыла, переваривая эту аббревиатуру. Звучало... внушительно. И чётко давало понять всем остальным, что мы – особые, странные и к нам лучше не лезть.

– Благодарю, Ваше Величество. Честь для нас.

– Не благодарите. Это не подарок, а обозначение зоны ответственности. Вы – наш инструмент для решения проблем, которые не лезут в стандартные уставы. Что подводит меня к вашему новому заданию.

Я внутренне приготовилась к чему-то смертельному. Штурмовать цитадель кристаллидов. Уничтожить очередного космического монстра. Проникать в самое сердце аномалии.

– Ваше задание, коммодор Аосаги, – отдыхать.

Я моргнула.

– Простите?

– Вы не ослышались, – сказал Кайдэн, и теперь в его глазах мелькнул настоящий, живой интерес. Он наблюдал за моей реакцией. – Ваша эскадра – изранена, потрёпана и склеена на скорую руку из того, что было. Ваш экипаж – на грани нервного истощения. Вы сами... – он окинул меня оценивающим взглядом, – выглядите так, будто вас месяц таска-

ли на буксире по астероидному полю. Вы бесполезны мне в таком состоянии. Поэтому: в течение следующих двух стандартных недель О.С.К.А.Р. отзывается с передовой на верфи «Анвиль» и прилегающие орбитальные доки. Ваша задача: потратить выделенные средства. Отремонтировать всё, что можно. Модернизировать то, что нельзя просто починить. Закупить новые корабли, если считаете нужным. Укомплектовать экипажи лучшими специалистами, которых сможете найти. Сделать из вашего «соединения аномального реагирования» настоящую грозную силу, а не кучу энтузиастов на металлоломе. Это приказ.

Я стояла, не в силах скрыть потрясение. Отдых. Ремонт. Шопинг. Это звучало как сказка после ада, через который мы прошли.

– Я... понимаю. Благодарю за заботу, Ваше Величество.

– Это не забота, – отрезал он. – Это инвестиция. Я вкладываю ресурсы в свой самый необычный и, на удивление, эффективный актив. Не разочаруйте. Деньги будут перечислены. Верфи ждут ваших заявок. Вопросы?

Вопросов не было. Только тихая, нарастающая эйфория. Мы выжили. Мы победили. Нас не наказали, а наградили. И теперь у нас есть время и средства, чтобы стать сильнее.

– Никаких вопросов, Ваше Величество.

– Тогда свободны, коммодор.

Я развернулась и уже сделала несколько шагов к двери, когда его голос остановил меня. Спокойный, но на этот раз

без намёка на иронию. Напрочь деловой. И оттого – в тысячу раз опаснее.

– И ещё, мисс Аои... Давайте на чистоту.

Я замерла, не оборачиваясь.

– То, что произошло у Лермы. Не могло всё случиться так... слаженно. Так идеально. Маяк. Баллон. Точное попадание. Мгновенная дестабилизация. Я уверен более чем на двести процентов, что это не случайность. Это был расчёт. Чей?

Я почувствовала, как по спине побежали мурашки. Внутри всё сжалось в ледяной ком. Он знает. Он не может знать, но он чувствует.

– Ваше Величество, я уже докладывала... – начала я, оборачиваясь, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Вы докладывали официальную версию, – перебил он. – Меня интересует неофициальная. И ещё кое-что. – Его взгляд упал на моё запястье. Там, поверх мундира, слабо просвечивал контур браслета Вэкса. Он был в пассивном режиме, но его синее свечение иногда пробивалось сквозь ткань. – Этот браслет. Обычно его не было видно. Он синий... Кристаллический. Заразные кристаллы, коммодор. Вы ведь в курсе, что это значит?

Паника, острая и безрассудная, ударила в виски. Он видит браслет. Он думает, это кристаллидная инфекция. Он думает, я заражена! Мой разум лихорадочно заработал. Надо оправдываться. Надо объяснить, что это не заражение. Но

как объяснить, не выдав Вэкса?

– Это... это не то, что вы думаете! – вырвалось у меня, и в голосе прозвучала искренняя, неконтролируемая тревога. – Это не инфекция! Это... артефакт. Его я нашла ещё на станции «Хельва», когда проснулась. Он не опасен! Он... помогает иногда с интерфейсом!

Я поняла свою ошибку мгновенно, но было поздно. Сказала слишком много. «Помогает с интерфейсом».

Император не двигался. Он просто смотрел на меня. Потом... рассмеялся. Коротко, сухо, беззвучно.

– Успокойтесь, коммодор. Я не собираюсь отправлять вас в карантин. Кристаллическая «зараза»... она давно изучена. Те синие узоры, что иногда появляются на технике после контакта с кристаллидами – это просто побочный энергетический эффект, шлак. Они не размножаются, не передаются и не опасны. Мы знаем об этом уже лет двадцать.

Он сделал паузу, и его взгляд стал пристальным, буравящим.

– Но вот что действительно интересно... Вы почему-то были уверены, что они заразны. Настолько уверены, что впали в панику, когда я о них заговорил. Откуда у вас, у человека, который, согласно отчётам, проснулся в этой реальности без памяти и сразу попал под опеку Империи, взялась такая... специфическая и, как выясняется, ошибочная информация? Кто вам сказал, что синие кристаллы – это болезнь?

Ловушка. Идеальная, беспощадная ловушка. Он поймал

меня на слове. Он знал правду о кристаллах, а я – нет. И моя паника выдала, что моё «знание» пришло из другого, не имперского источника.

Кровь отхлынула от лица. Я стояла, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Выдать Вэкса? Сказать, что есть некое третье лицо, которое кормит меня информацией? Это могло быть ещё опаснее.

– Я... – голос мой сорвался. – На станции «Хельва»... были записи. Старые логи. В них упоминались «заражённые» кристаллы. Я предположила...

– Станция «Хельва» была заброшена до того, как мы разобрались с феноменом, – холодно парировал Кайдэн. – И её базы данных давно стёрты. Не пытайтесь меня обманывать, Аои. Это ниже вашего достоинства и моего интеллекта.

Он подошёл ближе, и теперь его голос стал тихим, интимным, как у врача, сообщающего плохой диагноз.

– У вас есть секрет. Большой. Связанный с тем, кто вы на самом деле и откуда у вас такие способности. Этот браслет – часть его. Тот, кто дал вам информацию о кристаллах – тоже часть его. Я не буду выбивать из вас правду силой. Пока. Потому что, какой бы она ни была, вы доказали, что ваша полезность для Империи перевешивает потенциальную опасность. Более того, – он отступил на шаг, – я даже готов закрыть глаза на некоторые... аномалии в системных отчётах во время того боя. На странные, ничем не обусловленные энергетические всплески, совпавшие с вашим «несчастливым

случаем».

Я смотрела на него, не дыша. Он всё видел. Или, по крайней мере, видел достаточно, чтобы собрать пазл. И он... не уничтожал меня. Он предупреждал.

– Я... – начала я снова, но слов не было.

– Молчите, – мягко сказал он. – Лучшее, что вы можете сделать сейчас – это выполнить мой приказ. Отдохнуть. Усилить флот. И хорошенько подумать. Подумать о том, где находятся ваши истинные интересы. Империя может быть вашим щитом, Аои. Самым мощным во всей Алла Терре. Или она может стать вашей тюрьмой. Выбор, в конечном счёте, за вами. А теперь – действительно свободны. Не заставляйте меня ждать ваших успехов слишком долго.

Я вышла из Зала «Омега» на ватных ногах. Эйфория от наград и отпуска была полностью отравлена холодным ужасом от этого разговора. Он знал. Не всё, но достаточно. И теперь он наблюдал. Ждал. И давал мне достаточно верёвки, чтобы либо построить мост, либо сделать петлю.

На запястье браслет Вэкса вдруг проявился полностью, его синие кристаллы вспыхнули один раз, коротко и ярко, будто в знак того, что он всё слышал. А потом снова растворился, оставив лишь холодное, тревожное воспоминание о взгляде Императора и его последних словах: «Выбор, в конечном счёте, за вами.»

Отдых только начинался. Но теперь я знала – это будет отдых под прицелом. И готовиться надо было не только к

новым боям, но и к новой, куда более сложной игре теней.

Первые три дня на верфи «Анвиль» прошли в блаженном, животном забытии. Мой организм, доведённый до предела месяцами страха, боли и адреналина, наконец-то взбунтовался и потребовал своё.

День 1.

Я отдала базовые приказы: капитанам кораблей О.С.К.А.Р.а – составить списки необходимого ремонта и модернизации, офицерам снабжения – начать закупку расходников, рекрутёрам – искать толковых специалистов. Зирику поручила общее руководство процессом, чем он, кажется, был даже доволен – это давало ему ощущение контроля. А сама... отключила все неэкстренные каналы связи, захлопнула дверь каюты на «Валькирии» (теперь уже отремонтированной и сияющей) и рухнула на койку.

Сон пришёл мгновенно, как обух по голове. Без сновидений, без кошмаров. Просто густая, тёплая, исцеляющая тьма. Я проспала шестнадцать часов подряд, проснулась только от дикого голода и требований организма посетить санузел. Попела что-то из пайка, не особо разбирая вкус, и снова заснула.

День 2.

Более структурированный. Проснулась по будильнику. Душ. Настоящий, долгий, с горячей водой, которая смывала с кожи не грязь, а слой вечного нервного напряжения. Оделась в чистый, мягкий тренировочный комбинезон. Завтрак в офицерской столовой – яичница с синтезированным беко-

ном, кофе. Вкус был невероятным, почти духовным переживанием.

Потом – короткая проверка статуса ремонтов через терминал в каюте. Всё шло по плану. Отправила пару одобрений на закупки. Затем – два часа физической реабилитации в корабельном спортзале. Мышцы ныли приятной, живой болью, а не от перегрузок или ран.

После обеда – сон. Ещё три часа. Потом – просмотр отчётов. Ужин. И снова сон. Тело жадно наверстывало упущенное.

День 3.

Я начала чувствовать себя человеком. Вернее, существом, способным мыслить дальше, чем на пять минут вперёд. Утро началось с полноценной планерки с Зириком и старшими офицерами. Ремонт «Валькирии» и «Молотов» шёл полным ходом, некоторые системы даже улучшали. Прибыли первые партии новых специалистов – механики, оружейники, пилоты истребителей. Их профили показывали хороший уровень, а отношение колебалось между [Любопытство] и [+10 (Уважение к репутации)].

После планерки я, наконец-то, решила заняться самым приятным – закупкой новых кораблей. Средства на счету О.С.К.А.Р.а, перечисленные из казны Императора, представляли собой астрономическую сумму. Хватило бы на серьёзное усиление.

Я вызвала к себе в кабинет офицера снабжения, лейте-

нанта Фарроса (человек, крысовая раса, профиль показывал [+15 (Старательность)]). Он был ответственным за взаимодействие с верфями и аукционами.

– Лейтенант, – сказала я, вызывая на экране голографические модели кораблей. – Нам нужна ударная мощь. Давайте рассмотрим варианты тяжёлых крейсеров класса «Дредноут» или, на худой конец, «Титан». Хотя бы четыре-пять единиц. Плюс, возможно, пару специализированных носителей истребителей. Составьте список оптимальных предложений с верфёй Ядра.

Фаррос заерзал. Его длинный, голый хвост нервно подёргивался.

– Коммодор... насчёт этого есть небольшой... нюанс.

– Какой нюанс? – насторожилась я.

– Средства... они уже частично потрачены. На закупку новых единиц для флота.

Я уставилась на него.

– Потрачены? Кем? Я не подписывала ни одного счёта на новые корабли!

– Это... вы делегировали полномочия по оперативным закупкам, коммодор. И... ваша юная советница, мисс Лира, имела при себе ваш временный авторизационный код. Для... мелких, неотложных нужд. Она сказала, что вы ей доверяете решение по «нестандартному усилению флота». И... она его осуществила.

Ледяная волна прокатилась по моей спине. Лира. Мой ав-

торизационный код. «Нестандартное усиление».

– Показывайте, – прошипела я. – Что она купила.

Фаррос, виновато потупившись, вывел на экран отчёт о закупках. Цифры плясали у меня перед глазами. Огромные суммы, списанные с нашего счёта. И список приобретённого.

Легкий штурмовик класса «Жало» – 20 (двадцать) единиц.

Я замерла, не веря своим глазам. Двадцать. Двадцать легких, быстрых, но хрупких как яичная скорлупа корабликов. Вместо пяти тяжелых, бронированных крейсеров, способных выдержать удар «Монолита» и нанести ответный.

– И... это всё? – хрипло спросила я.

– Н-не совсем, коммодор, – быстро проговорил Фаррос, листая дальше. – Также приобретены: два крейсера среднего класса «Страж», полная комплектация, обученные экипажи. И... большой транспортный модуль с запасными частями и игрушечными пистолетами. Последнее, видимо, было личной покупкой мисс Лиры.

Я закрыла глаза, схватившись за голову. В висках застучало.

– Приведите её. Сейчас же.

Через пять минут в кабинет впорхнула Лира. Она была в новом, ярко-оранжевом комбинезоне (видимо, тоже купленном на мои деньги) и сияла от счастья.

– Капитан! Ты видела? Я купила нам целый рой! Они такие быстрые и злые! Как осы! Бзз-бзз!

Я указала на экран с цифрами.

– Лира. Двадцать «Жал». ДВАДЦАТЬ. Зачем? На что? Ты могла купить пять «Дредноутов»! Тяжёлых, мощных!

Её ушки прижались в недоумении.

– Но «Дредноуты»... они большие и медленные. Как те каменюки-монолиты. В них легко попасть. А «Жала» – их много! Они будут кружить, кусать, отвлекать! Как в игре «Роевая тактика»! Один большой робот всегда проигрывает двадцати маленьким дронам! И они дешевле! Я посчитала!

В её голосе звучала такая кристальная, детская логика, что у меня на миг перехватило дыхание. Она не транжирила деньги. Она инвестировала в свою, основанную на игровом опыте, стратегическую концепцию. И, чёрт побери, в её безумной логике был смысл. Но это был смысл тактического гения или полного профана. И проверить это можно было только в реальном бою. А счёт был опустошен на две трети.

– И зачем мне этот сброд?! – вырвалось у меня, и я снова схватилась за голову, представляя, как мне придётся отчитываться перед Императором за флот, состоящий из двадцати москитов и пары средних кораблей.

Лира надула губки.

– Они не сброд! Они наши маленькие злые осы! Я их уже назвала! Вон тот – «Жужжало», тот – «Кусака», а вон тот, с красными полосками – «Красный Барон»! Мы их настроим, и они всех порвут!

В этот момент в кабинет вошёл Зирик. Он взглянул на

экран, на моё лицо, на сияющую Лиру, и... кажется, впервые за всё время я увидела, как уголок его клюва дрогнул в подобии улыбки.

– Коммодор, – сказал он сухо. – Крейсера «Страж» прибыли и прошли проверку. Полностью укомплектованы, экипажи опытные. Капитаны ждут вашего приказа. Что касается... роя, – он бросил взгляд на Лиру, – то доки уже забиты этими «осами». Механики в ужасе, но... признают, что корабли новые и в отличном состоянии. Идеальны для быстрых разведрейдов.

Я вздохнула, смиряясь с неизбежным. Деньги потрачены. Корабли куплены. Теперь надо было извлекать из этой ситуации максимум.

– Хорошо, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. – Лейтенант Фаррос, оставшиеся средства пустить на модернизацию ВСЕХ кораблей эскадры, включая эти... «Жала». Установить на них лучшие двигатели и системы маскировки, какие сможете найти. Зирик, возьмите на себя интеграцию новых крейсеров в строй. И найдите этим двадцати штурмовикам командира. Сумасшедшего, амбициозного и способного думать как... как ребёнок-гений, одержимый роевыми тактиками.

– Есть, коммодор, – кивнул Зирик, и в его тоне впервые прозвучало нечто, отдалённо напоминающее азарт.

Лиру прыгнула от радости.

– Ура! Я буду помогать! Я знаю, как их лучше настроить!

Я махнула ей рукой, давая согласие. Ущерб был нанесён. Но, как ни странно, катастрофой это не пахло. Пахло... странной, непредсказуемой возможностью. У нас теперь был не просто флот. У нас была тактическая головная боль для любого противника. Огромная, хорошо защищённая «Валькирия», пять крепких «Молотов», два новых «Стража»... и рой из двадцати ядовитых, быстрых москитов, чьим неформальным адмиралом была восьмилетняя девочка-лиса.

– О боже мой...

Император хотел, чтобы я усилила флот. Что ж, я его усилила. Просто не так, как ожидал он. И, глядя на восторженную Лиру и задумчивого Зирика, я начинала подозревать, что этот «сброд» мог преподнести всем нам ещё немало сюрпризов. И первый из них ждал меня, когда я решила лично осмотреть новые приобретения в доке.

Последующие два дня превратились в инженерный кошмар, достойный самого абсурдного фарса. То, что начиналось как упорядоченное усиление флота, пошло наперекосяк с катастрофической скоростью.

«Элитные» инженеры, присланные с Ядра для модернизации «Жал», оказались теоретиками, привыкшими работать с размеренными, предсказуемыми системами линейных крейсеров. А «Жала» были не кораблями, а капризными, скоростными хищниками. Они требовали интуиции, смекалки и готовности нарушать инструкции.

Вместо улучшений начались поломки. Один инженер,

пытаясь «оптимизировать» импульсные двигатели, едва не спровоцировал цепную реакцию, отправив штурмовик в незапланированный таран соседнего дока. Другой, устанавливая «улучшенную» систему наведения, полностью отключил оружие трёх кораблей, заменив его интерфейсом для аркадной игры «Космические перестрелки». Ремонт и доводка двадцати «Жал» встали в копеечку, сравнимую с покупкой ещё одного «Стража», и отнимали все ресурсы.

«Валькирия» и «Молоты» тем временем благополучно прошли плановый ремонт. Новые крейсера «Страж» тоже были готовы. Но общее настроение в О.С.К.А.Р.е было подавленным. Мы потратили львиную долю бюджета на два десятка проблемных истребителей, которые больше стояли в доках, чем летали. Я сидела в своём кресле на мостике «Валькирии», уставясь в тактическую карту с нашими скромными силами, и чувствовала себя полной дурой. Как я объясню это Императору? «Простите, Ваше Величество, вместо ударного кулака мы приобрели двадцать нервных и дорогих комаров, половина из которых не стреляет, а вторая половина не летает».

Мысль о том, чтобы отправить Лиру обратно к её дяде-технику, казалась всё более привлекательной. Хоть и бесчеловечной.

Именно в этот момент все системы «Валькирии» взвыли тревогой. Не боевой – тревогой сближения. На дальних подступах к верфи «Анвиль» открылись сразу несколько мас-

сивных варп-разломов.

– Коммодор! Обнаружены множественные сигналы на подходе! – закричал оператор, голос срываясь от изумления. – Это... это не кристаллиды. Это наши.

На тактическом экране, за пределами зоны действия верфи, начали материализоваться десятки, нет, сотни новых значков. Они выстраивались в идеальный, парадный строй, занимая позицию для стыковки. Сенсоры с трудом обрабатывали данные, но один за другим всплывали профили:

[Авианосец класса «Улей». Статус: Дружественный. Эскадрильи: 40 единиц «Жало» (полный ангар).]

И таких авианосцев было пять.

[Линейный крейсер класса «Гигантомания». Статус: Дружественный. Вооружение: Максимальное. Щиты: Усиленные.]

Их было пятнадцать. Пятнадцать плавучих крепостей, каждая из которых в одиночку могла выдержать бой с «Монолитом».

[Крейсер поддержки класса «Целитель». Статус: Дружественный. Назначение: Ремонт, восстановление щитов.]

Их было восемнадцать. Ровно половина – [Статус: Требуется плановое обслуживание], вторая половина – [Статус: Полная боеготовность].

Вся эта армада, затмевая собой звёзды, плавно заняла позиции вокруг верфи, как стальная стена, готовая принять под защиту наш скромный «Анвиль». Это был флот, способный

сокрушить целую систему. И он стоял здесь, откликаясь на наши позывные.

На мостике воцарилась гробовая тишина. Все, включая Зирика, смотрели на экран, не веря своим глазам. Откуда? Кто? Как?

Двери мостика с грохотом распахнулись, и ворвалась Лира. Она запыхалась, её ушки торчали трубой, а в руках она сжимала планшет.

– Капитан! Я тут подумала над твоими словами! Да, может быть, я была не совсем права насчёт только «Жал»!

Она подбежала ко мне и сунула планшет мне в руки. На экране светился официальный имперский документ – накладная на передачу военного имущества. В графе «Отправитель» стояло: «Резервный фонд наследия адмирала Торина». В графе «Получатель»: «Коммодор Аои Аосаги, О.С.К.А.Р.». А ниже – исчерпывающий список того, что мы сейчас видели на экране.

– ...Поэтому моя стая выделила это, – торжественно закончила Лира, широко улыбаясь. – Пользуйся на здоровье!

Я смотрела то на планшет, то на сияющее лицо девочки, то на захлёстывающий экран тактический дисплей с этой невероятной армадой. В голове крутилась только одна мысль: «Резервный фонд наследия адмирала Торина». Кто это? Откуда у Лире доступ к таким фондам?

Но всё это потонуло в волне чистого, безудержного облегчения и восторга. Мы не облажались. Мы не потратили день-

ги впустую. У нас теперь был... настоящий флот. Более того, у нас была стратегическая гибкость: двадцать наших «проблемных», но наших «Жал», пять авианосцев с ещё двумя сотнями таких же, пятнадцать гигантских кулаков и восемнадцать плавучих госпиталей и заправок.

Я не сдержалась. Я встала, схватила Лиру в охапку и закружила её, смеясь так, как не смеялась, кажется, с самого момента пробуждения в этой игре.

– Ты! Ты просто невероятна! Ты золото! Золото всего флота! – выпаливала я, целуя её в макушку, в лоб, в щёку. – Откуда? Как?

Лири, смеясь и отбиваясь, объяснила, запинаясь:

– Дядя Торин! Он был папой моего папы! Он был большой адмирал! А когда он... ушёл, он оставил мне свои «игрушки» в доверительном управлении! Но мне нельзя было трогать, пока я не стану большой! А я подумала... я уже почти большая! И мы воюем! И тебе нужно! И я попросила управляющего... он долго говорил «нет-нет-нет», но я ему всё объяснила про каменюк и про то, как мы их победили! И он сказал «ладно»!

Адмирал Торин. Легенда флота. Его имя знал каждый кадет. И всё его личное состояние, его экспериментальные и резервные корабли... всё это десятилетиями пылилось на складах, ожидая наследника. Которым оказалась эта маленькая, взъерошенная лиса, играющая в пиратов на командном мостике.

Я поставила её на пол, всё ещё не веря в нашу удачу. Зирик подошёл, его профиль показывал смесь глубочайшего шока и зарождающегося уважения к хаосу, который зовётся Лирой.

– Коммодор, – сказал он, и его голос дрогнул. – С... авианосцами связываются. Они подтверждают получение приказа о передаче под ваше оперативное командование. Они просят дальнейших инструкций.

Я выпрямилась, глядя на экран. Моё маленькое, потрепанное соединение аномального реагирования только что превратилось в одну из самых мощных независимых ударных группировок во всём флоте.

– Инструкции, – сказала я, и в голосе зазвучала новая, твёрдая нота. Нота командира, у которого наконец-то есть настоящие инструменты. – Первое: всем капитанам новых кораблей – добро пожаловать в О.С.К.А.Р. Второе: начать немедленную интеграцию. «Целителям» – залечить всех наших «Жал» и привести их в боевое состояние. Инженерам с авианосцев – помочь нашим горе-специалистам с Ядра и заставить эти двадцать штук летать и стрелять как надо. «Гигантоманиям» – занять позиции на внешнем периметре, организовать ротационное дежурство. Мы не знаем, откуда ждать следующего удара, но теперь мы готовы ответить по-настоящему.

Я посмотрела на Лиру, которая с гордостью смотрела на экран, будто наблюдая за своими самыми большими игруш-

ками.

– А тебе, адмирал Лира, – я официально кивнула ей, – поручается ответственная задача: составить список «самых крутых» названий для наших новых кораблей. И... подумай, как лучше всего использовать двадцать «Жал» и двести таких же в одном бою. У тебя, я чувствую, есть идеи.

Лира отдала мне свой самый лучший, самый безумный салют.

– Есть, капитан! Будет сделано! Они даже не поймут, откуда их ужалили!

Я снова села в кресло капитана, но теперь это было другое кресло. Кресло командира армады. Тревога перед отчётом Императору сменилась тихой, уверенной силой. Теперь у меня было что показать. И теперь у меня был самый необычный и, возможно, самый ценный офицер во всём флоте – восьмилетняя девочка с доступом к наследию легенды и стратегическим мышлением гениального ребёнка.

Отдых закончился. Пора было снова входить в игру. Но на этот раз – с совсем другими картами на руках. И с целым роем «ос» в рукаве.

Глава девятая – Парочка знакомых

Работа по интеграции нового флота кипела, но даже командующему армадой иногда требовался перерыв. Особенно после недели, когда твой самый большой страх (финансовый крах и позор) сменился на самый большой подарок (половина резервного флота легендарного адмирала). Нервы были натянуты как струны, и тело требовало не просто сна, а смены обстановки.

Я решила спуститься на самую станцию «Анвиль», в её рекреационную зону. Там был огромный общественный бассейн с имитацией тропического пляжа, голограммой солнца и даже запахом морского воздуха. Мысль о том, чтобы просто полежать в воде, где никто не ждёт от тебя приказов и не докладывает о поломках, казалась раем.

Надев простой чёрный слитный купальник и лёгкий полупрозрачный саронг, я вышла из дока «Валькирии». И почти сразу наткнулась на Лиру. Она ждала меня у перехода, размахивая двумя огромными, трёхцветными рожками мороженого. Одно уже было основательно подъедено и измазано у неё по носу и ушам.

– Капитан! Я знала, что ты пойдёшь плавать! Я тоже хочу! Держи! – она сунула мне второе мороженое, липкое и уже начинающее подтаивать.

Я не могла отказать. Мы пошли вместе, Лира болтала без

умолку о том, как она уже придумала названия для всех «Гигантоманий» («Гром-гром», «Трясун», «Бух-бух» и т.д.), а я слушала, улыбаясь, и ела мороженое. Это было просто. По-человечески просто.

Бассейн был почти пуст. Лира с визгом бросилась в воду, начав немедленно изображать то боевого космического кита, то торпеду. Я зашла медленнее, наслаждаясь прохладой воды на коже. Опустилась по шею, откинула голову и закрыла глаза. Тишина. Только отдалённый плеск воды от Леры и лёгкий шум вентиляции.

Тишина длилась минут пять.

– Эй, красотка! Одна скучаешь?

Я приоткрыла один глаз. Над бортиком бассейна склонился парень. Человек, раса волк. Мускулистый, с нарочито расслабленной позой и самодовольной ухмылкой. Его профиль всплыл: Имя: Рекс.

Уровень: 45

Класс: Пилот истребителя

Статус: В сети.

Отношения: +30 (Заинтересованность)

Цифра «+30» горела навязчиво и неприятно.

– Нет, не скучаю, – сухо ответила я, снова закрывая глаза.

– Да ладно, видно же, что скучаешь! Я тут с ребятами, – он кивнул в сторону группы таких же самоуверенных типов у бара, – отдыхаем после учений. Давай, составишь нам компанию? Выпьем чего? Или... может, просто поболтаем?

– Мне и так хорошо, – сказала я, поворачиваясь к нему спиной и отплывая подальше.

Он, естественно, не унялся. Зашёл в воду и поплыл следом.

– Ой, ёй, да не забивайся! Я же вижу, ты не местная. С кораблей? С тех, что на ремонте? Я могу тебе всю станцию показать, у меня тут связи!

Я молчала, стараясь его игнорировать. Он плыл рядом, продолжая поток «комплиментов» и предложений, которые с каждой минутой становились всё наглее и неприятнее. Лира, заметив это, перестала играть и смотрела на нас с нахмуренными бровками.

– Капитан, он тебе надоедает? – громко спросила она.

Рекс фыркнул.

– Капитан? Ха, мило. Играете в солдатиков?

Десять минут. Ровно десять минут я терпела. Десять минут, пока он трогал моё плечо, «случайно» задевал под водой, настойчиво предлагал «просто сходить в бар». Мой внутренний счётчик, откалиброванный на боях с космическими чудовищами и политическими играми с Императором, заполнился до краёв. Это было не страшно. Это было унижительно, глупо и отнимало последние крохи моего законного покоя.

Я резко развернулась к нему.

– Послушай. Я сказала «нет». Чётко, ясно и вежливо. Теперь я говорю «отстань». В последний раз. Понял?

Он лишь усмехнулся, подплывая ещё ближе.

– Ого, с характером! Мне такие нравятся...

Этого было достаточно. Я резко вышла из воды, не оглядываясь, направилась к раздевалкам. Я слышала его смех и оклик: «Эй, куда? Не обижайся!»

Я шла быстро, по извилистым, полупустым служебным переулкам рекреационной зоны, ведущим к лифтам. Я хотела просто уйти. Остыть. Но лёгкие шаги за спиной сказали мне, что он последовал.

– Ну серьёзно, давай поговорим! – его голос звучал уже раздражённо.

Я остановилась, обернулась. Мы были в узком переходе между двумя блоками, где никого не было. Он подошёл вплотную, явно считая, что его физическое превосходство теперь сыграет роль.

– Я тебе что, не понравился? – спросил он, и в его глазах промелькнуло что-то неприятное.

Вместо ответа я действовала. Не как капитан флота с титулом «Тактик». А как девушка, которую десять минут доставали, а теперь загнали в угол. Всё, чему меня научили суровые будни выживания (а не игровые навыки какого-то класса) – инстинкты, скорость, знание, куда бить.

Я резко шагнула вперёд, сократив дистанцию до нуля, что его явно озадачило.левой рукой – короткий, жёсткий тычок пальцами в основание горла, не чтобы задушить, а чтобы вызвать спазм и шок. Правой – мощный, скрученный всем

корпусом удар ребром ладони в висок.

Он даже не успел вскрикнуть. Его глаза закатились, колени подкосились, и он рухнул на пол, как мешок с песком, без сознания.

Я стояла над ним, тяжело дыша, не от усталости, а от выплеска накопившейся ярости. Всё. Тишина. Идиот выключен.

– Ух ты! – раздался восхищённый шёпот. Из-за угла выскочила Лира. – Капитан, ты его... кааак!

– Он сам напросился, – пробормотала я, чувствуя, как адреналин начинает отступать, оставляя лёгкую дрожь в коленях. – Идём. Пока он не очнулся.

Но Лира не двигалась. Она смотрела на бесчувственное тело, и в её глазах загорелись озорные огоньки.

– Капитан... а давай его... разыграем? Он же был таким противным!

– Лира, нет. Просто уйдём.

– Ну пожааалуйста! Он это заслужил! Я придумала!

И прежде чем я успела остановить, Лира начала действовать с быстротой и решительностью полевого командира. Она потянула меня за руку.

– Быстро! Садись на него сверху! Вот так, как будто ты его... ну, победила и теперь сидишь на трофее!

– Лира, это же...

– Он проснётся, увидит тебя на себе, и... он же такой трус! Он испугается! Это будет смешно!

Безумие ситуации, абсурдность предложения и всё ещё кипящая внутри досада на этого Рекса перевесили голос разума. С глупой, почти истеричной ухмылкой я позволила Лире усадить меня на грудь ничего не подозревающему пилоту. Я сидела на нём, скрестив ноги, как на каком-то нелепом троне, а Лира пристроилась рядом на корточках, зажав рот ладошкой, чтобы не расхохотаться.

Мы ждали. Минуту. Две. Наконец, Рекс застонал. Его веки дрогнули, открылись. Сначала взгляд был мутным, непонимающим. Потом он сфокусировался на мне, сидящей у него на груди. На моём совершенно бесстрастном лице. На Лире, которая делала преувеличенно «зловещие» глаза.

В его сознании, видимо, всё сложилось в совершенно неправильную, но для нас идеальную картину.

– Ч-что... – он попытался пошевелиться, но я не двигалась, просто глядя на него сверху вниз. – ЧТО ЭТО? ОТСТАНЬ ОТ МЕНЯ! – завопил он с чистым, животным страхом в голосе. Он выкрутился из-под меня, откатился по полу и вскочил, пятясь к стене. – Ты... ты психопатка! Извращенка! Я... я всё расскажу!

– Расскажешь что? – спокойно спросила я, наконец вставая и отряхивая ладони. – Что тебя уложила и села на тебя девушка, которую ты десять минут преследовал, несмотря на её отказы? Думаю, твоим «ребятам» будет интересно это услышать.

Его лицо исказилось смесью страха, злости и полного уни-

жения. Он бросил на нас последний дикий взгляд, развернулся и... побежал. Бежал по переулку, спотыкаясь, оглядываясь, будто за ним гнались призраки.

Мы с Лирой выдержали паузу, пока звук его бега не стих. Потом посмотрели друг на друга. И одновременно рассмеялись. Сначала тихо, потом всё громче, пока не схватились за животы, не в силах остановиться. Это был смех сброшенного напряжения, абсурда ситуации и простой, детской радости от удачной шалости.

– Видел его глаза? – сквозь смех выдохнула Лира. – Он думал, ты его сейчас съешь!

– А он... он побежал! – я вытерла слёзы. – Бежал, как будто за ним сифаноид!

Мы, всё ещё смеясь, выбрались из переулка и направились к лифтам. Мороженое было съедено, плавание сорвано, но настроение было лучше, чем когда-либо. На мостик «Валькирии» я вернулась не только отдохнувшей, но и с чувством, что даже в этой металлической вселенной с её войнами и тайнами есть место простой, человеческой (и немного хулиганской) справедливости. И что моя маленькая советница по нестандартным решениям была мастером не только в тактике, но и в искусстве поставить наглеца на место самым запоминающимся образом.

Вечер на «Валькирии» был тихим. После инцидента в бассейне и последующего абсурдного «триумфа» над Рексом я провела остаток дня за рутиной: подписала очередные на-

кладные на интеграцию новых кораблей, утвердила патрульные графики для «Гигантоманий», просмотрела отчёт о состоянии двадцати «Жал» (они, наконец, начинали подавать признаки жизни под руководством пилотов с авианосцев). Всё шло хорошо. Слишком хорошо, что всегда настораживало.

Я уже переделалась в мягкие спортивные штаны и просторную футболку, готовясь к долгожданному чаю и, может быть, даже к просмотру какого-нибудь глупого голофильма из имперской медиатеки, когда в дверь моей каюты постучали.

Стук был не робким, но и не агрессивным. Твёрдым, настойчивым. Я нахмурилась. В это время никто из штаба без экстренного вызова не беспокоил. В поле зрения профили за дверью не всплывали – система «Валькирии» была настроена на скрытие служебной информации в жилых отсеках для приватности.

– Кто там? – спросила я, подходя к двери.

– Это... Рекс. Нам нужно поговорить.

Голос звучал не так, как днём. Не было наглой самоуверенности. Он был сдавленным, напряжённым, даже... извиняющимся? Или это была ловушка?

Инстинкт велел не открывать. Приказать ему уйти. Вызвать охрану. Но любопытство, смешанное с остатками дневной ярости, взяло верх. Если этот болван думал, что может прийти и устроить сцену... он глубоко ошибался. Я была у себя на корабле, в окружении тысяч преданных мне людей.

Я активировала панель управления, и дверь с тихим шипением отъехала в сторону.

На пороге стоял он. Рекс. Но это был не тот самоуверенный пилот. Он был в простой, поношенной форме, без знаков отличия. Его волчьи уши были прижаты к голове, хвост опущен и слегка подрагивал. Он не смотрел мне в глаза, его взгляд блуждал где-то у моих ног. В руках он сжимал какую-то маленькую коробочку.

– Чего ты хочешь? – спросила я холодно, оставаясь в дверном проёме, блокируя вход.

Он вздрогнул, словно от электрического разряда, и наконец поднял на меня взгляд. В его глазах читался страх. Настоящий, глубокий страх.

– Я... я пришёл извиниться. По-настоящему.

Я скрестила руки на груди, не говоря ни слова, давая ему продолжать.

– Я... я вёл себя как последнее животное. Я не знал... то есть я знал, что надоедаю, но... – он замолчал, сглотнув. – Мне сказали. Кто вы.

Ага. Вот оно. Кто-то из его «ребят», увидев, как он в панике бежал с рекреационного уровня, навёл справки. Или, что более вероятно, его самого после нашего «разговора» вызвали к начальству и объяснили, с кем он имел дело.

– И кто же я? – спросила я нейтрально.

– Коммодор Аосаги. Командир О.С.К.А.Р.а. Та, что... – он снова сглотнул, – та, что одним выстрелом уничтожила

сифаноида и разгромила флот кристаллидов у Лермы. Герой Империи.

Он произнёс это не с восхищением, а с благоговейным ужасом. Для него я перестала быть «девчонкой с характером». Я стала воплощением силы, с которой он по своей глупости вступил в конфликт.

– Это не оправдывает твоего поведения. Ни тогда, ни сейчас, – сказала я. – Ты преследовал меня, ты не реагировал на отказы. В любом уставе это называется домогательством. И наказание за это в военное время может быть очень суровым.

Он побледнел (насколько это возможно для волка).

– Я знаю. Меня... меня уже отстранили от полётов. Официально – для перепроверки квалификации. Неофициально... мне намекнули, что моя карьера висит на волоске. И что... что единственный, кто может это изменить, – это вы.

Он протянул мне коробочку. Я не взяла.

– Что это?

– Это... мой жетон пилота. И письменные извинения. И... прошение о переводе. В любое место. На самое дно. На дежурство у мусорных ретрансляторов. Куда угодно. Только не... не отправляйте меня под трибунал. Пожалуйста.

Он смотрел на меня почти умоляюще. Вся его спесь, вся бравада испарились, оставив только напуганного, глупого мальчишку, который слишком поздно осознал цену своей наглости.

Я вздохнула. Мне не было его жалко. Он получил по за-

слугам. Но уничтожить его карьеру, ломать жизнь из-за одной идиотской выходки? Это было бы... по-имперски жестоко. И не в моих правилах. Я предпочитала, чтобы мои враги боялись меня по-настоящему, а не из-за бюрократических игр.

– Забери свой жетон, – тихо сказала я. – Твоё наказание уже началось. Отстранение, испуг, унижение – ты всё это уже получил сполна. Трибунала не будет.

Его плечи отпустились от облегчения.

– Спасибо... Спасибо, коммодор.

– Но, – продолжила я, и он снова напрягся, – ты не вернёшься в свою старую часть. Завтра ты явишься к капитану эскадрильи «Жал» на авианосце «Улей-1». Ты будешь там младшим пилотом. Будешь чистить тренажёры, выполнять самую чёрную работу и летать на задней позиции в самом хвосте роя. Если за полгода ты не ввяжешься ни в одну дурацкую историю, не проявишь неуважения к кому бы то ни было и докажешь, что умеешь летать и слушать приказы – тебе дадут шанс. Но первый же проступок, и ты отправишься на ту самую мусорную ретрансляцию. Навсегда. Понял?

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Это был не приговор. Это был шанс. Жестокий, унижительный, но шанс. И он понимал это.

– Понял, коммодор. Спасибо. Большое спасибо.

– А теперь уходи. И чтобы я тебя больше никогда не видела в неприглядном свете.

Он резко кивнул, сунул коробочку обратно в карман, отдал какой-то нелепый, дрожащий салют и почти побежал прочь по коридору.

Я закрыла дверь, облокотившись на неё спиной. В воздухе ещё витали запахи его страха и пота. Странное чувство. Не удовлетворение от мести, а... усталость. Усталость от необходимости постоянно быть сильной, быть авторитетом, быть тем, кто раздаёт шансы и выносит приговоры.

Я подошла к иллюминатору, глядя на огни других кораблей нашей теперь уже огромной армады. Где-то там, на одном из авианосцев, теперь был напуганный волк по имени Рекс. Он стал ещё одним маленьким винтиком в огромной машине под названием О.С.К.А.Р. Машине, капитаном которой была я.

«Искусство управления – это не только тактика против врага, – вспомнились мне холодные слова Императора. – Это и умение управлять теми, кто под тобой».

Похоже, урок усваивался. Даже если преподан он был в форме идиотского приставания в бассейне. Я улыбнулась про себя. Лира была бы довольна таким поворотом. Её «розыгрыш» привёл не только к испугу наглеца, но и к его рекрутингу в наши ряды. Пусть и на самых низких ролях.

Нужно было завтра предупредить командира эскадрильи на «Улее-1». И проследить, чтобы к Рексу не приставали слишком сильно – унижение должно было закалять, а не ломать. В конце концов, нам всё ещё были нужны пилоты. Да-

же те, что начинали как полные идиоты.

Я отключила свет и легла в койку, глядя в темноту на мягкое свечение звёзд за иллюминатором. Сон на этот раз пришёл быстро, и я не видела ни кошмаров, ни воспоминаний. Только тишину и смутное ощущение, что флот спит. И что завтра будет новый день, полный своих вызовов, своих Рексов и своих маленьких, странных побед.

Утро следующего дня я встретила с неожиданным чувством лёгкости. Инцидент с Рексом, как ни странно, снял какое-то внутреннее напряжение. Было что-то освобождающее в том, чтобы поставить наглеца на место и затем, по сути, простить его, превратив в подобие полезного ресурса. Это была моя власть, тихая и не показная, и она работала.

Мысль о бассейне снова казалась привлекательной. На этот раз я отправилась одна, оставив Лиру на мостике с важным заданием – нарисовать «ужасную» эмблему для О.С.К.А.Р.а. Она отнеслась к делу со всей серьёзностью, вооружившись планшетом и обещанием «нарисовать такую страшную хрень, что кристаллиды будут пугаться, глядя на сканы».

Бассейн снова был почти пуст. Я проплыла несколько спокойных кругов, наслаждаясь тем, как вода смывает остатки вчерашней суеты. Потом забралась на шезлонг под искусственным «солнцем», закрыла глаза и просто лежала, слушая плеск волн, создаваемых системой циркуляции.

Почувствовав чей-то нерешительный взгляд, я приоткры-

ла один глаз. На соседнем шезлонге, в двух метрах от меня, сидел парень. Человек, раса, судя по аккуратным кошачьим ушам, какой-то из мелких хищников – рысь, каракал. Он был не таким дородным, как Рекс, скорее подтянутым и стройным. Он явно смотрел в мою сторону, но, встретив мой взгляд, мгновенно покраснел и уткнулся в свой планшет, делая вид, что полностью поглощён чтением. Его профиль мелькнул: [Имя: Лео. Уровень: 28. Класс: Инженер-навигатор. Статус: Застенчивое восхищение. Отношение: +15 (Интерес)].

Я внутренне вздохнула. Опять? Но что-то в его манерах было другим. Не было наглого оценивающего взгляда, напористости. Только смущение и явное желание подойти, смешанное со страхом это сделать.

Минут десять он сидел, украдкой поглядывая, а я делала вид, что сплю. Наконец, он, видимо, набрался храбрости. Раздался тихий кашель.

– Пр-простите... м-можно вас на минуточку?

Я открыла глаза и повернула голову. Он сидел на краешке своего шезлонга, готовый в любой момент сбежать.

– Можно, – сказала я нейтрально. – В чём дело?

– Я... я вчера видел вас здесь. Вы плавали с той девочкой-лисой. А потом... – он нервно сглотнул, – потом видел, как тот волк, Рекс, за вами увязался. И как вы потом... ушли. А он убежал, как ошпаренный. – Лео посмотрел на меня с искренним, неподдельным уважением. – Это было... круто.

Я имею в виду, не то чтобы я подглядывал! Просто... я тут часто бываю. И Рекс и его компания... они известные задиры. Никто им не противостоит. А вы... вы просто ушли, а он потом носился как угорелый. Спасибо.

Это было неожиданно. Не попытка знакомства, а благодарность.

– Не за что, – пожала я плечами. – Просто хотелось поплавать спокойно.

– Да, конечно! – он закивал с такой готовностью, что было почти смешно. – Это... это правильно. Я просто хотел сказать, что это здорово. Вы... вы не с этой станции, да? С кораблей?

Что ж, по крайней мере, он был вежлив.

– Да, – подтвердила я. – С флота.

– Я так и думал! – его глаза загорелись. – По осанке видно. У меня... отец служил на «Молоте». Я сам сейчас инженером-навигатором работаю, на грузовых маршрутах между верфями. Но... мечтаю о флоте. О настоящем, не о перевозке болтов и пайков. – Он замолчал, снова смутившись. – Извините, я вас, наверно, загружаю.

– Всё в порядке, – сказала я, и это была правда. Его робкий энтузиазм был куда приятнее наглости Рекса. – Как зовут?

– Лео. А вас?

На мгновение я задумалась. Сказать правду? После вчерашнего, когда правда сработала как ледяной душ, возможно, стоило попробовать снова. Да и что с того?

– Аои. Аои Аосаги.

Его лицо сначала ничего не выражало. Потом пошла медленная обработка. Его брови поползли вверх. Глаза округлились. Рот приоткрылся.

– Аои... Аосаги? Ком... командир О.С.К.А.Р.а? Та самая Аосаги?

Я кивнула, наблюдая, как по его лицу проходит целая гамма эмоций: недоверие, шок, осознание, паника.

– Ох... Ох, боже... я... я извиняюсь! Я не знал! Я... я вам время отнимаю! Я... мне пора! – Он вскочил с шезлонга так резко, что тот едва не перевернулся, и, не глядя на меня, рванул прочь.

Но его нога, заплетаясь о край моего шезлонга, сыграла с ним злую шутку. Он поскользнулся на мокром кафеле, отчаянно замахал руками и с громким всплеском шлёпнулся не в воду бассейна, а в узкий технический лаз, огороженный декоративным бордюром и заросший искусственными водорослями. Лаз вёл к системе фильтрации и был явно не предназначен для купания.

Раздался глухой удар, всплеск и потом – тишина. Спустя секунду послышался приглушённый, полный боли и паники голос:

– Ай! Чёрт! Застрял! Помогите! Кто-нибудь!

Я поднялась и подошла к краю лаза. Лео застрял там по пояс. Он пытался вылезти, но скользкие стенки и водоросли, обмотавшиеся вокруг его ног, не давали это сделать. Он был

бледен, на лбу выступил пот – смесь боли от удара и стремительно нарастающей клаустрофобии.

Увидев меня, он замер, его испуганное лицо выразило полную катастрофу.

– К-коммодор... – простонал он.

Я не могла сдержать лёгкую улыбку. Ситуация была настолько нелепой, что даже жалеть его было сложно.

– Не дёргайтесь, – сказала я спокойно. – Вы только глубже засядете. Дайте руку.

Он послушно, с трудом высвободил одну руку из водорослей и протянул её мне. Я ухватила за запястье. Он был легче, чем выглядел.

– На три. Раз, два...

На «три» я потянула на себя, а он оттолкнулся другой рукой от стенки. С мокрым чмоком и клубком водорослей на ногах он вынырнул из лаза и рухнул на кафель рядом, тяжело дыша.

Мы сидели там секунд десять – я на корточках, он – мокрый, в водорослях и в полном смущении, не в силах поднять на меня взгляд.

– Спасибо, – пробормотал он наконец. – Я... я опозорился. Перед героем Империи.

– Герои Империи тоже иногда падают, – заметила я. – Главное – уметь выбираться. И не убегать, не разобравшись, куда бежишь.

Он поднял на меня взгляд, и в его глазах читалась не толь-

ко благодарность, но и какое-то новое понимание.

– Вы... вы не такая, как я думал. О вас ходят легенды. Что вы... ледяная, расчётливая, сметаете всё на своём пути.

– Я и есть такая, – сказала я, вставая и протягивая ему руку, чтобы помочь подняться. – Но только когда это нужно. А в бассейне я – просто Аои, которая хочет поплавать. И, кажется, тебе нужно сменить локацию и выпить чего-нибудь покрепче чая.

Он взял мою руку, поднялся, отряхиваясь от водорослей. Смущение понемногу отступало, сменяясь робкой надеждой.

– Коммодор... если вам, вдруг, понадобится ещё один инженер-навигатор... который знает все грузовые маршруты между верфями Ядра наизусть и мечтает служить на боевом корабле...

Я смотрела на него. Испуганный, неловкий, но явно умный и преданный своему делу парень. У нас как раз были вакансии после расширения. И нам нужны были люди, которые смотрели бы на меня не только со страхом, как Рекс, но и с таким вот робким уважением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.